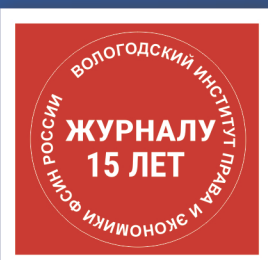

ISSN (print) 2686-9764 Том 16, № 1 (57)
ISSN (online) 2782-1986 2022

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

Volume 16, No. 1 (57),
2022

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2022, том 16, № 1 (57)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
Электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка материа-
лов только с разреше-
ния редакции журнала.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160010, г. Вологда,
ул. Кубинская, д. 16,
кв. 74

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс 41253
по Объединенному
каталогу
«Пресса России»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
31.03.2022

Тираж 1000 экз.

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуяева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.....	4
Журнал «Пенитенциарная наука» – площадка для эффективной научной коммуникации.....	4
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	8
ВОРОБЬЕВ С. М., МЕЛЬНИКОВА О. В., ИВЛИЕВ П. В. Цифровая трансформация современного российского государства: актуальные вопросы правовой регламентации.....	8
КУЗНЕЦОВА Е. В. Эффективность и функциональность общественного контроля за деятельностью уголовно- исполнительной системы: к вопросу о сущности и выборе критериев оценки.....	19
УТКИН В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы.....	29
ДВОРЯНСКОВ И. В. Концептуальные аспекты реформирования российского уголовного законодательства.....	37
КОЛЕСНИКОВ Р. В. Современное состояние преступности несовершеннолетних.....	47
МОРОЗОВ Р. М., ЛЮТЫНСКИЙ А. М. Некоторые проблемные аспекты регистрации и проверки сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы России.....	57
МОТОРОВА Н. В. Стратегия подготовки кадров как элемент кадровой политики ФСИН России и задачи образовательных организаций по ее реализации.....	66
АГАРКОВ А. В., ШИКОВ А. А. Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ».....	77
КОЛОНТАЕВСКАЯ И. Ф. Тюремная служба Израиля: традиции и перспективы.....	87
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	97
ЗЛОКАЗОВ К. В. Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением.....	97
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	107
ЗАУТОРОВА Э. В., КЕВЛЯ Ф. И. Специфика психологической защиты у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за преступления против личности, и коррекционно-воспитательная работа с ними.....	107

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Журнал «Пенитенциарная наука» – площадка для эффективной научной коммуникации

В 2022 г. исполняется 15 лет со дня учреждения научно-практического журнала «Пенитенциарная наука».

Член нашего редакционного совета Вячеслав Иванович Селиверстов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, отметил: «15 лет уже не детство и еще не зрелость, тем более не старость. Поэтому журналу – развиваться, укреплять научный авторитет, обретать новых интересных авторов и неравнодушных читателей».

Юбилей – это повод провести анализ проделанной редакционной работы, сообщить о наиболее важных событиях в развитии издания, планах и перспективах и в то же время пригласить авторов и читателей к обсуждению актуальных и значимых вопросов пенитенциарной науки и практики.

Появление в 2007 г. журнала «Вестник института: преступление, наказание, исправление» стало реализованной инициативой его первого главного редактора В. В. Попова. Благодаря усилиям Виктора Владимировича, а также всего коллектива ВИПЭ ФСИН России, ведущих докторов и кандидатов наук, авторов и рецензентов, которые с энтузиазмом воплотили в жизнь идею по созданию научной площадки для обсуждения концептуальных научных вопросов, в 2010 г. журнал был включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, а затем вошел в число специализированных научных периодических изданий, будучи ориентированным на изучение проблем функционирования и развития уголовно-исполнительной системы.

Поскольку издание является специализированным, логичным стало появление нового названия – «Пенитенциарная наука», зарегистрированного в Роскомнадзоре в 2019 г. Это задавало новый вектор развития, позволило расширить географию публикаций, в то же время определить узконаправленный фокус издания, тип публикуемого контента.

Миссия журнала состоит в том, чтобы предоставить широким слоям научной общественности ин-

формацию о состоянии и развитии пенитенциарной науки и практики в Российской Федерации и мире через раскрытие правовых, психологических и педагогических аспектов, а также посредством экспертной оценки результатов научных исследований. Такой комплексный подход обусловлен значимостью рассматриваемой тематики. Журнал выступает научной площадкой, где апробируются, обсуждаются, обосновываются проблемные вопросы развития уголовно-исполнительной системы. Фактически в каждой статье производится предварительная качественная оценка предложений, идей, которые в дальнейшем могут стать законопроектами, ускорить или замедлить, например, ресоциализацию лиц, отбывших наказание.

Учитывая сложность и социальную значимость задач, решаемых уголовно-исполнительной системой и другими правоохранительными органами, учредитель обеспечивает проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, широкое освещение в печати деятельности учреждений и органов ФСИН России. Научно-техническое развитие вошло в число основных направлений совершенствования и развития системы, отраженных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.

Редакция журнала нацелена на публикацию результатов оригинальных, творческих, актуальных исследований и положительного опыта пенитенциарной практики, авторами которых выступают как именитые специалисты, так и начинающие ученые России и зарубежных стран. Именно поэтому публикации в научно-практическом журнале «Пенитенциарная наука» бесплатные, включая услуги полнотекстового английского перевода (с декабря 2019 г. журнал издается на двух языках).

Основными задачами издателя являются обеспечение авторам благоприятных условий размещения результатов своей научной деятельности, а также организация максимально открытого доступа к ним. Подтверждением выполнения данного критерия стало вхождение журнала в крупнейшую международную базу DOAJ (Directory of Open Access

Journals – Директорию журналов открытого доступа) в мае 2021 г.

Увеличение международной видимости журнала невозможно без расширения каналов распространения. В этой связи статьи авторов «Пенитенциарной науки» размещаются в национальной информационно-аналитической системе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), научной электронной библиотеке КиберЛенинка, построенной на концепции открытой науки (OpenScience), и индексируются в системах Google Scholar, CrossRef, WorldCat, East View Information Services. В 2020 г. журнал включен в базы данных компании EBSCO Information Services на платформе EBSCOhost. С 2021 г. опубликованные статьи размещаются в информационно-цифровой системе «ГАРАНТ».

Цифровизация, ставшая элементом государственной политики Российской Федерации, требует, особенно от издателя, кардинального пересмотра системы информирования научной общественности и представителей пенитенциарной практики о результатах их деятельности и ее эффективности, обеспечения научных исследований актуальной справочной и библиографической информацией. С целью постоянной и действенной идентификации и совместимого обмена управляемой информацией в цифровых сетях с 2019 г. статьям, публикуемым в журнале, присваивается цифровой идентификатор объекта (DOI), что позволяет исключить потерю цитирования благодаря интеграции с авторскими профилями.

Любопытно взглянуть на историю журнала сквозь призму количественных показателей: 15 лет – это 56 выпусков, 1164 научные статьи, 4991 (практически пять тысяч) – суммарное число цитирований журнала в российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

В то же время неоспоримо, что успех научного журнала зависит от множества факторов и критериев, но главный один – качество публикуемого материала. Важны актуальность, новизна исследования, а также разнообразие рассматриваемых проблем. Разумеется, очень интересны авторские выводы. Обеспечение высокого содержательного уровня начинается с отбора публикуемого материала, его обстоятельного рецензирования. В состав редсовета научно-практического журнала «Пенитенциарная наука» входят десять авторитетных российских и зарубежных ученых, все его члены имеют ученую степень доктора наук, в составе редколлегии 22 ученых, из которых 19 докторов наук и 3 кандидата наук. В списке членов обоих коллегиальных органов представлены международные эксперты из Беларуси, Болгарии, Республики Казахстан, Словении.

На основании представления председателя диссертационного совета 12.04 МГУ им. М. В. Ломоносова решением Ученого совета МГУ им. М. В. Ломоносова 28 декабря 2020 г. «Пенитенциарная наука» включена в список изданий, в которых могут быть опубликованы научные статьи, засчитываемые для представления в диссертационные советы МГУ диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук. Наш журнал – первое и

пока единственное издание на пенитенциарную тематику, вошедшее в этот перечень.

Научно-практический журнал «Пенитенциарная наука» не останавливается на достигнутом и четко определяет перспективу. Развитие видится в повышении качества научных публикаций, которые являются одним из основных средств формирования репутации ученого, определения его места в науке. В ближайших планах – укрепление научных связей с пенитенциаристами зарубежных стран: Китая, Индии, Японии. Мы намерены существенно расширить диапазон научных проблем, освещаемых в нашем издании. В частности, предполагается больше внимания уделять вопросам совершенствования правового регулирования в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний с учетом международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных норм международного права. В публикациях будут затрагиваться различные аспекты повышения эффективности уголовно-исполнительной системы, предусматривающего совершенствование организации ее деятельности, оптимизацию учреждений, обеспечение безопасности, развитие производства и формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала. Однозначно ключевой темой станет исправление осужденных, предполагающее обеспечение исполнения наказания в условиях, не унижающих человеческого достоинства, соответствующих законодательству Российской Федерации и международным стандартам, совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития. При этом мы считаем недопустимым использовать науку в качестве инструмента политической борьбы. Наука должна способствовать объединению ученых, независимо от их политических или религиозных взглядов.

В 2021 г. заключено лицензионное соглашение о взаимодействии с Союзом криминалистов и криминологов, который объединяет ученых и практиков, разрабатывающих проблемы криминологии, уголовного права и уголовного судопроизводства, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертизы. На официальном сайте Союза оформлена и ведется страница издания. Президент Союза криминалистов и криминологов главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Игорь Михайлович Мацкевич входит в состав редакционного совета журнала. Для нашего издания это еще одна возможность эффективного использования усилий общественности для упрочения научных связей. Журнал «Пенитенциарная наука» готов активно сотрудничать с этой общественной организацией с целью усиления интеграции с международным научным сообществом. Ориентируясь прежде всего на публикацию высококачественных

научных статей, подготовленных ведущими мировыми пенитенциаристами, мы в то же время стремились и будем стремиться к тому, чтобы наш журнал стал творческой площадкой для одаренной научной молодежи.

В контексте этого необходимо подчеркнуть, что многие авторы, которые публиковали свои статьи на страницах журнала, будучи курсантами, магистрантами, со временем достигли высот не только в продвижении по карьерной лестнице, но и в плане личностного роста, став лауреатами престижных российских и международных премий, победителями научных конкурсов. Сегодня они, составляя прочный фундамент, обеспечивающий процветание академической науки на региональном уровне, занимаются обучением нового поколения молодых исследователей, являясь научными руководителями адъюнктов и преподавателями образовательных организаций ФСИН России.

Неотступно следуя по пути развития научно-практического журнала «Пенитенциарная наука», мы ценим эффективную научную коммуникацию, рады конструктивному диалогу, поэтому нам важно получать обратную связь от читателей, авторов и просто заинтересованных лиц.

Отзывы, поступившие в редакцию в декабре 2021 г.:

Воробьев Сергей Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России: «Достойное и проверенное временем издание! Идти только вперед на благо развития российской науки и обучаемых».

Оганесян Сергей Саядович, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, государственный советник Российской Федерации 1 класса, член экспертного совета Комитета ГД РФ по делам семьи, женщин и детей: «Журнал "Пенитенциарная наука" стал за последние 10 лет одним из самых уважаемых не только в УИС, но и в России. Его читают и за пределами нашей страны. Дальнейшей плодотворной работы на благо нашего государства! Здоровья, благополучия и творческих успехов главному редактору, членам редколлегии и сотрудникам редакции!»

Козаев Нодар Шотаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе: «Оптимизма, процветания и взыскательных читателей!»

Нагорных Роман Вадимович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России: «Дорогие коллеги! От всей души поздравляю вас с 15-летием журнала нашего института! Большинство из вас прилагают значительные усилия для развития различных отраслей научного знания в области пенитенциарной деятельности и публикуют результаты своих исследований в этом замечательном печатном издании! Ваши творческие идеи, предложения и рекомендации находят отражение в практической работе органов и учреждений, испол-

няющих уголовные наказания, являются локомотивом развития всей пенитенциарной системы, формируют ее позитивный облик не как репрессивной и карательной системы, а системы, направленной на восстановление социальной справедливости и ресоциализацию лиц, преступивших закон. Желаю всем причастным к становлению и развитию журнала "Пенитенциарная наука" дальнейших творческих успехов и благополучия, новых идей и публикаций!»

Зауорова Эльвира Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России: «Уважаемые сотрудники журнала! Примите самые теплые и искренние поздравления с днем рождения издания! "Пенитенциарная наука" – относительно молодой тематический научный журнал, его 15-летие является важным событием в научном мире. Перелистывая страницы старых подшивок, невольно восстанавливаешь в памяти всю историю становления и развития журнала, где постоянно находили отражение новые события в области науки и практики. Сегодня редакционная коллегия и издатели нашли новые формы работы с авторами, ведомственными вузами, зарубежными учеными. Разнообразные идеи, взгляды, мнения присутствуют в каждом номере и всегда заинтересованно воспринимаются читателями. Желаю сохранять свою популярность и высокий авторитет у читателей, всем сотрудникам журнала – новых творческих находок, успехов, пусть расширяется круг интересных тем и публикуются талантливые авторы!»

Оботурова Наталья Сергеевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России: «Искренне поздравляю редакцию и всех авторов с 15-летием журнала. Считаю, что его создание и постоянное развитие – это большое достижение нашего института. Желаю всем здоровья и новых интересных публикаций в 2022 году».

Панова Оксана Брониславовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России: «За 15 лет своего существования журнал превратился в настоящий интеллектуальный клуб исследователей пенитенциарной реальности в разных ее проявлениях. Журнал сплачивает содружество людей, которые стремятся "окультурить" тюремную систему с помощью научного знания. В ходе рецензирования растет профессиональный уровень авторов статей и самих рецензентов. Желаю журналу много планов на ближнюю и дальнюю перспективу, известных и пока не столь известных, но талантливых авторов, расширения круга читателей. Только вперед! Не останавливаться на достигнутом!»

Агарков Алексей Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России: «В развитии журнала прослеживается уверенная положительная динамика. Дальнейших успехов!»

Беляева Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России: «Знаю периоду института давно. Она изменилась и внешне, и внутренне. Желаю дальнейшего совершенствования и неугасаемого интереса читателей».

Вышеприведенные отзывы и 15-летняя история издания подтверждают правильность нашей позиции, нацеленной на обеспечение развития журнала «Пенитенциарная наука». Ваше доверие – это для нас большая ответственность и большой стимул к новым свершениям!

Главный редактор журнала
кандидат юридических наук, доцент
Е. Л. Харьковский

Научная статья

УДК 340.1:342.5:323.2

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.001

Цифровая трансформация современного российского государства: актуальные вопросы правовой регламентации

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОБЬЕВ

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, sergey.vorobev.78@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0734-745>

ОЛЬГА ВАДИМОВНА МЕЛЬНИКОВА

Псковский филиал Академии ФСИН России, Псков, Россия, olgaleshchenko@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2252-3107>

ПАВЕЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ ИВЛИЕВ

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, ivliev_pv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8508-1633>

Реферат

Введение: в работе раскрывается сущность цифровой трансформации государства и ее влияние на граждан России. С учетом современных трендов развития информационной политики, отвечающих интересам безопасности и потребностям граждан, авторами дается оценка нового направления развития государственной информационной политики – цифровой трансформации. С позиции теоретико-правового осмысления они обосновывают необходимость совершенствования правового механизма в современных информационно-технологических отношениях. *Цель:* проведение комплексного анализа правового регулирования института цифровой трансформации основных сфер жизнедеятельности российского общества. *Методы:* в статье использовались современные общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, структурно-функциональный, нормативно-логический, комплексный и метод толкования правовых норм. *Результаты:* электронное государство отражает в себе интегральный облик основных функций современного государства. Сбалансированная государственная информационная политика способна переформатировать государственный механизм в информационном пространстве. Определяющим вектором современной российской информационной политики выступает цифровая трансформация. В центре внимания в рамках этих процессов должно находиться население государства ввиду наличия у него потребностей в предоставлении качественных услуг на основе информационных технологий. Масштабы мировой эпидемии распространения вируса COVID-19 ускорили темпы цифровизации общества, способствовали созданию единой государственной системы идентификации пользователей и предопределили качественно новое технологическое развитие различных сфер жизнедеятельности. *Выводы:* развитие информационного общества должно быть ориентировано на создание эффективной системы информационной защиты в отношении физических и юридических лиц. В силу недостаточной развитости нормативно-правовой базы в сфере цифровой трансформации российское государство и общество будут испытывать в последующем трудности, обусловленные риском дезадаптации информационной безопасности.

Ключевые слова: цифровая трансформация; информационная политика; цифровая зрелость; информационное общество; искусственный интеллект; информационные риски; государство; население; экономика; уголовно-исполнительная система.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Воробьев С. М., Мельникова О. В., Ивлиев П. В. Цифровая трансформация современного российского государства: актуальные вопросы правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 8–18. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.001.

Original article

Digital Transformation of the Modern Russian State: Current Issues of Statutory Regulation

SERGEI M. VOROB'EV

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, sergey.vorobev.78@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0734-745>

OLGA V. MEL'NIKOVA

Pskov Branch of Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Russia, olgaleshchenko@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2252-3107>

PAVEL V. IVLIEV

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ivliev_pv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8508-1633>

Abstract

Introduction: the paper reveals essence of digital transformation of the state and its impact on Russian citizens. Taking into account modern trends in the development of information policy that meet security interests and social needs, the authors assess a new direction in the development of state information policy – digital transformation. The researchers substantiate the need to improve the legal mechanism in modern information and technological relations in terms of theoretical and legal understanding. *Task:* to conduct a comprehensive analysis of legal regulation of the institute of digital transformation of key spheres of life of Russian society. *Methods:* the article uses modern general scientific and special methods of cognition, such as analysis, synthesis, structural-functional, normative-logical, complex and legal norm interpretation methods. *Results:* an e-state reflects key functions of a modern state. A balanced state information policy can transform the state mechanism in the information space. Digital transformation is the crucial development vector of modern Russian information policy. These processes should be focused on population, in term of providing high-quality services based on information technology. The COVID-19 pandemic accelerated the pace of society digitalization, contributed to creation of a unified state system of user identification and predetermined a qualitatively new technological development of various spheres of life. *Conclusions:* to promote an information society, it is necessary to set up an effective information protection system for individuals and legal entities. Due to insufficient development of the regulatory framework in the field of digital transformation, the Russian state and society will experience certain difficulties in the future due to the risk of information security maladaptation.

Keywords: digital transformation; information policy; digital maturity; information society; artificial intelligence; information risks; state; population; economy; penal enforcement system.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

5.1.1. – Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Vorob'ev S. M., Mel'nikova O. V., Ivliev P. V. Digital transformation of the modern Russian state: current issues of statutory regulation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 8–18. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.001.

Введение

Современные ускоренные темпы информационно-технологического процесса непосредственно влияют на действующий государственный механизм и само современное государство. Не случайно в связи с этим уже прочно закрепился термин «электронное государство» и формируются правовые основы его функционирования.

В сравнении с классическим представлением о государстве электронное государство видится в качестве облика первого, отражающего в себе новые тенденции и возможности государственной деятельности. По нашему мнению, нельзя категорично разграничивать с позиции теории государства и права эти категории ввиду смешения представлений о них. Теоретическое понимание института государства, раз-

умеется, более обширно [19, с. 24–28], нежели электронного государства. В силу этого любое государство вынуждено предпринимать меры, обусловленные потребностью в оптимизации своей деятельности, в рамках имеющейся информационно-технологической зависимости, рассматриваемой нами в качестве определенного дезадапционного риска.

Последнее объективное обстоятельство бросает государству определенный вызов, при котором государство обязано выстроить сбалансированную грамотную информационную политику, удовлетворяющую интересам безопасности, потребностям граждан и общества. Именно это позволит реализовать комплекс мер по постепенному перестраиванию механизма государства в информационно-технологическом пространстве.

По справедливому суждению М. М. Абазалиевой и М. Г. Павловой, на сегодняшний день информационная составляющая современной эпохи трансформирует не только формы, механизмы, технологии воздействия, общество в целом, но и мир политических отношений, тем самым детерминируя новые аспекты исследования политической реальности, тесно связанной по всем параметрам с новой парадигмой безопасности – информационной [1, с. 166].

В центре внимания модернизированной государственной информационной политики должно находиться население государства в силу того, что именно население является главным потребителем имеющихся информационно-технологических ресурсов. Учет информационных потребностей граждан России, доступность информационных ресурсов, оперативность и быстрота получения требуемой информации, а также свобода информационного пользования при предоставлении государственных услуг должны выступать приоритетными направлениями информационно-технологической перетрансформации государства. Нельзя при этом забывать про обеспечение государством как главным поставщиком государственных услуг познавательного-образовательного направления развития в рассматриваемой сфере. Каждый гражданин должен знать предоставляемые государством информационно-технологические возможности и уметь пользоваться доступными услугами. С учетом этого государство должно быть способным адаптироваться к имеющемуся росту информационно-технологических процессов и отстаивать государственные интересы на фоне реализуемой информационной политики.

Между тем электронное управление в интересах устойчивого развития (EGOV4SD – electronic governance for sustainable development) является относительно новой областью, которая фокусируется на том, как управление может помочь обществу стать более устойчивым с использованием ИКТ. Несмотря на растущий интерес к EGOV4SD и потенциал обозначенной исследовательской области, междисциплинарные программы (EGOV и SD) исследований остаются несформированными или развиваются в рамках отдельных направлений [29, с. 94–95].

В современных условиях социокультурный сетевой императив развития общества задает параме-

тры трансформации всей системы общественных отношений, формирует новый социокультурный код развития человеческой цивилизации. Тенденция, сформировавшаяся в конце XX в., рассматривает современное общество как сеть. Сети приобретают все большее значение, они позволяют любым хозяйствующим субъектам, использующим информационные технологии и находящимся в любой точке экономической системы, свободно и с минимальными затратами взаимодействовать друг с другом. В соответствии с сетевым принципом хозяйствующие субъекты строят свои как внутренние, так и внешние связи, и такие процессы происходят в различных культурных и национальных контекстах [31, с. 65].

На наш взгляд, важным определяющим вектором современной российской информационной политики выступает именно цифровая трансформация.

Следует отметить, что применяемые в самых разнообразных областях человеческой деятельности передовые цифровые технологии создали технологический базис для формирования принципиально новой среды гражданско-правового регулирования [24, с. 96]. Впечатляющий рост цифровой экономики подтолкнул к пересмотру классических положений теории налогового права [27, с. 139]. Также необходимо констатировать, что в современных глобализационных условиях возникают новые области социальной действительности, вызывающие расширение и углубление правового регулирования общественных процессов. Появились новые отрасли и институты права: информационное, космическое, медицинское и др. [4, с. 57]

Цифровизация затронула и социальную сферу. Цифровая трансформация современного российского общества повлияла на отечественные практики корпоративной благотворительности. Она существенно расширила цифровое пространство благотворительности, включающее в себя корпоративные платформы онлайн-пожертвований, платформы pro bono, сайты коммерческих организаций [5, с. 93].

Нормативно-правовая характеристика цифровой трансформации

В Российской Федерации разработаны правовые основы для обеспечения действия на всей территории страны цифровой трансформации. Обратимся к правовой регламентации этого направления государственной деятельности.

Цифровая трансформация подразумевает предоставление большого количества государственных услуг. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 20.07.2021 № 1228 утверждены Правила разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг [16]. При этом цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг должна иметь под собой такой фундамент, как принцип комплексного подхода к решению жизненных проблем населения через суперсервисы.

Конституция Российской Федерации в п. «м» ст. 71 устанавливает, что Россия должна обеспечивать безопасность как общества и государства в целом, так и

отдельно взятой личности, в частности, при применении разного рода цифровых технологий, обороте цифровых данных.

Для обеспечения исключительного ведения государства положения ст. 75 Конституции Российской Федерации содержат важную гарантию, на основе которой должны строиться взаимоотношения между государством, обществом и гражданином. В России осуществляется комплекс мер, посредством которых призваны обеспечиваться экономический рост, повышение благосостояния населения, а также атмосфера доверия между обществом и государством. Должны гарантироваться защита достоинства членов общества и уважение трудящихся, а также поддерживаться баланс обязанностей и прав граждан, солидарность общества, в том числе и политическая [6].

Президент России в своем послании указывал на то, что потенциал Конституции Российской Федерации достаточно велик и такие основы конституционного строя, как права и свободы человека, должны оставаться главной ценностью [22]. Положения Конституции Российской Федерации смогли закрепить принципы информационного общества и конструктивные основы для реализации государственной информационной политики.

Задачи информационного развития российского общества определяются постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»» [13]. В рамках данной программы реализуется на всей территории страны подпрограмма 4 «Информационное государство». Кроме того, Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» закрепляет концептуальные основы дальнейшего стратегического развития этого важного направления деятельности [10]. В данном указе постулируется существование в стране информационного общества. Также указывается, что электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым возможен через Интернет, безусловно, стали обыденностью для россиян. Необходимо отметить, что для российской действительности характерно использование большого количества сотовых телефонов и иных гаджетов, а также цифровых технологий.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ устанавливает так называемый режим «цифровых песочниц», в рамках которого будет происходить тестирования разного рода инноваций [18]. Речь идет о том, что «цифровые песочницы» позволяют на определенных территориях или для отдельных организаций проверять технологии, чтобы потом их можно было безопасно для общества внедрять и распространять на территории всей страны. Данный закон является весьма долгожданным и позволяет заблаговременно спрогнозировать наступление возможных рисков. Теперь развитие информационных технологий может идти гораздо быстрее и продуктивнее. Так, в «Лабора-

тории Касперского» на коммерческой основе была создана «песочница» (Sandbox), и ее активно используют в качестве инструментария для отслеживания опасных компьютерных программ и формирования в дальнейшем антивирусных баз. Создание экспериментальных «песочниц» на государственной или коммерческой основе позволит позитивно повлиять на действие обновленной российской правовой системы с учетом практики информационно-технологических прорывов.

В соответствии с данными We Are Social и крупнейшей SMM-платформы Hootsuite, количество пользователей сети Интернет в 2021 г. достигло 4,66 млрд чел., что на 7,3 % (316 млн чел.) больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Аудитория социальных сетей в 2021 г. насчитывала 4,2 млрд чел., что означает прирост по сравнению с предыдущим годом на 13 %. Мобильными телефонами в 2021 г. пользовались 5,22 млрд чел., это 66,6 % мирового населения. С января 2020 г. количество уникальных мобильных пользователей выросло на 1,8 % (93 млн чел.). При этом надо понимать, что общее количество пользователей мобильной связи выросло на 72 млн чел. (0,9 %) и достигло к январю 2021 г. 8,02 млрд чел. [3].

Благодаря Интернету экономика страны в 2020 г. получила доход в 6,7 трлн руб. Более чем на 11 % лучше прошлогодних показатели в области рекламы и маркетинга – в конкретных цифрах это почти 350 млрд руб. До более чем 6 трлн руб. (22 %) выросли показатели электронной коммерции, 152 млрд руб. составили показатели инфраструктуры (20 % к прошлому году). И самое главное, что на 44 % улучшились показатели цифрового контента (123,4 млрд руб.). В целом цифровые технологии подняли отечественную экономику на 22 %.

Согласно аналитике Mediascope Интернетом в стране пользуется более 97 млн чел. Это почти 80 % представителей населения, достигших 12-летнего возраста. При этом важна интенсивность пользования цифровыми технологиями. Так, 92 % вышеуказанных лиц ежедневно пользуются Интернетом. Также надо отметить, что 90 % граждан в возрасте до 44 лет являются активными пользователями сети Интернет. А что касается молодого поколения россиян (в возрасте от 12 до 24 лет), то здесь показатели зашкаливают и превысили отметку в 95 %. По данным того же аналитического агентства Mediascope, почти 60 % мирового населения пользуется всемирной паутиной. В абсолютных цифрах это порядка 4,66 млрд чел. [2].

Для того чтобы качественно осуществлять регуляцию цифровых отношений в государстве, Правительство Российской Федерации разработало и утвердило постановление № 1646, в котором получили закрепление положение о ведомственных программах цифровой трансформации и определение цифровой трансформации [7].

Исходя из содержания этого нормативного правового акта, ключевым признаком цифровой трансформации будут являться действия государственных органов, направленные на изменение

управления оказанием государственных услуг и исполнение функций за счет использования информационных технологий. Трансформация должна быть инициирована именно государством. И все это необходимо для достижения таких целей, как повышение качества оказания услуг гражданам, снижение затрат для предпринимателей, снижение давления на государственное управление, облегчение процедуры сбора налогов, снижение зависимости от иностранной IT-инфраструктуры, а также обеспечение надежности цифровой инфраструктуры. Самым главным при этом выступает снижение чрезмерного административного давления на бизнес.

Искусство государственного управления формированием цифровых платформ состоит в нахождении государством правильного баланса (своего для каждой отрасли) между комбинированием собственного функционала и функционала коммерческих игроков для их объединения в итоговую платформенную модель. Данное государственное балансирование можно назвать дирижированием (orchestration) [28, с. 3–4]. Такое государственное управление необходимо осуществлять для устранения возможных вызовов, связанных с необходимостью проведения организационных изменений в части усиления механизмов межгосударственного, межведомственного, а также межсекторального сотрудничества, которые могут реализовываться одновременно [30, с. 270–272].

Информационно-технологические процессы скапливались и на деятельности правоохранительных органов. Так, например, с учетом реалий государственной цифровой трансформации быстрые темпы развития технического прогресса, распространение различных угроз в сфере информационной безопасности, переоснащение исправительных учреждений, модернизация образовательного процесса подготовки высококвалифицированных сотрудников уголовно-исполнительной системы России в своей совокупности предопределили дальнейшие векторы развития Федеральной службы исполнения наказаний.

Раздел XIV «Цифровая трансформация и научно-техническое развитие уголовно-исполнительной системы» Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, определил комплекс стратегических направлений дальнейшего инновационного развития ФСИН России:

- адаптация и апробация системы сквозного обеспечения автоматизации рабочих процессов;
- применение технологий искусственного интеллекта в обеспечении безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы;
- создание и защита информационного пространства ФСИН России, а также обеспечение электронно-межведомственного взаимодействия;
- создание новой методологической и технологической основы для формирования профессиональных компетенций сотрудников уголовно-исполнительной системы в условиях цифровой трансформации;

- развитие научного потенциала, способствующего получению передовых результатов, адаптированных к практической деятельности учреждений;

- проведение научных исследований по изучению эффективности исполнения отдельных видов уголовных наказаний и применения норм и институтов уголовно-исполнительного права;

- развитие технологий видео-конференц-связи при проведении процессуальных действий в судебных заседаниях, а также их использование при проведении видеосвиданий осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с родственниками, организации встреч с уполномоченными по правам человека и членами общественных наблюдательных комиссий;

- внедрение в деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы электронных баз постоянно обновляющихся нормативных правовых актов, регламентирующих права и обязанности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также необходимых им для защиты своих интересов в судах;

- применение системы электронных очередей для посещения адвокатами своих подзащитных [14].

В целях согласованного обеспечения исполнения обозначенных направлений развития был разработан приказ ФСИН России от 30.12.2020 № 984 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» [12].

Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 определяет стратегические цели цифровой трансформации, в числе которых называются внедрение цифровых технологий в социальную сферу, увеличение числа социальных услуг, которые можно предоставить онлайн, до 95 %, обеспечение до 97 % домохозяйств качественным доступом в Интернет, увеличение финансирования, направленного на развитие отечественных цифровых технологий, в четыре раза по сравнению с показателем в 2019 г. [8].

Отметим, что пандемия вируса COVID-19 ускорила процесс цифровизации общества: она способствовала становлению единообразной структуры идентификации пользователей, создала «цифровые рельсы» для происходящих бизнес-процессов, внедрила в повседневную жизнь граждан использование искусственного интеллекта.

Законодательство России определяет цифровую зрелость как наиболее значимый результат цифровой трансформации, то есть переход к управленческим решениям через цифровую аналитику. Вместе с тем Президент России сформулировал концептуально важные поручения для разработки стратегий цифровой трансформации.

Среди поручений президента в области реализации цифровой трансформации выделяется разработка Правительством Российской Федерации долгосрочной стратегии цифровой трансформации десяти сфер отечественной экономики, а также достижение цифровой зрелости, что подразумевает использование качественного российского программного обеспечения, созданного посредством искусственного интеллекта. Перед главами субъектов Российской

Федерации была поставлена задача разработать региональные стратегии цифровой трансформации [21].

Правительство Российской Федерации подготовило проект единого плана для реализации государственных задач, затрагивающих развитие Российской Федерации до 2024 г. и планирование деятельности в этой области до 2030 г. Соответствующие цели необходимо было утвердить до 1 октября 2021 г., обеспечив включение стратегических инициатив в сфере социально-экономического развития [20].

Проект плана дублирует национальные цели развития государства, закрепленные в указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474: создание возможностей для развития талантов и самореализации, осуществление цифровой трансформации, создание условий для развития предпринимательства и безопасной окружающей среды для жизни, а также сбережение здоровья населения.

В плане отражены вызовы 20-х гг. текущего века. Главной проблемой является именно технологическая повестка. Сложившаяся ситуация обнаружила прямую зависимость развития экономики страны и ее управления от скорости внедрения информационных технологий. Именно новые технологи должны стать катализатором качества жизни, обеспечить прорыв в разных сферах жизнедеятельности и управления. В плане сформулированы индикаторы и статистические показатели мероприятий для достижения всех целевых показателей указа Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 [23].

Нормативно-правовое сопровождение процесса обучения и требования для руководителей цифровой трансформации разного уровня

Важной составляющей успешности процесса цифровой трансформации является учреждение при реализации консолидированной программы новой должности или государственного органа – руководителя цифровой трансформации органов власти на федеральном и региональных уровнях.

Минцифры России разработало положение, устанавливающее требования к кандидатам на должность ответственного за цифровую трансформацию, а также регламентирующее проведение испытания на наличие управленческих знаний. Данная должность подразумевает наличие таких качеств, как целеустремленность, высокий интеллект, коммуникативные навыки, профессионализм, а также знание IT-инфраструктуры и цифровых технологий.

Процедура проверки вышеуказанных компетенций включает в себя три этапа и проводится высококвалифицированными экспертами.

Этап 1. Проверка управленческого потенциала, в ходе чего акцент делается на выявлении навыков анализа информации, лидерских способностей (умение мотивировать людей пойти за тобой, харизматические качества, интеллект, чувство долга), готовности развиваться (открытость к новациям, готовность к критике), коммуникативных способностей (убедительность, хорошо поставленная речь), а также эмоциональной устойчивости, высокой работоспособности.

Этап 2. Выявление знаний и опыта конкретно в цифровой сфере, где компетенции можно оценить во время собеседования посредством шкалы от 0 до 3, где 0 – непроявленный уровень, 1 – базовый уровень, 2 – квалифицированный уровень, 3 – экспертный уровень.

Этап 3. Встреча с министром цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. На данном этапе необходимо сформулировать критерии эффективности деятельности, которых требуется достичь на должности руководителя ФОИВ, несущего ответственность за цифровую трансформацию при определении целеполагания до 3 лет.

Для обучения руководителей персонала по продвижению цифровой трансформации на базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в 2019 г. был учрежден Центр подготовки руководителей и команд цифровой трансформации (далее – Центр). Основная задача организации – обучение как государственных, так и муниципальных служащих, которые несут ответственность за цифровую трансформацию и совершенствование российских органов власти. Центр также ведет экспертно-аналитическую деятельность и занимается популяризацией цифровой трансформации.

За 2019–2020 гг. более 20 тыс. госслужащих прошли обучение в Центре. Среди них министры, заместители губернаторов и заместители руководителей служб, а также государственные и муниципальные служащие.

В 2021 г. слушатели проходили обучение по четырем направлениям: программа профессиональной переподготовки «Руководитель цифровой трансформации» для 50 государственных служащих уровня заместителей министров, а также руководителей служб и их заместителей. Необходимо отметить, что порядка 1 тыс. чел. были охвачены программой повышения квалификации «Реализация проектов цифровой трансформации», более 6,5 тыс. муниципальных и государственных служащих освоили программу «Цифровая трансформация и цифровая экономика: технологии и компетенции», около 5 тыс. госслужащих уровня заместителя руководителя отдела и выше прошли подготовку в рамках программы «Основы цифровой трансформации» [26].

Цифровая трансформация и цифровая зрелость

Для определения уровня показателей цифровой зрелости на федеральном и региональном уровнях Минцифры России разработало методики для разных сфер жизнедеятельности. Они разграничивают показатели достижения цифровой зрелости на региональном и федеральном уровнях [15]. На федеральном уровне учитываются следующие сферы государственного развития показателей: социальная сфера, экологическая сфера и природопользование, энергетика, финансы, производство, занятие сельским хозяйством, строительство, государственное управление, образование и наука, транспорт, здравоохранение, градостроительство

и др., на региональном – государственное управление, образование и наука, транспорт, градостроительство, здравоохранение.

В целях более качественной реализации проектов по внедрению цифровой трансформации на уровне субъектов Федерации была обеспечена возможность принятия региональных документов долгосрочно-го планирования. Примерами последних могут послужить Стратегия цифровой трансформации социально-экономической деятельности Новосибирской области на период до 2024 г.; Концепция развития цифровой экономики Пермского края в 2018–2024 гг.; Стратегия развития информационного общества в Республике Тыва до 2030 г. «Цифровая Тува»; Концепция цифрового развития экономики Удмуртской Республики в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» на 2019–2024 гг.

Субъекты Российской Федерации разработали и утвердили региональные стратегии цифровой трансформации основных отраслей экономики, социальной сферы и, конечно же, государственного управления (4663 проекта). В них обозначены направления цифровой трансформации, такие как пути сообщения, градостроительство, государственное управление, просвещение и социальная сфера, а также здравоохранение.

Вышеуказанные стратегии были согласованы с ответственными федеральными органами исполнительной власти. В среднем в них добавлены по 10 отраслей и 50 проектов. Среди субъектов Российской Федерации больше всего отраслей – 18 – включил Пермский край, второе место уверенно держит Республика Чувашия – 17 отраслей, тройку лидеров замыкает Забайкальский край с 16 отраслями. Что же касается проектов, то здесь пальму первенства держит Чувашская Республика со 128 проектами, вслед за ней идет Республика Татарстан со 102 проектами, Мурманская область уверенно занимает третье место с 96 проектами [25].

Необходимо отметить, что поручения Президента России от 31.12.2020 утверждают стратегические направления в области цифровой трансформации государственного управления. Для их реализации требуется адаптировать внедрение технологий искусственного интеллекта, также должно предусматриваться активное использование радиоэлектронной продукции [17].

В целях эффективного осуществления процесса цифровой трансформации следует решить целый ряд актуальных проблем, среди которых можно выделить следующие:

- во-первых, отсутствию нормативно-правового регулирования, способное заблокировать автоматический сбор социально-экономических показателей, потому что на сегодняшний день юридические лица не должны предоставлять такие сведения властям;

- во-вторых, существующая на данный момент нехватка необходимого оборудования отечественного производства для обработки информации, собранной дистанционным способом;

- в-третьих, низкий уровень компетенции и профессионализма сотрудников в цифровой сфере;

- в-четвертых, зависимость от поставок иностранного оборудования и соответствующих рисков в сфере цифровой безопасности.

Становление цифрового общества зиждется на обеспечении защиты каждого гражданина и всех юридических лиц, утечка охраняемой информации недопустима. Так, например, Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 26.05.2016 № 1158-О [11] установил, что норма, содержащаяся в ст. 7 федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ [9] и устанавливающая обязанность операторов или иных лиц не выдавать третьим лицам сведения без согласия субъекта персональных данных, не противоречит ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации. В связи с этим выдавать третьим лицам информацию, касающуюся частной жизни граждан, не подлежащую контролю со стороны государства, неправомерно.

Заключение

Современное развитие информационного общества, безусловно, предполагает обеспечение защищенного состояния каждого гражданина и всех юридических лиц. Ввиду недостаточности нормативно-правовой базы по вопросам регулирования цифровой трансформации считаем, что весьма непросто создать условия, обеспечивающие информационную безопасность участников всех сфер жизнедеятельности общества и государства.

Планомерность и адаптивное сопровождение информационно-цифровых технологий в государственном механизме требуют от всех субъектов информационных отношений консолидированного участия, обмена опытом и ответственности. Эти критерии должны быть определяющими для создания оптимально функционирующего электронного российского государства. Модель электронного государства будет зависеть от специфики цифровой трансформации, ее качественных и количественных характеристик, достаточности уровня нормативно-правового сопровождения, возникающих в процессе жизнедеятельности общества и его взаимодействия с государством рисков и угроз.

Цифровая трансформация требует формирования доверия всего населения. Для того чтобы система была действенной, требуется качественная информационная среда, способная наперед предвидеть наступление различных информационно-технологических рисков, локализовать их, снизить негативные последствия и проявления [32, с. 101–102]. Именно в среде, обогащенной новыми цифровыми технологиями, формируются взаимное доверие, общее понимание и новые возможности для совместного производства общественных благ. Право в этих сложных условиях должно выступать интегративным началом всесторонне развитого обеспечения действия института цифровой трансформации. Насколько этот процесс будет удачным, покажет его проверка временем. Последнее изменит содержание, а содержание предопределяет качество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абазалиева, М. М. Информационная безопасность как закономерная политика государства: политологический обзор исследования парадигмы / М. М. Абазалиева, М. Г. Павлова // Современная наука и инновации. – 2020. – № 4 (32). – С. 166–170.
2. Вклад экономики Рунета в российскую экономику составил 6,7 трлн рублей // 26-й РИФ : сайт. – URL: <https://2021.rif.ru/news/vklad-ekonomiki-runeta-v-rossijskuyu-ekonomiku-sostavil-6-7-trln-rublej> (дата обращения: 21.11.2021).
3. Вся статистика интернета и соцсетей на 2021 год – цифры и тренды в мире и в России // WebCanape : сайт. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 21.11.2021).
4. Гадисов, С. Р. Трансформация института государства в условиях глобализации / С. Р. Гадисов // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2013. – № 6. – С. 53–58.
5. Зазаева, Н. Б. Основные тенденции формирования цифрового пространства российской корпоративной благотворительности / Н. Б. Зазаева, С. М. Федюнина // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Том 21, № 6. – С. 92–101.
6. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993; с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами о поправках к Конституции РФ : [от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ] // Российская газета. – 2020. – 4 июля.
7. О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами : постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2020 № 1646 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – Часть III. – № 42. – Статья 6612.
8. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 01.09.2021).
9. О персональных данных : федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261> (дата обращения: 25.12.2021).
10. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Статья 2901.
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сазоновой Елены Александровны на нарушение ее конституционных прав статьей 7 Федерального закона «О персональных данных» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.05.2016 № 1158-О // Конституционный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 01.12.2021).
12. Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов : приказ ФСИН России от 30.12.2020 № 984 // Федеральная государственная информационная система координации информатизации : официальный сайт. – URL: https://portal.eskigov.ru/system/documents/uploads/000/939/600/original/ВПЦТ_ФСИН_России.pdf?1609408910 (дата обращения: 20.12.2021).
13. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» : постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 (в ред. от 31.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – Часть II. – № 18. – Статья 2159.
14. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105050004?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 12.12.2021).
15. Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной идеи развития Российской Федерации «Цифровая трансформация» : приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций от 18.11.2020 № 600 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintsifry-rossii-ot-18112020-n-600-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 01.12.2021).
16. Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 20.07.2021 № 1228 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107260032> (дата обращения: 12.12.2021).
17. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления : распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.10.2021 № 2998-р // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110260034?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 01.12.2021).
18. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024> (дата обращения: 12.12.2021).
19. Основы государства и права : учебное пособие для вузов / С. А. Комаров и [др.] ; под общей редакцией С. А. Комарова. – 5 изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – 681 с. – ISBN 978-5-534-12417-0.

20. Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66331> (дата обращения: 07.09.2021).
21. Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64859> (дата обращения: 07.09.2021).
22. Послание Президента к Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 25.08.2021).
23. Проект единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и плановый период до 2030 года // Стратегия 24 : официальный сайт. – URL: <https://www.strategy24.ru/rf/news/proekt-edinogo-plana-po-dostizheniyu-natsionalnykh-tselei-razvitiya-rossiiskoi-federatsii-na-period-do-2024-goda-i-na-planovyi-period-do-2030-goda> (дата обращения: 10.09.2021).
24. Решетняк, С. Р. Классификация цифровых прав / С. Р. Решетняк // Вестник экспертного совета. – 2021. – № 1. – С. 96–105.
25. Стратегии цифровой трансформации // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/> (дата обращения: 01.12.2021).
26. Центр подготовки руководителей и команд цифровой трансформации // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://www.ranepa.ru/struktura/tsentr-podgotovki-rukovoditelej-tsifrovoy-transformatsii/> (дата обращения: 10.09.2021).
27. Шохин, С. Налогообложение цифровой экономики: конец оптимизма / С. Шохин, Е. Кудряшова, А. Шашкова // Международные процессы. – 2021. – № 2 – С. 138–150.
28. Cordella, A. Government as a platform, orchestration, and public value creation: The Italian case / Antonio Cordella, Andrea Paletti // *Government Information Quarterly*. – 2019. – Volume 36, no. 4. – Pp. 1–15.
29. Estevez, E. Electronic Governance for Sustainable Development – Conceptual framework and state of research / Elsa Estevez, Tomasz Janowski // *Government Information Quarterly*. – 2013. – Volume 30, no. 1. – Pp. 94–109.
30. Gil-Garcia, R. Towards a Smart State? Inter-agency collaboration, information integration, and beyond / J. Ramon Gil-Garcia // *Information Polity*. – 2012. – Volume 17, no. 1. – Pp. 269–280.
31. Oliinyk, D. Conceptual framework for the digital transformation of the economy and society / D. Oliinyk, D. Nizhnyi // *The balanced development of national economy under the conditions of modern world transformations*. – Daugavpils : Daugava Print, 2019. – P. 65–77.
32. Webster, C. Smart governance: Opportunities for technologically-mediated citizen co-production / C. William R. Webster, Charles Leleux // *Information Polity*. – Volume 23, no. 1. – Pp. 95–110.

REFERENCES

1. Abazalieva M.M., Pavlova M.G. Information security as a legitimate state policy: a political science review of the paradigm research. *Sovremennaya nauka i innovatsii=Modern Science and Innovation*, 2020, no. 4 (32), pp. 166–170. (In Russ.).
2. Contribution of the Runet economy to the Russian economy amounted to 6.7 trillion rubles. *26-i RIF: sait* [26th RIF website]. Available at: <https://2021.rif.ru/news/vklad-ekonomiki-runeta-v-rossijskuyu-ekonomiku-sostavil-6-7-trln-rublej> (In Russ.). (Accessed November 21, 2021).
3. All statistics of the Internet and social networks for 2021 – figures and trends in the world and in Russia. *WebCanape: sait* [WebCanape: website]. Available at: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (In Russ.). (Accessed November 21, 2021).
4. Gadisov S.R. Transformation of the institution of the state in the context of globalization. *Vestnik PAPS=The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2013, no. 6, pp. 53–58. (In Russ.).
5. Zazaeva N.B., Fedyunina S.M. Main trends in the digital space formation of Russian corporate philanthropy. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya=The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2021, vol. 21, no. 6, pp. 92–101. (In Russ.).
6. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993; subject to amendments made by federal constitutional laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation [of December 30, 2008 No. 6-FKZ, No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, of July 21, 2014 No. 11-FKZ, of March 14, 2020 No. 1-FKZ]. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, July 4, 2020. (In Russ.).
7. On measures to ensure effectiveness of measures to use information and communication technologies in the activities of federal executive authorities and management bodies of state extra-budgetary funds: Decree of the RF Government No. 1646 of 10, 2020. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2020, part 3, no. 42, art. 6612. (In Russ.).
8. On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the RF President No. 474 of July 21, 2020. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (In Russ.). (Accessed September 1, 2021).
9. On personal data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261> (In Russ.). (Accessed December 25, 2021).
10. On the Strategy for information society development in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of Russia No. 203 of May 9, 2017. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2017, no. 20, art. 2901. (In Russ.).
11. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Elena A. Sazonova on violation of her constitutional rights by Article 7 of the Federal Law “On personal data”: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1158-O of May 26, 2016. *Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii: Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi*

- sait [Constitutional Court of the Russian Federation: official website]. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (In Russ.). (Accessed December 1, 2021).
12. On approval of the departmental program of digital transformation of the Federal Penitentiary Service for 2021 and for the planning period of 2022– 2023: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 984 of December 30, 2020. *Federal'naya gosudarstvennaya informatsionnaya sistema koordinatsii informatizatsii: ofitsial'nyi sait* [Federal State Information System for the Coordination of Informatization: official website]. Available at: https://portal.eskigov.ru/system/documents/uploads/000/939/600/original/VPTsT_FSIN_Rossii.pdf?1609408910 (In Russ.). (Accessed December 12, 2021).
13. On the approval of the state program of the Russian Federation "Information Society": Decree of the RF Government No. 313 of April 15, 2014" (as amended March 31, 2021). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2014, part 2, no. 18, art. 2159. (In Russ.).
14. On Approval of the Concept for the development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the RF Government No. 1138-r of April 29, 2021. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105050004?index=0&rangeSize=1> (In Russ.). (Accessed December 12, 2021).
15. On approval of the methods for calculating target indicators of the national idea of development of the Russian Federation "Digital Transformation": Order of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media No. 600 of November 18, 2020. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty v Rossiiskoi Federatsii* [Laws, codes and regulatory legal acts in the Russian Federation]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintsifry-rossii-ot-18112020-n-600-ob-utverzhenii/> (In Russ.). (Accessed December 1, 2021).
16. On approval of the Rules for development and approval of administrative regulations for public services provision, on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation and invalidation of certain acts and certain provisions of acts of the Government of the Russian Federation: RF Government Decree No. 1228 of July 20, 2021. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107260032> (In Russ.). (Accessed December 12, 2021).
17. On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of public administration: RF Government Decree No. 2998-r of October 22, 2021. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110260034?index=0&rangeSize=1> (In Russ.). (Accessed December 1, 2021).
18. On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation: Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024> (In Russ.). (Accessed December 12, 2021).
19. Komarov S.A. et al. *Osnovy gosudarstva i prava: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Fundamentals of state and law: textbook for universities]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2020. 681 p.
20. List of instructions following the meeting of the Council for Strategic Development and National Projects. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66331> (In Russ.). (Accessed September 7, 2021).
21. List of assignments following the conference on Artificial Intelligence. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64859> (In Russ.). (Accessed September 7, 2021).
22. Presidential Address to the Federal Assembly of January 15, 2020. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (In Russ.). (Accessed August 25, 2021).
23. Draft plan to achieve national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 and the planning period up to 2030. *Strategiya 24: ofitsial'nyi sait* [Strategy 24: official website]. Available at: <https://www.strategy24.ru/rf/news/proekt-edinogo-plana-po-dostizheniyu-natsionalnykh-tselei-razvitiya-rossiiskoi-federatsii-na-period-do-2024-goda-i-na-planovyy-period-do-2030-goda> (In Russ.). (Accessed September 10, 2021).
24. Reshetnyak S.R. Classification of digital rights. *Vestnik ekspertnogo soveta=Bulletin of Expert Council*, 2021, no. 1, pp. 96–105. (In Russ.).
25. Digital transformation strategies. *Ministerstva tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsii Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/> (In Russ.). (Accessed December 1, 2021).
26. Training Center for Managers and teams of Digital Transformation. *Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://www.ranepa.ru/struktura/tsentr-podgotovki-rukovoditelej-tsifrovoj-transformatsii/> (In Russ.). (Accessed September 10, 2021).
27. Shokhin S., Kudryashova E., Shashkova A. Taxing digital economy: the end of optimism. *Mezhdunarodnye protsessy=International Trends*, 2021, no. 2, pp. 138–150. (In Russ.).
28. Cordella A., Paletti A. Government as a platform, orchestration, and public value creation: The Italian case. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 36, no. 4, pp. 1–15.
29. Estevez E., Janowwski T. Electronic governance for sustainable development – conceptual framework and state of research. *Government Information Quarterly*, 2013, vol. 30, no. 1, pp. 94–109.
30. Gil-Garcia R. Towards a smart state? inter-agency collaboration, information integration and beyond information. *Polity*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 269–280.
31. Oliinyk D., Nizhnyi D. Conceptual framework for the digital transformation of the economy and society. In: *The balanced development of national economy under the conditions of modern world transformations*. Daugavpils, 2019. Pp. 65–77.
32. Webster C.R., Leleux C. Smart governance: opportunities for technologically-mediated citizen co-production. *Information Polity*, vol. 23, no. 1, pp. 95–110.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОБЬЕВ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, Рязань, Россия, sergey.vorobev.78@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0734-745>

ОЛЬГА ВАДИМОВНА МЕЛЬНИКОВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, Псков, Россия, olgaleshchenko@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2252-3107>

ПАВЕЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ ИВЛИЕВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, Рязань, Россия, ivliev_pv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8508-1633>

SERGEI M. VOROB'EV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department for the Theory of the State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, sergey.vorobev.78@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0734-745>

OLGA V. MEL'NIKOVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Pskov Branch of Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Russia, olgaleshchenko@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2252-3107>

PAVEL V. IVLIEV – Candidate of Sciences (Law), associate professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ivliev_pv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8508-1633>

Статья поступила 20.12.2021

Научная статья

УДК 343.81

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.002

Эффективность и функциональность общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы: к вопросу о сущности и выборе критериев оценки

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУЗНЕЦОВАВологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kuznecova_ev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2593-2002>

Реферат

Введение: изучение проблем качественного общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания весьма актуально для современного государства, поскольку способствует обеспечению прав и свобод личности как высшей ценности, повышению эффективности системы исполнения наказаний, снижению уровня коррупции, развитию открытого государства и усилению доверия к правоохранительной системе. *Методы:* догматический анализ научных категорий, а также формально-юридический анализ действующих нормативных актов. *Результаты:* традиционные подходы к оценке эффективности деятельности тех или иных субъектов не вполне подходят для общественного контроля, в том числе за деятельностью уголовно-исполнительной системы. Автор предлагает оценивать функциональность общественных наблюдательных комиссий, то есть проводить осмысление показателей их деятельности по выполнению своих функций. Внимание обращается также на то, что функции общественных наблюдательных комиссий вытекают из цели их существования и задач деятельности. Формулировки цели и задач, содержащиеся в действующем законе «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», не соответствуют социальному назначению общественных наблюдательных комиссий и требуют совершенствования. *Выводы:* предлагается оценивать эффективность общественных наблюдательных комиссий через призму их функциональности, учитывая не только количественные характеристики их деятельности, но и качественные показатели работы, в том числе в аспектах их состава, комплексности и систематичности работы, вовлеченности членов общественных наблюдательных комиссий в проводимые мероприятия, гибкости системы общественного контроля и доступности информации о нем. Выбор критериев и конкретных показателей оценки требует дальнейшего обсуждения. Представляется необходимым также совершенствовать нормативное регулирование целеполагания деятельности общественных наблюдательных комиссий как субъектов общественного контроля.

Ключевые слова: общественный контроль; общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы; общественные наблюдательные комиссии; уголовно-исполнительная система; эффективность общественного контроля.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кузнецова Е. В. Эффективность и функциональность общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы: к вопросу о сущности и выборе критериев оценки // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57), с. 19–28. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.002.

Original article

Efficiency and Functionality of Public Control over Penal Enforcement System Activities: Discussing the Essence and Identifying Evaluation Criteria

© Кузнецова Е. В., 2022

ELENA V. KUZNETSOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, kuznecova_ev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2593-2002>

Abstract

Introduction: studying issues of qualitative public control over activities of places of forced detention is very relevant for the modern state, since it contributes to ensuring the rights and freedoms of an individual as the highest value, effective functioning of the penal enforcement system, reducing corruption, developing an open state and increasing the level of trust in the law enforcement system. *Method:* dogmatic analysis of scientific categories, formal legal analysis of existing regulations. *Results:* traditional approaches to assessing performance of certain subjects are not quite suitable for public control, including over activities of the penal enforcement system. It is proposed to evaluate functionality of public supervisory commissions, that is, assess indicators of their activities in the performance of their functions. Attention is also drawn to the fact that the functions of public supervisory commissions stem from the purpose of their existence and tasks of their activities. The formulations of the goals and objectives contained in the current law “On public control over ensuring human rights in places of forced detention and on assistance to persons in places of forced detention” do not correspond to the social purpose of public supervisory commissions and require improvement. *Conclusions:* the author proposes to evaluate performance of public supervisory commissions through the prism of their functionality, assessing not only quantitative characteristics of their activities, but also qualitative performance indicators, including characteristics of their composition, complexity and systematic work, involvement of members of public supervisory commissions in the activities carried out, flexibility of the public control system and availability of information about it. The choice of criteria and specific evaluation indicators requires further discussion. It is also suggested to improve regulation of the goal-setting activities of public supervisory commissions as subjects of public control.

Keywords: public control; public control over activities of the penal enforcement system; public supervisory commissions; penal enforcement system; efficiency of public control.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Kuznetsova E. V. Efficiency and functionality of public control over penal enforcement system activities: discussing the essence and identifying evaluation criteria. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 19–28. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.002.

Введение

Общественный контроль за деятельностью государственных органов и учреждений является важнейшим фактором развития гражданского общества и правового государства в современной России. Необходимость общественного контроля, по мнению исследователей, обусловлена потребностью общества в снижении уровня коррупции, развитии принципов открытости и прозрачности в деятельности государственных органов и должностных лиц, экономии государственных ресурсов для организации полноценного контроля в некоторых сферах, в целом в повышении эффективности деятельности органов государственной власти, выработке стандартов правомерной деятельности как государственного аппарата, так и общества в целом.

Общественный контроль обеспечивает баланс интересов различных социальных групп, координацию усилий для выработки управленческих решений, гарантии соблюдения законности и правопорядка [13, с. 105–106]. Кроме того, наличие института общественного контроля за деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления рассматривается как один из основных признаков

легитимности власти [1]. Впрочем, в современной зарубежной литературе высказывается и противоположная точка зрения, согласно которой исключаются влияние гражданских институтов на реализацию политики государства, а также контроль за ней, с тем чтобы избавиться от необходимости «войны за общественный и государственный суверенитет», которая разрушительно влияет на развитие государства и общества [16]. Тем не менее преобладает все-таки позиция о важности роли общественного контроля гражданского общества за деятельностью государства, при этом исследователи приходят к выводу, что значение институционального контроля выше, чем контроля со стороны индивидуальных акторов [17, с. 804–805].

Важнейшее значение приобретает общественный контроль за деятельностью правоохранительных органов, в частности пенитенциарной системы, учитывая ее историческое прошлое в нашем государстве. Основная цель общественного контроля в данной сфере – дополнительные гарантии обеспечения прав и свобод лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, соблюдение законности и правопорядка. Целесообразность об-

щественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы не вызывает сомнений. В современный период нормативно регламентированы статус субъектов общественного контроля, процедуры их деятельности, во всех субъектах Российской Федерации созданы общественные наблюдательные комиссии. Однако цели общественного контроля достигаются не только институционализацией данных общественных отношений, но и обеспечением качества его функционирования. Закономерным является вопрос об эффективности общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы. В юридической науке достаточное внимание уделяется вопросам правового регулирования общественного контроля за деятельностью УИС, характеристике субъектов и предмета общественного контроля, форм деятельности общественных наблюдательных комиссий (А. П. Скиба, Н. С. Малолеткина, Я. Ю. Реент, Ю. В. Перрон и др.). Параллельно затрагиваются отдельные вопросы результативности общественного контроля, выявляются пробелы правового регулирования и проблемы практической деятельности общественных наблюдательных комиссий как основных субъектов общественного контроля за деятельностью УИС. Вопросы выработки критериев эффективности общественного контроля за деятельностью пенитенциарной системы практически не выступали предметом самостоятельного научного исследования.

Методология исследования

При проведении исследования использовался догматический анализ терминологического аппарата, изучались основные подходы к определению понятия и сущности эффективности деятельности публичных органов и общественных организаций, формировалась собственная позиция относительно обоснованности использования термина «эффективность деятельности» применительно к общественным наблюдательным комиссиям. Также применялся формально-юридический метод с целью выявления и анализа предложенных субъектами правотворчества методов и критериев оценки эффективности тех или иных субъектов. На основе анализа данных юридической науки и материалов практики общественных наблюдательных комиссий, изложенных в отчетах Общественной палаты Российской Федерации, общественных палат субъектов Российской Федерации, а также исходя из представлений о социальном назначении общественных наблюдательных комиссий сформулированы критерии функциональности последних.

Постановка проблемы и результаты исследования

Идеи выявления критериев эффективности в различных сферах деятельности государства и общества (эффективного государственного управления, финансового контроля, эффективности институтов гражданского общества) активно обсуждаются в юридической науке и реализуются в политической практике. Так, например, разработаны показатели эффективности деятельности высших должностных лиц и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправ-

ления, общественных советов при федеральных органах исполнительной власти и т. д. (например, указы Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов»; Методика оценки и критерии эффективности деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, согласованная с протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 19.04.2018 № 3). Оценка эффективности чего бы то ни было становится своеобразным трендом в государственном и общественном управлении. Не стал исключением и общественный контроль: в отдельных публикациях ставятся, например, вопросы эффективности общественного контроля на потребительском рынке [7], контроля за деятельностью пенитенциарной системы в период пандемии [10]. И здесь возникают закономерные вопросы: можем ли мы выявить показатели эффективности общественного контроля? рационально ли вообще использовать сложившиеся в науке подходы к понятию и критериям эффективности применительно к общественному контролю за деятельностью пенитенциарной системы?

Основные подходы к понятию и содержанию эффективности деятельности различных субъектов

В теории менеджмента, согласно ГОСТу Р ИСО 9000-2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь», под эффективностью понимается соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами, то есть в экономическом смысле коэффициент эффективности рассчитывается по формуле, в которой валовая прибыль делится на затраты и умножается на сто процентов. Если же речь идет не о субъектах экономической деятельности, а о сфере государственного и общественного управления, то эффективность также, как правило, рассматривается как соотношение между ожидаемыми результатами и задействованными ресурсами. Эффективность, к примеру, государственного управления включает экономический и социальный аспекты, выступает как количественная и качественная оценка деятельности государственного органа, соотношения достижения поставленных целей и использованных ресурсов, затраченных усилий, целей государственного управления и потребностей граждан [3, с. 420–421]. При этом эффективность управления нередко путают с результативностью, под которой понимается степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов. Результативность деятельности является одним из показателей эффективности, но не подменяет ее.

Измерение эффективности деятельности общественных формирований, будь то некоммерческие

организации, государственно-общественные органы (например, общественные палаты), общественные советы, общественные наблюдательные комиссии, представляет собой более сложную, комплексную задачу, к решению которой нельзя подходить с позиций сугубо менеджерского подхода, применяя лишь количественные показатели.

Так, например, для оценки эффективности деятельности общественных палат в регионах предлагается использовать следующие показатели: вовлеченность общественной палаты в экономическую, социальную и политическую жизнь региона, присутствие общественной палаты в информационном поле, ее узнаваемость среди населения, взаимоотношения с органами власти и местного самоуправления, конкретные результаты деятельности, активное экспертное сообщество, разнообразие форм деятельности общественных палат [4, с. 119–120]. Исследователи указывают, впрочем, на то, что часть перечисленных критериев вторичны, формальны, и предлагают в качестве базовых использовать лишь два качественных показателя: способ формирования общественной палаты, характеризующий представительство интересов различных социальных групп, включая степень влияния органов власти на процесс формирования палаты, и условия, формы и результаты осуществления ею общественного контроля [4, с. 131–132].

При характеристике эффективности деятельности некоммерческих организаций в регионах предлагается использовать следующие критерии оценки: взаимодействие некоммерческого сектора и некоммерческих организаций в регионе (осведомленность о деятельности, узнаваемость, участие в решении проблем граждан), взаимодействие некоммерческих организаций и государственной власти, включая оценку уровня административных барьеров для деятельности некоммерческих организаций, взаимодействие некоммерческих организаций и средств массовой информации, бизнеса и т. д. [8, с. 83].

Предпринята попытка разработать критерии и для оценки деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти [11]. Впрочем, предложенные для общественных советов критерии частично носят формальный характер (например, избрание председателя и заместителя общественного совета из числа кандидатур, рекомендованных совместно общественной палатой и экспертным советом, проведение очных заседаний общественного совета не реже одного раза в квартал и рассмотрение на них определенных вопросов, наличие реализованного плана работы общественного совета и т. п.). При этом есть и качественные показатели, характеризующие содержательную деятельность общественного совета, например соответствие деятельности общественного совета требованиям открытости и публичности, вовлеченность членов общественного совета в работу федерального органа исполнительной власти, его органов, а также смежных отраслевых общественных советов.

Что касается деятельности общественных наблюдательных комиссий в регионах, то следует заметить, что самостоятельный документ, рекомендуемый

критерии их оценки, отсутствует. Однако из структуры их отчетов в общественные палаты субъектов и последующих докладов общественных палат субъектов и Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества видно, что в основном используются количественные показатели, такие как количество членов общественных наблюдательных комиссий, количество запланированных и реализованных посещений, полученных обращений и ответов на них и т. д. Так, например, Общественная палата Российской Федерации отчитывается, что в 2019 г., например, был сформирован максимальный состав общественных наблюдательных комиссий в 4 регионах, увеличилось количество членов комиссий еще в 17 регионах, поддержано 42 гранта и т. д. [5]. Аналогичным образом в ежегодных отчетах региональных общественных палат приводятся сведения о количестве членов комиссий, проведенных в местах принудительного содержания проверок, обращений, подготовленных заключений, предложений, жалоб [12]. То есть в качестве показателей оценки деятельности общественных наблюдательных комиссий используются в основном количественные данные, свидетельствующие максимум о результативности деятельности комиссии, но не о эффективности (под результативностью деятельности общественной наблюдательной комиссии мы понимаем критерий, характеризующий количественные показатели деятельности комиссии: число запланированных общественной наблюдательной комиссий и реализованных мероприятий, количество поступивших обращений и данных на них заключений, ответов).

Функциональность общественных наблюдательных комиссий: к постановке проблемы

Очевидно, что оценка эффективности деятельности любых общественных формирований выходит далеко за пределы традиционной формулы, отражающей соотношение затраченных усилий и полученных результатов. Более того, в ряде случаев практически невозможно измерить затраченные ресурсы, потому как они включают не только задействованные материальные средства, а в большей степени средства именно нематериальные: время, знания, труд активистов. Следовательно, необходимо избрать принципиально иной подход к оценке эффективности, в частности, общественных наблюдательных комиссий, основанный преимущественно на качественных критериях, то есть рассматривать эффективность деятельности общественных наблюдательных комиссий через призму их функциональности.

Задача любого общественного формирования – выполнять функции, для которых они созданы, реализовывать поставленную цель и задачи. Тем, насколько общественное формирование отвечает предложенным требованиям, и определяется в конечном итоге необходимость его существования. Если общественное формирование, тем более правозащитное, создано для галочки, поставленные перед ним задачи не реализует, то оно нефункционально (в устоявшейся терминологии – неэффективно), то есть не выполняет возложенную на него функцию (функции). Полагаем, что при оценке деятельности организаций,

осуществляющих общественный контроль, следует сместить акценты с позиции «насколько эффективна организация» к позиции «выполняет ли организация возложенные на нее функции», то есть оценивать не эффективность деятельности, а функциональность организации. Таким образом, под функциональностью (эффективностью) общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы предлагается понимать такое состояние общественных отношений, при котором общественные наблюдательные комиссии и иные субъекты общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы полностью выполняют свою функцию (функции), реализуя поставленные перед ними цель и задачи. Сосредоточим основное внимание на выявлении показателей (критериев) функциональности общественных наблюдательных комиссий как основных субъектов общественного контроля за деятельностью пенитенциарной системы.

Цель, задачи и функции общественных наблюдательных комиссий

Исследование функциональности общественных наблюдательных комиссий следует начинать с выявления основных цели и задач их создания, которые определяют основные направления деятельности (функции).

В соответствии со ст. 14 Федерального закона от 21.07.2014 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» основным назначением общественных наблюдательных комиссий является общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. Можно ли считать, что в предложенной формулировке получила отражение основная функция общественных наблюдательных комиссий? Вряд ли, поскольку общественный контроль не осуществляется сам по себе, в качестве самоцели, а выступает, скорее, средством достижения цели. Федеральный закон от 10.06.2008 «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» определяет цель деятельности общественных наблюдательных комиссий следующим образом: «содействие реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания». Данную формулировку вряд ли можно признать удачной, поскольку из смысла цитируемой ч. 1 ст. 6 вытекает, что контроль за деятельностью государства осуществляется в целях содействия государству. Очевидно, что акцент должен быть смещен на личность, чьи права и свободы являются высшей ценностью, то есть контроль должен осуществляться в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина в местах принудительного содержания.

Задачи деятельности общественных наблюдательных комиссий в указанном законе также сформулированы не вполне удачно: осуществление общественного контроля, подготовка решений по его результатам, содействие сотрудничеству общественных объединений, социально ориентированных НКО, администрации мест принудительного содержания,

органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению законных прав и свобод, а также условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Из перечисленных выше только последней придана форма задачи деятельности, последовательно раскрывающей цель общественных наблюдательных комиссий, сам же общественный контроль и подготовка решений служат реализации данной задачи.

Суммируя вышесказанное, отметим, что представление в федеральном законе «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» цели и задач деятельности общественных наблюдательных комиссий нуждается в совершенствовании. Целью деятельности общественных наблюдательных комиссий является содействие обеспечению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина посредством осуществления общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания. Деятельственная наблюдательная комиссия в этом смысле выступает как общественный гарант обеспечения прав и свобод личности.

Задачи деятельности общественных наблюдательных комиссий следуют из основной цели и детализируют ее. В юридической науке предлагаются, к примеру, следующие их формулировки: повышение эффективности результативности исполнения уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества, активизация и координация усилий гражданского общества с целью не только обеспечения прав осужденных, но и их успешной ресоциализации [15, с. 29], контроль за обеспечением законности и правопорядка в учреждениях, содействие реализации социально значимых проектов в местах принудительного содержания [9, с. 404, 406]. Дополнить этот перечень можно также уже упомянутым в законе содействием взаимодействию социально ориентированных НКО и администрации мест принудительного содержания, а также выработкой предложений по совершенствованию обеспечения прав и свобод личности в местах принудительного содержания.

Поставленные цель и задачи позволяют определить, что основной функцией общественной наблюдательной комиссии будет правообеспечительная, выражающаяся в контроле за соблюдением прав личности в местах принудительного содержания и содействии их реализации.

Каким должен быть субъект, реализующий данную функцию? Сразу же возникают следующие эпитеты: независимый, самостоятельный, деятельный, компетентный, ориентированный на личность, а не на систему и т. п. Традиционная оценка количества запланированных и реализованных посещений, охваченных контролем учреждений, рассмотренных жалоб, проведенных мероприятий не позволит нам определить, реализует ли общественная наблюдательная комиссия свою основную функцию, однако от показателей результативности ее деятельности все же отказываться не стоит. Вместе с тем количественные показатели деятельности общественных наблю-

дательных комиссий следует рассматривать не в статике и краткосрочной динамике применительно к аналогичному периоду прошлого года, а в сравнении по субъектам, при этом не в абсолютных цифрах, а в пересчете на количество учреждений и осужденных.

Критерии функциональности общественных наблюдательных комиссий

Оценивать деятельность общественных наблюдательных комиссий в первую очередь следует не по количественным показателям результативности (количество посещений, количество жалоб и т. п.), а по конкретным качественным результатам, указывающим на то, что права и свободы лица, находящегося в местах принудительного содержания, реализуются должным образом. Это будет свидетельствовать о выполнении общественной наблюдательной комиссией ее основной функции, то есть о функциональности (эффективности) общественной наблюдательной комиссии. Указанные качественные результаты могут, например, выражаться в ситуациях, когда при содействии общественной наблюдательной комиссии (по поступившей в комиссию жалобе, например) восстановлены были нарушенные права лица, защищены его законные интересы. Функциональность общественной наблюдательной комиссии также может находить проявление в фактах привлечения внимания общественности и надзорных органов к систематическому и/или массовому нарушению прав личности в тех или иных местах принудительного содержания, когда по результатам посещения общественной наблюдательной комиссией даются рекомендации администрации учреждения, которые учитываются в дальнейшей его деятельности и т. д. Под качественными показателями функциональности общественной наблюдательной комиссии следует, на наш взгляд, понимать конкретные кейсы содействия обеспечению прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания, а не количественные показатели посещений и мероприятий.

Важнейшим, на наш взгляд, критерием функциональности общественных наблюдательных комиссий является также их качественный состав. Следует, в первую очередь, учитывать, сформирована ли общественная наблюдательная комиссия в принципе: не во всех субъектах удалось сразу это сделать. Так, в докладе Общественной палаты Российской Федерации отмечается, что при попытке формирования комиссии в Ненецком и Чукотском автономных округах только одна общественная организация проявила инициативу – региональное отделение Российского Красного Креста, однако из отобранных пяти кандидатов в члены ОНК четыре по разным причинам отказались от участия в ее деятельности, и в итоге создание общественной наблюдательной комиссии затянулось [6, с. 36]. Требуется выяснить также, соответствует ли число членов комиссии количеству мест принудительного содержания и географии их размещения, численности лиц, содержащихся в них.

Допустимо оценить состав общественной наблюдательной комиссии с позиций независимости от уголовно-исполнительной системы, профессионального разнообразия, качества опыта в области защиты прав

и свобод личности, соблюдения кодекса этики членов общественных наблюдательных комиссий. Обратим внимание на то, что весьма сомнительной с точки зрения независимости общественной наблюдательной комиссии является практика включения в ее состав бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, поскольку последние так или иначе имеют сложившееся представление о деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы, а также могли взаимодействовать с действующими сотрудниками, деятельность которых, по сути, является частью предмета общественного контроля. Допустимо, на наш взгляд, рассмотреть вопрос об установлении срока, по истечении которого сотрудник, уволившийся со службы в уголовно-исполнительной системе, может входить состав общественной наблюдательной комиссии. Что же касается лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, то срок, при соблюдении которого судимость снимается, полагаем достаточным для исключения возможности влияния на члена общественной наблюдательной комиссии со стороны администрации учреждения, осужденных. В любом случае, лица, в прошлом связанные с уголовно-исполнительной системой, не могут составлять большинство членов комиссии.

Функциональным, на наш взгляд, будет гендерно разнообразный состав комиссии. Члены ее должны являться представителями разных возрастов, социальных групп и профессий, выдвигаться разными общественными объединениями. Практика некоторых субъектов показывает, что активность в формировании общественной наблюдательной комиссии проявляют 1–2 общественные организации. Вопросы совершенствования требований к кандидатам в члены общественной наблюдательной комиссии и процедуры ее формирования неоднократно становились предметом рассмотрения в научной литературе [14, с. 56].

В качестве критерия функциональности общественных наблюдательных комиссий можно предложить также комплексность и систематичность их работы. Данный критерий, по нашему мнению, должен опираться на такие показатели, как регулярность и непрерывность работы общественной наблюдательной комиссии, осуществление ее деятельности по различным направлениям, вовлеченность всех членов в деятельность комиссии, взаимодействие с государственными органами и общественными организациями, постоянное взаимодействие с территориальными подразделениями ФСИН России и администрацией учреждений.

Так, например, общественная наблюдательная комиссия Вологодской области довольно активно сотрудничает с уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, проводя совместные выезды; тесное сотрудничество осуществляется с Прокуратурой Вологодской области, Вологодским отделением Российского Красного Креста и т. п. Отметим и налаженное взаимодействие общественной наблюдательной комиссии по Вологодской области с региональным УФСИН (участие в заседании коллегий, проведении различных рабочих встреч и т. д.).

Важен и такой показатель, как вовлеченность членов общественной наблюдательной комиссии в ее деятельность: каждый член комиссии должен осознавать социальную значимость своей работы и регулярно участвовать в проводимых мероприятиях. К сожалению, в целом по стране сложилась такая ситуация, когда в комиссии активно работают 5–6 неравнодушных, ответственных человек, остальные же члены в общественной наблюдательной комиссии состоят для эффективной строчки в резюме.

Эпидемиологическая обстановка в 2020–2021 гг., обусловленная пандемией новой коронавирусной инфекции, требует использования в качестве значимого критерия функциональности общественной наблюдательной комиссии гибкости системы общественного контроля. Под гибкостью общественного контроля мы понимаем такое состояние общественных отношений и правового регулирования в исследуемой сфере, которое позволяет максимально быстро изменить условия и порядок проведения мероприятий, составляющих содержание деятельности ОНК, без ущерба для цели их деятельности. Первые исследования эффективности реализации общественного контроля в период пандемии COVID-19 позволили прийти к выводу о необходимости совершенствования уголовно-исполнительного законодательства и цифровой трансформации ведомства [10, с. 53–55]. Востребованы комплексные исследования не только мероприятий, реализуемых в рамках пенитенциарной системы в период пандемии, но и соответствующей практики Общественной палаты Российской Федерации, общественных палат субъектов. Это позволит сделать дальнейшие выводы о гибкости общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания.

Наконец, в качестве критерия функциональности общественных наблюдательных комиссий может выступать такой показатель, как доступность информации о их деятельности и ее результатах. Право на доступ к информации в современной науке считается одним из ключевых конституционных прав личности. В современных условиях информационного общества, цифровой экономики и открытого электронного правительства доступность информации становится не только правом, но и условием и гарантией реализации других прав человека и гражданина. По мнению исследователей, право на информацию «выступает связующим элементом всей системы основных прав и свобод. Только при условии его соблюдения может идти речь о фактической реализации личных, политических, социальных, экономических, экологических и культурных прав и свобод» [2, с. 14–15].

Доступность информации об осуществлении общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания имеет важное значение, поскольку формирует интерес общественности к проблемам обеспечения прав человека в данных учреждениях, активизирует правозащитные общественные объединения, создает заинтересованность у граждан, в том числе среди молодежи, способствует открытости системы мест принудительного содержания и т. д. В современном обществе основным

каналом обеспечения доступа к информации являются ресурсы сети Интернет: официальные сайты, страницы в социальных сетях, чаты в мессенджерах, интернет-СМИ и т. д. К сожалению, доступность информации о деятельности общественных наблюдательных комиссий оставляет желать лучшего: в отдельных субъектах есть сайты комиссий, размещающие информацию о составе, порядке деятельности, активно формирующие новостную ленту, в других информация публикуется на сайтах региональных общественных палат, ведутся страницы в социальных сетях, в третьих представлена лишь краткая информация о составе комиссии и нормативной основе ее деятельности. Очевидно, что активное ведение сайтов, страниц, работа со средствами массовой информации требует от членов общественной наблюдательной комиссии как временных, так и финансовых затрат, вопросы же обеспечения текущих расходов комиссий все еще не получили должной правовой регламентации. Необходима дальнейшая разработка проблем информационного обеспечения деятельности общественных наблюдательных комиссий, не только изучение официальных сайтов/страниц в сети Интернет, но и исследование источников, в которых информационным поводом стала деятельность общественных наблюдательных комиссий и их членов, посредством контент-анализа.

Выводы

Подводя итог, отметим, что сложившиеся в гуманитарных (политических, социологических и правовых) исследованиях подходы к определению эффективности деятельности тех или иных субъектов не вполне применимы к оценке субъектов общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, поскольку носят в основном формальный характер. Разнообразные отчеты о деятельности общественных наблюдательных комиссий в основном содержат количественные данные, свидетельствующие об их результативности и не отражающие качества реализации задач их деятельности. Предлагается рассматривать эффективность общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы с позиций его функциональности, то есть оценивать деятельность субъектов общественного контроля исходя из выполнения ими своей основной функции (функций). Функции же общественных наблюдательных комиссий зависят от цели их создания и задач деятельности. Полагаем, что сформулированные в федеральном законе «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» цель и задачи деятельности общественных наблюдательных комиссий не вполне удачны. Предлагается следующая формулировка ст. 6 указанного закона:

«Статья 6. Цели и задачи общественных наблюдательных комиссий.

1. Общественные наблюдательные комиссии действуют на постоянной основе в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, иными нормативными правовыми актами Российской Феде-

рации, в целях обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина посредством осуществления общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания.

2. В субъекте Российской Федерации образуется одна общественная наблюдательная комиссия, которая осуществляет свою деятельность в пределах территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

3. Основными задачами общественной наблюдательной комиссии являются:

1) содействие сотрудничеству общественных объединений, социально ориентированных некоммерческих организаций, администраций мест принудительного содержания, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, осуществляющих в пределах территории субъекта Российской Федерации полномочия по обеспечению законных прав и свобод, а также условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания;

2) содействие в обеспечении законности и правопорядка, а также надлежащих условий содержания лиц в местах принудительного содержания;

3) содействие успешной ресоциализации осужденных к лишению свободы, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации;

4) содействие реализации социально значимых проектов в местах принудительного содержания;

5) выработка предложений по совершенствованию обеспечения прав и свобод личности в местах принудительного содержания.

4. Общественные наблюдательные комиссии не являются юридическими лицами».

Предлагаемая редакция, на наш взгляд, в большей степени отражает социальное назначение общественного контроля в современном демократическом государстве и позволяет выделиться правообеспечительную функцию общественных наблюдательных комиссий в качестве основной.

Полагаем, что оценка функциональности общественных наблюдательных комиссий может проводиться с учетом не только результативности их деятельности (количественных показателей), требуют внимания к себе и качественные показатели работы: значимые кейсы, комплексность, систематичность, качественный состав и вовлеченность всех членов комиссии в ее деятельность, гибкость системы общественного контроля, а также доступность информации о деятельности общественных наблюдательных комиссий. Последние, как нам представляется, должны учитываться общественными палатами субъектов Российской Федерации при составлении форм отчетности для общественных наблюдательных комиссий, а также привлекаться для оценки их функциональности (эффективности). Впрочем, вопросы выбора и содержания критериев оценки функциональности общественных наблюдательных комиссий требуют дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белешев, Н. А. Общественный контроль за деятельностью органов публичной власти как признак ее легитимности / Н. А. Белешев // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – С. 12–13. – doi: 10.18572/1812-3767-2021-3-12-13.
- Бережная, Т. В. Право на информацию как гарантия реализации прав человека / Т. В. Бережная // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 22. – С. 14–17.
- Бирюкова, Э. Р. Понятие «эффективность» в сфере государственного управления / Э. Р. Бирюкова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 419–422.
- Брянцев, И. И. Проблемы оценки эффективности институтов государственно-общественного управления (на примере общественных палат Владимирской и Саратовской областей) / И. И. Брянцев, Р. В. Евстифеев // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 1. – С. 115–136.
- Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год // Общественная палата Российской Федерации : сайт. – URL: <https://report2019.oprf.ru/index.html> (дата обращения: 08.09.2021).
- Доклад Общественной палаты Российской Федерации, посвященный вопросам деятельности общественных наблюдательных комиссий в субъектах Российской Федерации // Общественная палата Российской Федерации : сайт. – URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_onk_28022019_1.pdf (дата обращения : 22.08.2021).
- Дроздова, К. В. Эффективность общественного контроля на потребительском рынке / К. В. Дроздова // Коммуникология. – 2013. – № 2. – С. 185–190.
- Захарова, О. С. Оценка эффективности деятельности некоммерческих организаций: региональный рейтинг и направления развития / О. С. Захарова // Kant. – 2020. – № 4 (37). – С. 81–86. – DOI: 10.24923/2222-243X.2020-37.17.
- Малолеткина, Н. С. Общественный контроль за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы: некоторые вопросы / Н. С. Малолеткина, И. М. Каменева // Уголовно-исполнительное право. – 2020. – Том 15, № 4. – С. 403–406. – doi: 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).4.403-406.
- Малолеткина, Н. С. Эффективность деятельности общественных наблюдательных комиссий в условиях пандемии: некоторые правовые и технические аспекты / Н. С. Малолеткина // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 2 (43). – С. 52–56. – doi: 10.37523/SUI.2021.45.74.008.
- Методика оценки и критерии эффективности деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти // Минфин России : официальный сайт. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=125993-metodika_otsenki_i_kriterii_effektivnosti_dyeyatelnosti_obshchestvennykh_sovetov_pri_federalnykh_organakh_ispolnitelnoi_vlasti (дата обращения: 22.08.2021).

12. О состоянии и развитии институтов гражданского общества в Московской области в 2020 году : ежегодный доклад Общественной палаты Московской области // Общественная палата Московской области : сайт. – URL: <https://ormosreg.ru/upload/iblock/06a/06ae6bac9616a4e8aaa80e30b7175331.pdf> (дата обращения: 08.09.2021).
13. Плотников, А. А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции / А. А. Плотников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 105–111.
14. Реент, Я. Ю. Некоторые проблемы правового регулирования деятельности общественных наблюдательных комиссий / Я. Ю. Реент // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 1 (84). – С. 55–58.
15. Свинин, Е. В. Правовая политика, правовой порядок и общественный контроль в пенитенциарной системе / Е. В. Свинин, А. Н. Кубышкин // Пенитенциарная наука. – 2021. – Том 15, № 1 (53). – С. 20–32. – doi: 10.46741/2686-9764-2021-15-1-20-32.
16. Denedo, M. Ecological damage, human rights and oil: local advocacy NGOs dialogic action and alternative accounting practices / M. Denedo, I. Thomson, A. Yonekura // Accounting Forum. – 2019. – Volume 43, no. 1. – Pp. 85–112. – doi: <https://doi.org/10.1080/01559982.2019.1589904>.
17. Gryshchenko, I. M. Means for control over the activities of public authorities by civic democratic institutions: the conceptual framework analysis / I. M. Gryshchenko, A. V. Denysova, O. O. Ovsianikova, H. S. Buha, E. I. Kiselyova // Cuestiones Politicas. – 2021. – No. 39 (69). – Pp. 796–813. – doi: <https://doi.org/10.46398/cuestpol.3969.49>.

REFERENCES

1. Beleshev N.A. Public control over activities of public authorities as an attribute of legitimacy of the public government. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo=Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 3, pp 12–13. (In Russ.).
2. Berezhnaya T.V. Right to information as a guarantee of realization of human rights. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo=Constitutional and Municipal Law*, 2009, no. 22, pp. 14–17. (In Russ.).
3. Biryukova E.R. The concept of “efficiency” in the field of public administration. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki=Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2020, no. 1, pp. 419–422. (In Russ.).
4. Bryantsev I.I., Evstifeev R.V. Problems of evaluating the effectiveness of the institutions of state and society interaction (the cases of regional public chambers of the Vladimir and Saratov regions). *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*, 2020, no. 1, pp. 115–136. (In Russ.).
5. Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2019. *Obshchestvennaya palata Rossiiskoi Federatsii: sait* [Public Chamber of the Russian Federation: website]. Available at: <https://report2019.oprf.ru/index.html> (In Russ.). (Accessed September 8, 2021).
6. Report of the Public Chamber of the Russian Federation on the activities of public supervisory commissions in the subjects of the Russian Federation. *Obshchestvennaya palata Rossiiskoi Federatsii: sait* [Public Chamber of the Russian Federation: website]. Available at: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_onk_28022019_1.pdf (In Russ.). (Accessed August 22, 2021).
7. Drozdova K.V. Efficiency of public control in the consumer market. *Kommunikologiya=Communicology*, 2013, no. 2, pp. 185–190. (In Russ.).
8. Zakharova O.S. Evaluation of the effectiveness of non-profit organizations: regional rating and directions of development. *Kant=Kant*, 2020, no. 4 (37), pp. 81–86. (In Russ.).
9. Maloletkina N.S., Kameneva I.M. Public control over activities of institutions of the penal system: some issues. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Enforcement Law*, 2020, vol. 15 (1-4), no 4, pp. 403–406. (In Russ.).
10. Maloletkina N.S. Effectiveness of public monitoring commissions in the context of the epidemic: some legal and technical aspects. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 2 (43), pp. 52–56. (In Russ.).
11. Methodology for assessing and criteria of performance of public councils under federal executive authorities. *Minfin Rossii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Finance of Russia: official website]. Available at: https://minfin.gov.ru/document/?id_4=125993-metodika_otsenki_i_kriterii_effektivnosti_dyeyatelnosti_obshchestvennykh_sovetov_pri_federalnykh_organakh_ispolnitelnoi_vlasti (In Russ.). (Accessed August 22, 2021).
12. On the state and development of civil society institutions in the Moscow Oblast in 2020: annual report of the Public Commission of the Moscow Oblast. *Obshchestvennaya palata Moskovskoi oblasti: sait* [Public Chamber of the Moscow Oblast: website]. Available at: <https://opmosreg.ru/upload/iblock/06a/06ae6bac9616a4e8aaa80e30b7175331.pdf> (In Russ.). (Accessed September 8, 2021).
13. Plotnikov A.A. Public control and its potential in combating corruption. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki=Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2013, no. 2, pp 105–111. (In Russ.).
14. Reent Ya.Yu. Some problems of legal regulation of the activities of public supervisory commissions. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2014, no. 1 (84), pp. 55–58. (In Russ.).
15. Svinin E. V., Kubyshekin A.N. Legal policy, legal order and civic oversight in the penal system. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15 (53), no. 1, pp. 20–32.
16. Denedo M., Thomson I., Yonekura A. Ecological damage, human rights and oil: local advocacy NGOs dialogic action and alternative accounting practices. *Accounting Forum*, 2019, vol. 43, no. 1, pp. 85–112
17. Gryshchenko I. M., Denysova A. V., Ovsianikova O. O., Buha H.S., Kiselyova E.I. Means for control over the activities of public authorities by civic democratic institutions: the conceptual framework analysis. *Cuestiones Politicas*, 2021, no. 39 (69), pp. 796–813.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУЗНЕЦОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kuznecova_ev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2593-2002>

ELENA V. KUZNETSOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, kuznecova_ev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2593-2002>

Статья поступила 06.10.2021

Научная статья

УДК 343.811

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.003

Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ УТКИН

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, utkinva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9126-7971>, WoS ResearcherID: 0-8426-2014

Реферат

Введение: в статье рассматриваются нормативно-правовые основы и практика реализации закрепленного в ст. 8 УИК РФ принципа рационального применения мер принуждения. Отмечается неоднозначность его понимания в теории уголовно-исполнительного права. *Исследование:* используя в качестве методологической основы системный подход, автор обосновывает то, что данный принцип не сводится к экономии принуждения, и предполагает его необходимость и достаточность в конкретных условиях уголовно-исполнительной деятельности. Выделяя из всей системы мер пенитенциарного принуждения меры пенитенциарной ответственности, он одновременно усматривает в ней подсистемы дисциплинарной (уголовно-исполнительной) и уголовной ответственности осужденных в местах лишения свободы. Они, в свою очередь, могут быть исследованы как системы-модели, закрепленные в законе, и системы мер, реализуемые на практике. С привлечением в качестве аргументов опубликованных данных ведомственной статистики ФСИН России показывается, что и система-модель, и система мер в практике исполнения лишения свободы не в полной мере достигают своих целей, а поэтому принцип рациональности принуждения реализуется недостаточно эффективно. *Выводы:* предлагается изменить наименование и содержание ст. 321 УК РФ, назвав ее «Систематические злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания». Одновременно следует пересмотреть установленный в ч. 1 и 2 ст. 116 УИК РФ перечень злостных нарушений порядка отбывания наказания; ввести промежуточную категорию грубых нарушений и исключить из числа злостных повторное простое нарушение. Кроме того, следует предоставить начальнику учреждения право при совершении осужденным деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УИК РФ, в зависимости от обстоятельств дела и личности виновного не признавать такое нарушение злостным.

Ключевые слова: пенитенциарный правопорядок; рациональность принуждения; пенитенциарная ответственность.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Уткин В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 29–36. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.003.

Original article

Rationality of Coercion as a Principle to Regulate Execution of Prison Sentences

VLADIMIR A. UTKIN

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, utkinva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9126-7971>; WoS ResearcherID: 0-8426-2014

Abstract

Introduction: the article discusses the regulatory framework and practice of implementing a principle of rational use of coercive measures enshrined in Article 8 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Ambiguity of its understanding is noted in the theory of penal enforcement law. *Research:* using a systematic approach as a methodological basis, the author substantiates that this principle is not reduced to the economy of coercion, but assumes its necessity and sufficiency

in specific conditions of penal enforcement activity. Singling out penalties from the entire system of coercive measures, the author simultaneously identifies subsystems of disciplinary (penal enforcement) and criminal liability of convicts in places of deprivation of liberty. They, in turn, can be studied as model systems enshrined in the law, and systems of measures implemented in practice. Using the published data of departmental statistics of the Federal Penitentiary Service as arguments, the author shows that both systems in the enforcement of imprisonment do not fully achieve their goals, and therefore the principle of rationality of coercion is not implemented effectively enough. *Conclusions*: it is proposed to change the name and content of Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation to “Systematic malicious violations of the established procedure for serving a sentence” and amend its content. At the same time, a list of malicious violations of the order of serving a sentence established in Part 1 and Part 2 of Article 116 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation should be revised; an intermediate category of major violations should be introduced and a repeated mere violation should be excluded from their number of malicious ones. In addition, a head of the institution should be entitled not to recognize a violation as malicious when a convicted person commits an act provided for in Part 1 of Article 116 of the Penal Enforcement Code, depending on circumstances of the case and identity of the culprit.

Key words: penitentiary law and order; rationality of coercion; penitentiary liability.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Utkin V. A. Rationality of coercion as a principle to regulate execution of prison sentences. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 29–36. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.003.

В ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации среди принципов уголовно-исполнительного законодательства закреплён принцип рационального применения мер принуждения. Сразу отметим противоречие в тексте данной статьи: её название говорит о принципах законодательства, а содержание – о принципе правоприменения.

Кроме того, нормативно-правовые основы уголовно-исполнительной деятельности не исчерпываются уголовно-исполнительным законодательством (кодексом и другими федеральными законами). Необходимо иметь в виду и иные нормативные правовые акты, затрагивающие вопросы исполнения наказаний (ст. 4 УИК РФ). В этой связи в теоретическом, нормотворческом и правоприменительном аспектах более точно рассматривать данный и иные перечисленные в ст. 8 принципы как принципы уголовно-исполнительного правового регулирования. Эта позиция была ранее обоснована нами в коллективной монографии, посвящённой теоретической модели Общей части нового УИК РФ [8, с. 64–65]. С учётом сказанного выше следует понимать данный принцип как принцип рациональности принуждения.

В теории уголовно-исполнительного права до сей поры нет должной определенности, является ли этот принцип самостоятельным либо составляет содержание иных принципов, какова его взаимосвязь с принципами законности, гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, стимулирования правопослушного поведения осуждённых и т. д. [21, с. 80–82]. Есть мнение, что принцип рационального применения мер принуждения должен быть заменён на общеправовой принцип стимулирования [18, с. 168–173]. С этим едва ли можно согласиться, ибо предлагаемое обобщение не отражает два противоположных вектора стимулирования – позитивный (поощрение) и негативный (санкции и иные принудительные меры). Нельзя не учитывать и специфику такой объёмной и многоплановой сферы принуждения, как исполнение наказания, которое по определению (ст. 43 УК РФ) само по

себе является мерой государственного принуждения, в особенности лишение свободы как изоляция осуждённого в пенитенциарном учреждении. Правильное понимание принципа рациональности принуждения как принципа уголовно-исполнительного правового регулирования необходимо не только для нормотворчества, но и для оптимальной организации уголовно-исполнительной деятельности, формирования профессионального менталитета сотрудников уголовно-исполнительной системы и адекватного восприятия последней обществом.

С. Н. Смирнов рассматривает рациональность как единый принцип применения мер принуждения и средств исправления осуждённых и определяет её следующим образом: «разумность, рассудочность, целесообразность» [15, с. 54–56]. Это, впрочем, мало добавляет к пониманию его конкретного содержания, так как все средства воздействия на осуждённых должны быть разумны и целесообразны. Указание автора на необходимую достаточность всех мер воздействия на осуждённых как критерий рациональности последних как раз свидетельствует о невозможности существования рассматриваемого принципа в качестве единого для всех средств исправления и стимулирования. Ведь исследуемые с таких позиций векторы и интенсивность данных средств прямо противоположны: при позитивном развитии личности осуждённого степень принуждения в отношении него должна снижаться, а некарательное исправительное воздействие – расширяться. И напротив, изменения в худшую сторону требуют применения более строгих мер принуждения, которые, в свою очередь, сужают арсенал позитивного исправительного воздействия [19, с. 134–138].

Нет сомнения, что важнейшая составляющая принципа рациональности принуждения – его экономия. Н. И. Ланкин в этой связи писал, что более правильно именовать данный принцип принципом экономии принудительных средств (экономии репрессии) [5, с. 49]. Соглашаясь в данном контексте с применением термина «экономия», необходимо уточнить, что эконо-

номия репрессии в уголовно-исполнительной сфере не идентична экономии принуждения: последняя гораздо шире, ею должен быть пронизан весь комплекс закрепленных в уголовно-исполнительном законодательстве принудительных мер. Это меры, выражающие степень и качество изоляции осужденных (их размещение, условия содержания, число получаемых ими посылок, передач и т. п.), меры взыскания (ст. 115–117, 136 УИК РФ и др.), меры безопасности (ст. 82, 85, 86 УИК РФ, гл. 5 закона Российской Федерации от 21.07.1993 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»). Последние в этом перечне в международных актах нередко определяются как средства усмирения.

Правила и принципы их применения устанавливаются, в частности, Минимальными стандартными правилами ООН в отношении обращения с заключенными (Правилами Нельсона Манделы) 2015 г. Статья 36 Правил устанавливает, что «дисциплину и порядок следует поддерживать, вводя только те ограничения, которые необходимы для обеспечения надежности надзора, безопасного функционирования тюремного учреждения и соблюдения должных правил общежития в нем». При этом «средства усмирения должны использоваться только в течение необходимого времени, методы усмирения должны быть наименее жесткими из тех, что необходимы (выделено мной. – В. У.), и разумно применимы, и они должны быть сняты как можно скорее после того, как риски... перестают существовать» (ст. 48).

Требования экономии принуждения актуальны не только в отношении мер безопасности, но и в отношении изменения условий отбывания наказаний, а также применяемых к осужденным мер взыскания. Правила Нельсона Манделы предписывают администрации учреждений обеспечивать «соразмерность дисциплинарного взыскания и нарушения» (ст. 39), никогда не применять в качестве взыскания за дисциплинарные нарушения «средства усмирения» (ст. 43), прибегать к одиночному заключению лишь как к крайней мере и в течение как можно более короткого времени (ст. 45).

Важный специфический критерий рациональности принуждения при лишении свободы – экономия принудительных средств в области ответственности и мер безопасности. Данный аспект стал теоретическим основанием формулировки нами в Теоретической модели Общей части нового УИК РФ специального принципа – принципа экономии принуждения. В проекте соответствующей статьи (ст. 19) указывается, что, во-первых, «принуждение при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера оправдано только тогда, когда иные формы обращения и контроля оказываются или предполагаются недейственными с учетом уровня и характера действительного или возможного правонарушающего поведения осужденного и возникающих рисков». В ч. 2 рассматриваемой статьи говорится о том, что «более строгие меры принуждения оправданы лишь тогда, когда менее строгие не дают результата». Наконец, в ч. 3 ст. 19 проекта закрепляется, что «средства принуждения используются только в течение необходимого времени» [8, с. 83].

Тем не менее из сказанного вовсе не следует, что экономия принуждения – единственный критерий его

рациональности. Здесь представляется весьма конструктивным анализ всей совокупности правовых мер принуждения в сфере исполнения лишения свободы как целостного комплекса, некоей системы обеспечения правопорядка (режима) в исправительных учреждениях, включающей в том числе подсистему мер пенитенциарной юридической ответственности. Последняя, в свою очередь, состоит из подсистемы мер дисциплинарной ответственности и подсистемы мер уголовной ответственности осужденных. В силу ограниченности объема данной статьи именно меры ответственности станут предметом дальнейшего рассмотрения.

Среди прочих философских интерпретаций системного подхода наиболее ценным представляется так называемый целевой методологический подход, получивший в свое время подробное обоснование в трудах В. Н. Сагатовского и более поздних авторов [17, с. 73–75; 10, с. 69–75]. Под системой в его рамках понимается объект, действия которого по достижению стоящей перед ним цели обеспечиваются конструкцией данного объекта, то есть совокупностью составляющих его необходимых и достаточных элементов, находящихся в определенных отношениях. С таких позиций целостность всякой системы определяется ее способностью достигать определенных целей. При применении данного варианта системного подхода к общественной жизни (и к правовым явлениям в том числе) термины «цель» и «задача» различаются лишь степенью конкретизации. В данной области представляют интерес как минимум два аспекта системного подхода: дескриптивный (выделение систем из всего многообразия существующих объектов) и конструктивный (построение систем при заданных целях и внешних условиях) [16, с. 72].

Определяющие свойства системы – необходимость и достаточность ее элементов. Противоположными характеристиками будут их избыточность или недостаточность, снижающие или вовсе устраняющие системные качества объекта. Понятно, что о степени необходимой достаточности можно более-менее обоснованно судить, лишь приняв во внимание цели системы и совокупность существующих внешних условий (факторов).

Эти, казалось бы, отвлеченные философские суждения могут быть использованы как методология научного анализа степени системности мер принуждения в целом и мер юридической ответственности осужденных в частности. Такая системность – необходимое условие рациональности мер принуждения.

Прежде всего, конечно, встает вопрос о целях системы мер юридической ответственности. Необходимо различать эффективность норм и эффективность проводимых на их основе мероприятий. Поэтому здесь очевидны два взаимосвязанных аспекта: во-первых, система мер ответственности как реально применяемых государством мер уголовно-исполнительного (дисциплинарного) и уголовно-правового принуждения; во-вторых, эта же система как закрепленная в законе правовая модель. Последней целью, очевидно, выступает полноценная и непротиворечивая реализация при правоприменении. Целью системы мер принуждения как совокупности реально применяемых государством

средств обычно определяется обеспечение правопорядка в учреждениях, «предупреждение пенитенциарных правонарушений» [11, с. 4–5]. На более глубоком уровне понимания появляется, на наш взгляд, обеспечение меры (количественно-качественной характеристики) юридической наказуемости, адекватной состоянию, структуре и динамике пенитенциарной деликтности и типовым свойствам личности отдельных групп пенитенциарных правонарушителей.

Типовым характеристикам пенитенциарных правонарушителей в литературе уделено значительное внимание [11, с. 39–41; 9, с. 70–102; 2, с. 59–99], поэтому в рамках данной статьи остановимся на пенитенциарных правонарушениях.

Как известно, в последние годы общее число осужденных в российских исправительных колониях неуклонно сокращается. Если в 2016 г. оно составляло 480 039 чел., то на 1 июля 2021 г. уменьшилось на 30 % – до 341 335 чел. Сокращение применения реального лишения свободы закономерно вело к ухудшению состава осужденных в исправительных учреждениях за счет увеличения среди них осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также ранее судимых. В 2015 г. доля таких лиц среди осужденных к лишению свободы составляла 60 %, в 2017 г. – 62,5 %, в 2018 г. – уже 65,6 % [3, с. 46].

Судя по данным ведомственной статистики ФСИН России, в 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы уровень преступности продолжал расти и в расчете на 1000 чел. достиг 2,59 (в 2019 г. – 2,19). Всего было зарегистрировано 1184 преступления. В то же время количество зарегистрированных особо учитываемых преступлений, к которым, согласно приказу Минюста России от 20.07.2021 № 101, относятся деяния, предусмотренные ст. 105, 111, ч. 1 и 2 ст. 212 УК РФ, сократилось на 17,8 % (с 45 в 2019 г. до 37 в 2020 г.). Только за первые 6 месяцев 2021 г. в местах лишения свободы было зарегистрировано 561 преступление, причем наибольшая их часть (413) – в исправительных колониях.

Вместе с тем в доступной ведомственной статистике нет сведений о таких актуальных для уголовно-исполнительной системы преступлениях осужденных, как причинение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), не говоря уже о том, что данные преступления ныне вообще исключены из категории особо учитываемых.

Растворение указанных деяний в группе «иных преступлений» ведет к усилению их латентности и не способствует адекватному криминологическому анализу оперативной обстановки в исправительных учреждениях и целенаправленной борьбе с ними. Отмечалось, что преступления, предусмотренные ст. 321 УК РФ, занимают 18 % в структуре пенитенциарной преступности и их количество возрастает [11, с. 19]. По данным, опубликованным ранее, изменение количества преступлений, квалифицированных по ч. 3 ст. 321 УК РФ, не имеет четкой тенденции (в 2016 г. – 8, в 2017 г. – 6, в 2018 г. – 13, в 2019 г. – 17, в 2020 г. – 13) [7, с. 354]. В конечном счете возникает

нестыковка данных о состоянии преступности в УИС и сведений о совершенных осужденными нарушений порядка и условий отбывания наказания (режима).

Как свидетельствует статистика, за первое полугодие 2021 г. уровень нарушений осужденными порядка отбывания наказания по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. в расчете на 1000 осужденных возрос на 6 % и составил 782. Уровень злостных нарушений режима в расчете на 1000 осужденных составил 26, причем в исправительных колониях вырос на 26 %. С января по июнь 2021 г. осужденными в исправительных колониях совершено 276 972 нарушения режима, в том числе 9000 злостных. Среди последних преобладают изготовление, хранение или передача запрещенных предметов (4163), на втором месте – совершенное в течение года повторное нарушение (2921), замыкают тройку лидеров отказы от работы (1005). Заметное место занимают угроза, неповиновение представителям администрации учреждений или их оскорбление (719), причем за указанный период зафиксировано 192 случая применения осужденными насилия к персоналу исправительных учреждений, в том числе 68 – с причинением вреда здоровью, а 4986 раз сотрудниками в отношении осужденных применялись специальные средства и газовое оружие.

Иные злостные нарушения порядка и условий отбывания наказания, закрепленные в ч. 1 ст. 116 УИК РФ, в дисциплинарной практике исправительных колоний отражены крайне скупо, однако сопоставление соответствующих данных с результатами оперативно-режимной деятельности позволяют судить о высокой степени их латентности (в том числе искусственно создаваемой).

В первом полугодии 2021 г. среди 80 488 осужденных, стоявших на профилактическом учете, 8683 значились как склонные к употреблению спиртных напитков, наркотических и психотропных веществ. За этот период в учреждениях было изъято 15 715 л спиртных напитков кустарного производства и 4800 л спиртных напитков промышленного производства. Однако число зафиксированных таких злостных нарушений, как употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ, составило всего 111.

Среди стоявших на учете на конец первого полугодия 2021 г. 955 – «лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности», 1343 – «организующие и провоцирующие групповые противодействия законным требованиям администрации», 986 – отбывающие наказание за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки. В то же время в ведомственной статистике злостных нарушений не зафиксировано ни одного факта организации забастовок или иных групповых неповиновений осужденных либо активного в них участия, а также ни одного факта организации группировок осужденных, направленных на совершение злостных нарушений.

В первом полугодии 2020 г. на профилактическом учете в исправительных колониях состояло 197 осужденных, признанных нуждающимися в принудительном лечении. Однако в число злостных нарушений за тот же период не вошло ни одного случая уклонения осужденных от такого лечения.

На этом фоне весьма тревожит и то, что во всей массе отраженных в ведомственной статистике злостных нарушений порядка и условий отбывания наказания постепенно начинают превалировать предусмотренные ч. 2 ст. 116 УИК РФ повторяющиеся в течение года простые нарушения. К сожалению, статистика ФСИН России не отражает структуру этой совокупности.

В свое время закрепление в ч. 1 ст. 116 УИК РФ конкретного перечня злостных нарушений режима не без оснований расценивалось как способ сокращения произвольного усмотрения администрации исправительных учреждений в применении наиболее строгих мер дисциплинарных взысканий [4, с. 306–307]. Часть 2 данной статьи представляет собой некое вынужденное исключение. Сейчас же это исключение фактически превратилось в правило: из 9000 зарегистрированных в первом полугодии 2021 г. злостных нарушений 2921 (31,6 %) – повторные простые нарушения.

Возвращаясь к сказанному ранее о системе-модели и системе мер, подчеркнем справедливость вывода о том, что закрепленная ныне в ч. 1 ст. 116 УИК РФ система-модель в части предусмотренных видов злостных нарушений не достигает целей, так как имеющиеся юридические возможности на практике используются явно недостаточно. На наш взгляд, это справедливо и в отношении системы мер взыскания, приведенной в ст. 115 УИК РФ. Перечень начинается с выговора (п. «а» ч. 1) и дисциплинарного штрафа (п. «б» ч. 1), которые в числе примененных мер в статистике ФСИН России вовсе не отражены. Среди упомянутых в ней взысканий на первом месте по распространенности находится водворение осужденных в штрафной изолятор (91 %).

Уровень нарушений осужденными порядка и условий отбывания наказания в 2020 г. по сравнению с 2019 г. возрос на 8 %, а в первом полугодии 2021 г. по сравнению с АППГ – на 6 %. Уровень злостных нарушений в расчете на 1000 чел. составил соответственно 26 и 20, причем в исправительных колониях он вырос на 29 %. Парадоксально, но одновременно снижается как общее число осужденных, признанных злостными нарушителями, так и использование в качестве мер ответственности единых помещений камерного типа (ЕПКТ). Если в 2016 г. злостными нарушителями было признано 22 310 осужденных, то в 2017 г. – 20 664, в 2018 г. – 18 938, в 2020 г. – 17 370, а в первой половине 2021 г. – 16 340 чел.

Среднегодовое число осужденных в ЕПКТ в 2016 г. составляло 2092 чел. (примерно 50 % лимита), в 2018 г. – 1685 (45 %), в 2020 г. – 1274 (35 %), в первой половине 2021 г. – 1224 (33 %). В итоге трудно объяснить следующее: общее количество осужденных в местах лишения свободы с 2016 по 2021 г. уменьшилось на 30 % (с ухудшением их качества), а количество злостных нарушителей сократилось на 42 %. Таким образом, единые помещения камерного типа как одна из наиболее острых легальных мер взыскания ныне используются едва ли на треть, что также говорит о недостаточной эффективности предусмотренной в законе системы дисциплинарных санкций и порядка их применения.

В конечном счете, подходя к этому с позиций системной характеристики необходимой достаточ-

ности, нельзя не констатировать, что на практике принцип рациональности принуждения реализуется далеко не в полной мере.

В значительной степени это справедливо и для другой подсистемы мер пенитенциарной ответственности – уголовной ответственности. Речь идет, прежде всего, о необходимости определенной модернизации ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». По обоснованному мнению многих ученых и практиков, ее профилактический потенциал используется пока далеко не полностью.

Причины этого во многом кроются в обстоятельствах бюрократического свойства, таких как: специфика статистического учета, отчетность в уголовно-исполнительной системе. Но нельзя не принять во внимание саму ст. 321, прежде всего потому, что ее наименование неудачно и не соответствует объективной стороне предусмотренного ею деяния, степени его завершенности (порождая, к примеру, вопрос, формальный это состав или материальный). Не соответствует оно и общественной опасности данного деяния, явно завышая ее. В этой связи следует поддержать авторов, полагающих, что дезорганизация деятельности исправительного учреждения не входит в объективную сторону состава данного преступления, поэтому следует отказаться от использования соответствующего термина в тексте уголовного закона [12, с. 7]. Предложения о включении дезорганизации в рассматриваемый состав в качестве уголовно значимой цели организованных групп отрицательной направленности [6, с. 14] едва ли могут быть приняты по причине невозможности ее достоверного установления уголовно-процессуальными средствами.

Дополнительным аргументом может послужить история вопроса. Как известно, УК РСФСР 1960 г. в первые годы своего существования не предусматривал уголовной ответственности за деяния такого рода. В тот относительно короткий период в подобных случаях применялась фактически по аналогии ст. 77 УК РСФСР (бандитизм). Статья 77 УК РСФСР находилась в главе «Иные государственные преступления». Лишь впоследствии, в 1962 г., в Кодекс была введена ст. 77¹ «Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений», по которой ответственности подлежали особо опасные рецидивисты, а также лица, осужденные за тяжкие преступления. Статья 77¹ также находилась в гл. 2 «Иные государственные преступления», что говорило о высокой общественной опасности деяния.

Но далеко не все преступления такого рода по степени их опасности могли быть квалифицированы по ст. 77¹, поэтому предлагалось дополнить Кодекс статьей об уголовной ответственности осужденных за злостные нарушения режима [14, с. 55]. Лишь двадцать лет спустя, в 1983 г., в УК РСФСР была введена ст. 188³ «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения». Ответственность по ней несли осужденные, ранее в течение года переводившиеся в помещение камерного типа (одиночную камеру) либо в тюрьму. Повышенная ответственность по ч. 2 ст. 188³ предусматривались

для особо опасных рецидивистов либо осужденных за тяжкие преступления.

Данный состав, в отличие от предусмотренного ст. 77¹, был включен в гл. 8 «Преступления против правосудия». Тем самым общественная опасность этого преступления все же признавалась меньшей, нежели действий, дезорганизирующих работу ИТУ.

В ходе подготовки УК РФ 1996 г. статья, подобная ст. 77¹ УК РСФСР, в кодекс включена не была, однако ее наименование обрела ст. 321, пришедшая на смену ст. 188³ УК РСФСР и помещенная в гл. 32 «Преступления против порядка управления». Подобный симбиоз едва ли способствовал должной реализации профилактического потенциала ст. 321 УК РФ, создавая искаженное представление о степени общественной опасности деяния.

Заключение

Во-первых, на наш взгляд, подобная статья ныне вполне могла бы быть преобразована в статью «Систематические злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания». Как справедливо писал профессор А. Л. Ременсон, «когда злостные нарушения режима превращаются в систему, они приобретают качество общественной опасности и в случае безуспешности других мер воздействия, принятых администрацией ИТУ, должны влечь за собой уголовную ответственность» [13, с. 31].

Применению такой нормы должно предшествовать назначение осужденному в течение года дисциплинарного взыскания за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания в виде выдворения в ПКТ, ЕПКТ, одиночные камеры. Тем самым она, очевидно, с одной стороны, превратится в бланкетную, а с другой – будет предполагать так называемую уголовно-исполнительную преюдицию. Следовательно, ее введение в УК РФ возможно только в тесной взаимосвязи с изменением соответствующих положений Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Поэтому, во-первых, нуждается в ревизии ч. 1 ст. 116 УИК РФ в части сокращения предусмотренных ею деликтов. В ней следует оставить лишь такие нарушения, которые действительно опасны для существующего в учреждениях правопорядка, посягают на интересы безопасности и управляемость мест лишения свободы и отражают действительную злостность нарушителей. Целесообразно, к примеру, исключить из числа злостных нарушений отказ осужденных от ра-

боты либо употребление ими спиртных напитков, если последнее не сопряжено с действиями насильственного характера, мелкое хулиганство и т. д. Одновременно следует расширить перечень злостных нарушений за счет включения в него совершения осужденными актов членовредительства либо голодовки в целях поощрения администрации к выполнению явно незаконных действий либо прекращения законных действий. Например, ст. 361 Уголовного кодекса Республики Казахстан предусматривает уголовную ответственность осужденных за «совершение акта членовредительства группой лиц, содержащихся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, в целях дестабилизации нормальной деятельности учреждений либо воспрепятствования законной деятельности сотрудников учреждения». Степень фактической применимости этой нормы нам, к сожалению, неизвестна.

Во-вторых, часть рассматриваемых нами нарушительных способна образовать отдельную промежуточную группу грубых нарушений режима, которые, с одной стороны, могли бы быть основаниями применения взыскания в виде водворения в ПКТ, а с другой – не составили бы отмеченной выше уголовно-исполнительной преюдиции. Сходная градация пенитенциарных правонарушений на малозначительные, менее тяжкие, тяжкие (злостные) и особо тяжкие (особо злостные) уже предлагалась в литературе [20, с. 10–13; 21].

В-третьих, необходимо исключить из ст. 116 УИК РФ возможность признания злостным нарушением совершение в течение одного года повторного нарушения установленного порядка отбывания наказания, если за каждое из этих нарушений осужденный был подвергнут взысканию в виде водворения в штрафной или дисциплинарный изолятор. При необходимости подобное нарушение могло бы признаваться грубым.

В-четвертых, нужно предоставить начальнику учреждения право и при совершении осужденным деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УИК РФ, в зависимости от обстоятельств дела и личности виновного не признавать это нарушение злостным.

Наконец, требуется усилить вневедомственный, в том числе общественный, контроль за водворением осужденных в помещения камерного типа, тем самым устраняя почву для обвинения администрации со стороны некоторых правозащитников и осужденных в предвзятом отношении к последним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаян, С. Л. Правовое регулирование поощрений и взысканий в исправительных учреждениях / С. Л. Бабаян // Преступление и наказание. – 2004. – № 12. – С. 26–28.
2. Брезгин, Н. И. Криминальная обстановка (ситуация) в исправительных учреждениях России. Теоретические и прикладные проблемы / Н. И. Брезгин. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2006. – 326 с. – ISBN 978-5-98344-043-2.
3. Звечаровский, И. С. Система уголовных наказаний: теория, закон, практика / И. С. Звечаровский, Д. С. Пархоменко // Уголовное право. – 2019. – № 4. – С. 43–48.
4. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / ответственный редактор А. И. Зубков. – Москва : Норма : Инфра-М, 1997. – 408 с. – ISBN 5-89123-569-2, 5-16-000752-0.
5. Ланкин, Н. И. О принципах уголовно-исполнительного права / Н. И. Ланкин // Актуальные проблемы государства и права в современный период : сборник статей / ответственный редактор В. Ф. Волович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – Часть 1. – С. 49–50.
6. Легостаев, С. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: сравнительно-правовой и личностно-ориентированный аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Легостаев Сергей Валентинович. – Рязань, 2010. – 23 с.

7. Лобанова, Е. С. Актуальные вопросы формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств в условиях реализации компетентностного подхода в образовательном процессе / Е. С. Лобанова, Т. В. Кириллова, В. В. Смыковский // *Пенитенциарная наука*. – 2021. – Том 15, № 2 (54). – С. 350–362.
8. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Итоги и обоснования теоретического моделирования / под научной редакцией В. И. Селиверстова. Москва : Юриспруденция, 2017. – 328 с. – ISBN 978-5-9516-0789-8.
9. Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антояна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань : Академия ФСИН России, 2009. – 566 с. – ISBN 978-5-7743-0270-3.
10. Перегудов, Ф. И. Основы системного анализа / Ф. И. Перегудов, Ф. П. Тарасенко. – Томск : Изд-во НТЛ, 2001. – 369 с. – ISBN 5-89503-115-3.
11. Предупреждение пенитенциарных правонарушений : методическое пособие / под общей редакцией В. В. Цатурова. – Москва : ОУ ФСИН России : НИИ ФСИН России, 2014. – 98 с.
12. Примаков, А. А. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Примаков Александр Александрович. – Красноярск, 2003. – 26 с.
13. Ременсон, А. Л. Избранные труды / А. Л. Ременсон. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2003. – 100 с. – ISBN 5-7511-1728-X.
14. Ременсон, А. Л. Как воздействовать на злостных нарушителей режима / А. Л. Ременсон // *К новой жизни*. – 1964. – № 8. – С. 53–55.
15. Российское уголовно-исполнительное право : учебник для студентов вузов : в 2 томах. Том 1: Общая часть / под редакцией В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – Москва : МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2010. – 343 с. – ISBN 978-5-902406-08-2.
16. Сагатовский, В. Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода / В. Н. Сагатовский // *Философские науки*. – 1976. – № 3. – С. 67–78.
17. Сагатовский, В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В. Н. Сагатовский. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. – 431 с.
18. Сизая, Е. А. Принципы уголовно-исполнительного права: вопросы теории и практики / Е. А. Сизая. – Чебоксары : ЧКИ РУК, 2008. – 384 с.
19. Уткин, В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие / В. А. Уткин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. – 190 с.
20. Федяев, А. Е. Меры взыскания, применяемые в исправительных учреждениях / А. Е. Федяев. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2004. – 123 с. – ISBN 5-94552-034-9.
21. Чубраков, С. В. Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность / С. В. Чубраков. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. – 128 с. – ISBN 978-5-94621-427-8.

REFERENCES

1. Babayan S.L. Legal regulation of incentives and penalties in correctional institutions. *Prestuplenie i nakazanie=Crime and Punishment*, 2004, no. 12, pp. 26–28. (In Russ.).
2. Bregzin N.I. *Kriminal'naya obstanovka (situatsiya) v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh Rossii. Teoreticheskie i prikladnye problemy* [Criminal situation in correctional institutions of Russia. Theoretical and applied problems]. Ryazan. APU FSIN Rossii, 2006. 326 p.
3. Zvecharovskii I.S., Parkhomenko D.S. System of criminal penalties: theory, law, practice. *Ugolovnoe pravo=Criminal Law*, 2019, no. 4, pp. 43–48. (In Russ.).
4. Kommentarii k *Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation]. Ed. by A.I. Zubkov. Moscow: Infa. M. Norma. 1997. 528 p.
5. Lankin N.I. On the principles of penal enforcement law. In: Volovich V.F. (Ed.). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava v sovremennyyi period: sb. statej* [Actual problems of state and law in the modern period: collection of articles]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1998. Pp. 49–50. (In Russ.).
6. Legostaev S.V. *Dezorganizatsiya deyatel'nosti uchrezhdenii, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva. Avtoref. diss... kand. yurid. nauk* [Disorganization of activities of institutions providing isolation from society: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2010. 23 p.
7. Lobanova E.S., Kirillova T.V., Smykovskii V.V. Developing the readiness of correctional officers to act in emergency situations in the context of implementation of the competence-based approach in educational process. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15. № 2 (54), pp. 350–362. (In Russ.).
8. *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii. Itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [General part of the amended Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Results and justifications of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya. 2017. 328 p.
9. *Penitentsiarnaya kriminologiya* [Penitentiary criminology]. Ryazan. APU FSIN Rossii. 2009. 567 p.
10. Peregudov F.I., Tarasenko F.P. *Osnovy sistemnogo analiza* [Fundamentals of system analysis]. Tomsk: Izdatel'stvo NTL. 2001. 369 p.
11. *Preduprezhdenie penitentsiarnykh pravonarushenii: metodicheskoe posobie* [Prevention of penitentiary offenses: methodical manual]. Ed. by V.V. Tsaturov. Moscow: OU FSIN, NII FSIN RF. 2014. 98 p.
12. Primakov A.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, posyagayushchie na ustanovlennyy poryadok ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody: Avtoref. diss... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for crimes infringing on the established procedure for execution of punishment in the form of imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnoyarsk. SFU. 2003. 26 p.
13. Remenson A.L. *Izbrannyye Trudy* [Selected works]. Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU. 2003. 100 p.
14. Remenson A.L. How to influence malicious regime violators. *K novoi zhizni=To a New Life*, 1964, no. 8, pp. 53–55. (In Russ.).

15. *Rossiiskoe ugovno-ispolnitel'noe pravo. Tom I. Obshchaya chast'* [Russian Penal Enforcement law. Volume I. General part]. Ed. by V.E. Eminov, V.N. Orlov. Moscow: MGYuA, 2010. 344 p.
16. Sagatovskii V.N. Experience in building a categorical apparatus of a systematic approach. *Filosofskie nauki=Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1976, no. 3, pp. 67–78. (In Russ.).
17. Sagatovskii V.N. *Osnovy sistematizatsii vseobshchikh kategorii* [Fundamentals of systematization of universal categories]. Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU, 1973. 431 p.
18. Sizaya E.A. *Printsipy ugovno-ispolnitel'nogo prava: voprosy teorii i praktiki* [Problem of principles in penal enforcement law: history and modernity]. Cheboksary: ChKI RUK. 2008. 384 p.
19. Utkin V.A. *Nakazanie i ispravitel'no-trudovoe vozdeistvie* [Punishment and correctional labor impact]. Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU. 1984. 190 p.
20. Fedyaev A.E. *Mery vzyskaniya, primenyaemye v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh* [Penalties applied in correctional institutions]. Barnaul. 2004. 123 p.
21. Chubakov S.V. *Problema printsipov v ugovno-ispolnitel'nom prave: istoriya i sovremennost'* [Problem of principles in penal enforcement law: History and modernity]. Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU. 2015. 128 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ УТКИН – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия, utkinva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9126-7971>, WoS ResearcherID: 0-8426-2014

VLADIMIR A. UTKIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Penal Enforcement Law and Criminology of the National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, utkinva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9126-7971>, WoS ResearcherID: 0-8426-2014

Статья поступила 01.02.2022

Научная статья

УДК 343.9.01

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.004

Концептуальные аспекты реформирования российского уголовного законодательства

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,
diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Реферат

Введение: статья посвящена фундаментальным проблемам уголовного права, а именно правовому и доктринальному определению таких его институтов, как предмет регулирования, задачи, принципы, наказание, его цели, санкции. *Цель:* на основе исследования правовой природы, социальной обусловленности, достижимости указанных институтов выявить проблемы их концептуального соответствия современной уголовной политике России. *Методы:* исследование основано на диалектическом подходе к изучению социальных процессов и явлений. В нем использовались традиционные для наук уголовного права и криминологии методы: анализ и синтез, сравнительно-правовой, ретроспективный, формально-юридический, логический. Применялись и частно-научные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* автор пришел к выводу о том, что наступило время смены концептуальных основ, на которых зиждется российское уголовное право. Не умаляя значения уголовно-правовых средств, следует подчеркнуть, что их эффективность во многом обусловлена сочетанием с системой профилактики преступлений и других правонарушений, а также реализацией мер социального, экономического, политического характера, способствующих снижению влияния криминогенных факторов. Отмечается небезупречность изложения основных положений уголовного права: в части предмета уголовно-правового регулирования налицо его явное сужение; в части задач уголовного права – отсутствие корреляции между формулировкой задач и функций уголовного права; в части принципов уголовного права – отсутствие в них ясности и непротиворечивости; в части целей наказания – противоречие целей исправления и предупреждения преступлений друг другу; в части системы наказаний – нарушение принципа системности, отсутствие единой доктринально разработанной юридико-технической методологии. Поэтому модель уголовного наказания нуждается в серьезном пересмотре, особенно в телеологическом аспекте. *Выводы:* в результате проведенного исследования обоснована необходимость законодательной реформы основных институтов уголовного права, поскольку от этого зависит эффективность судебной и уголовно-исполнительной деятельности, обоснованность финансовых затрат. Российское уголовное законодательство на современном этапе нуждается в концептуальном реформировании в аспектах приведения в соответствие с требованиями системности, положениями Конституции Российской Федерации, международными обязательствами Российской Федерации, социальными ожиданиями, а также современными и прогнозируемыми криминальными тенденциями и вызовами.

Ключевые слова: предмет, задачи, принципы уголовного права; пробация; наказание; цели; санкции; эффективность; восстановление социальной справедливости; предупреждение преступлений; общая и специальная превенция; исправление осужденных; уголовно-правовая политика; концептуальные основы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Дворянсков И. В. Концептуальные аспекты реформирования российского уголовного законодательства // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 37–46. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.004.

Original article

Conceptual Aspects of Reforming Russian Criminal Legislation

IVAN V. DVORYANSKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of

Russia, Vologda, Russia, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Abstract

Introduction: the article is devoted to fundamental problems of criminal law, namely the legal and doctrinal definition of its institutions, such as a subject of regulation, objectives, principles, punishment, its goals, sanctions. *Purpose:* based on the study of the legal nature, social conditionality, and achievability of these institutions the author tries to identify problems of their conceptual compliance with the modern criminal policy of Russia. *Methods:* the research is based on a dialectical approach to the study of social processes and phenomena. It used methods traditional for criminal law and criminology sciences, such as analysis and synthesis, comparative legal, retrospective, formal legal, and logical methods. Private scientific methods were also used: the legal-dogmatic one and the method of interpretation of legal norms. *Results:* the author concludes that the time has come to change the conceptual foundations, Russian criminal law is based on. Without downplaying the importance of criminal legal means, it should be emphasized that their effectiveness is largely due to its combination with the crime prevention system, as well as the implementation of social, economic, and political measures that contribute to reducing the influence of criminogenic factors. It is noted that the presentation of the main provisions of criminal law is flawed: the subject of criminal law regulation is narrowed; formulation of tasks and functions of criminal law do not correlate with each other; criminal law principles lack clarity and consistency; the goals of crime correction and prevention contradict to each other; the consistency principle is violated and a single doctrinally developed legal and technical methodology is absent in the punishment system. Therefore, the model of criminal punishment needs a serious revision, especially in the teleological aspect. *Conclusions:* as a result of the conducted research, the need for legislative reform of the main institutions of criminal law is justified, since the effectiveness of judicial and penal enforcement activities, the validity of financial costs depend on it. At the present stage, Russian criminal legislation needs conceptual reform in terms of bringing it into line with the requirements of consistency, provisions of the Constitution of the Russian Federation, international obligations of the Russian Federation, social expectations, as well as modern and predictable criminal trends and challenges.

Key words: subject, tasks, principles of criminal law; probation; punishment; goals; sanctions; effectiveness; restoration of social justice; crime prevention; general and special prevention; correction of convicts; criminal law policy; conceptual foundations.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

Citation: Dvoryanskov I. V. Conceptual aspects of reforming Russian criminal legislation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 37–46. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.004.

Введение

Современный российский уголовный закон характеризуется нестабильностью, нарушением требований системности, наличием доктринальных, правовых и юридико-технических дефектов. Отчасти это вызвано процессами чрезмерно интенсивной его трансформации, наблюдаемой на всем протяжении его действия. Так, по словам профессора А. В. Наумова, только с 20 декабря 2010 г. по 20 июня 2011 г. внесенные в кодекс изменения затронули 126 его статей (приблизительно треть от всех существующих). За последнюю неделю 2010 г. в течение четырех дней были внесены изменения в четыре статьи. По состоянию уже на начало 2015 г. изменению были подвергнуты примерно 300 статей кодекса (а в первоначальной редакции он насчитывал 360 статей) [1]. Это негативно сказывается на системности изложения и качестве норм УК РФ.

Следует также отметить противоречивость изложения даже основных положений уголовного права. Так, ст. 1 УК РФ, по сути, ограничивает предмет регулирования уголовного закона только уголовной ответственностью, фактически игнорируя регулируемые им отношения по поводу уголовно-правового повеления, освобождения от уголовной ответственности и наказания, назначения наказания (применения иных уголовно-правовых мер) и т. п.

Весьма противоречиво, а подчас и дискриминационно (ст. 4 УК РФ) изложены принципы уголовного права. Отсутствуют верификационные критерии целеполагания в институте наказания. Нарушены юридико-технические требования к построению санкций. Все это требует проведения доктринальной и правовой экспертизы УК РФ в целях его последующей переработки.

Результаты

Важнейшей функцией государства является охрана интересов общества в области обеспечения неприкосновенности и стабильного существования основных социальных ценностей: личности, собственности, экономической деятельности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, а также предупреждение преступлений как наиболее опасных форм правонарушающего поведения, снижение влияния криминогенных факторов.

Уголовное законодательство имеет в этом отношении особое значение: во-первых, оно регламентирует основания и формы уголовной ответственности, во-вторых, гарантирует соблюдение прав и обеспечивает безопасность участников уголовно-правовых отношений, законность, гуманизм, справедливость, равенство перед законом. Исключается применение карательных мер в отношении невинов-

вных, в том числе в силу возраста или невменяемости, а нарушение этих требований, злоупотребление полномочиями и т. п. преследуются уголовным законом.

Уголовное право регулирует применение наиболее строгих мер реагирования в отношении самых опасных форм девиантного (отклоняющегося от норм) поведения человека – преступлений. Но это же обстоятельство обуславливает узконаправленный (адресный) характер уголовно-правового воздействия. Не следует рассматривать уголовное право как панацею от всех проблем общества. Специфика его состоит в реактивном характере. Имея дело с уже совершенными преступлениями как событиями прошлого, оно располагает весьма ограниченным ресурсом конструктивного влияния на будущее, в том числе и в аспекте превенции. Поэтому, не умаляя значения уголовно-правовых средств, все же отметим, что их эффективность во многом обусловлена сочетанием с системой профилактики преступлений и других правонарушений, а также мерами социального, экономического, политического характера, направленными на снижение влияния криминогенных факторов.

Если рассматривать преступность как абсолютное зло, без учета ее особенностей как социального явления, соединенного многочисленными и разноплановыми корреляциями со структурой и динамикой общественного развития, то против нее надо использовать самые мощные, самые жесткие средства. Эффективность такого противодействия, к которому весьма подходит термин «борьба», использовавшийся в советское время, весьма низка, ибо оно будет затрагивать не глубинные причины явления, в том числе на уровне психологического и морального соотношения преступника и общества, а поверхностное, легко наблюдаемое следствие преступного вторжения в ткань общественной жизни, линейное реагирование на которое играет прежде всего роль оценки содеянного и нанесенного объекту уголовно-правовой охраны ущерба, выражаемой в назначаемых мерах уголовной ответственности. Эффективность воздействия на преступность очевидно основана на точности, адресности, соизмеримости и, соответственно, справедливости.

Любое конструктивное влияние на уголовное законодательство в целях его совершенствования, будь то изменение, дополнение, реформирование и пр., в свою очередь, должно опираться на концептуальные основы, то есть господствующие в обществе, вырабатанные теорией и практикой фундаментальные положения, отражающие философские, научные, культурные, исторические, духовные, аксиологические, правовые взгляды на предмет, задачи, принципы, формы и содержание уголовно-правового регулирования общественных отношений, охраны наиболее важных социальных благ и интересов.

В настоящее время уже принят целый ряд концептуальных документов, касающихся безопасности общества и охраны правопорядка: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской

Федерации от 02.07.2021 № 400, Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, и др. Продолжить этот перечень должна Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации, закладывающая основы уголовно-правового противодействия преступности на долгосрочную перспективу.

В этой связи следует высказать соображения относительно необходимости реформирования современного уголовного законодательства, к сожалению страдающего системными недостатками, препятствующими его полноценному применению в качестве инструмента государственной политики в сфере противодействия преступности. Остановимся лишь на основных аспектах.

1. Предмет уголовно-правового регулирования. Предметом регулирования уголовного права выступает комплекс общественных отношений, возникающих либо с момента вступления в силу уголовно-правовых норм, либо вследствие совершения преступления, которые соответственно можно именовать общерегулятивными и охранительными [3, с. 122–123].

Таким образом, в предмет регулирования уголовного права входят не только вопросы установления преступности и наказуемости деяний, а регулируемые отношения возникают не только между государством и лицом, совершившим преступление. В предмет уголовно-правового регулирования включаются также отношения между государством и всеми лицами, на которых распространяется уголовный закон, предполагающие соблюдение ими последнего и контроль за этим со стороны государственных органов, наделенных соответствующей компетенцией (так называемые отношения позитивной уголовной ответственности) [4].

Кроме того, в сферу регулирования уголовного права входят также отношения по реализации уголовно-правомерного поведения (необходимая оборона, крайняя необходимость, обоснованный риск и т. д.), вытекающие из невинного причинения вреда (деяния, совершаемые невменяемыми, казусы и т. п.), вопросы регламентации системы и видов наказаний, назначения наказания, его замены, отсрочки и прекращения исполнения, снятия и погашения судимости, установления полномочий органов, осуществляющих контроль за исполнением таких мер, освобождения от уголовной ответственности и наказания, амнистии и помилования, уголовной ответственности несовершеннолетних, применения принудительных мер и воспитательного воздействия, применения иных мер уголовно-правового характера (принудительных мер медицинского характера, конфискации имущества, возмещения причиненного ущерба, судебного штрафа).

В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что ст. 1 УК РФ содержит императивное требование: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность,

подлежат включению в настоящий Кодекс». Большинство указанных выше аспектов уголовно-правового регулирования им не охватывается. Означает ли это, что они могут содержаться в иных нормативных правовых актах или это пример несовершенства законодательства? Налицо явное сужение предмета уголовно-правового регулирования.

2. *Задачи уголовного права.* Задачи уголовного права – это актуальные общественно значимые проблемы, обусловленные криминальными угрозами для наиболее важных социальных ценностей (благ), решение которых возможно посредством уголовно-правового регулирования. В их число входят: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Между тем формулировка задач должна коррелировать с функциями уголовного права, то есть фактическими способами их решения, что позволит научно верифицировать эффективность данного процесса.

Системный анализ уголовного права позволяет выделить помимо традиционно рассматриваемой функции охраны такие функции, как предупредительная функция (она обусловлена задачей предупреждения преступлений), функция запрета (она заключается в императивном установлении преступности конкретных деяний в Особенной части Уголовного кодекса), регулятивная функция (является важным проявлением сущности уголовного права, так как кроме запретов оно содержит нормы, выражающие позитивное правовое регулирование: нормы-правила (ст. 60–72.1 УК РФ), нормы-принципы (ст. 3–7 УК РФ), нормы-декларации (например, ст. 1–2 УК РФ), нормы-дефиниции (например, ст. 14, 43 УК РФ), нормы-гарантии (ст. 37–42 УК РФ)), поощрительная функция (имеет многовекторный характер: во-первых, выражается в поощрении правомерного поведения, в том числе связанного с противодействием преступным посягательствам, их пресечением, задержанием лиц, совершивших преступления, во-вторых, касается случаев отказа от преступного поведения на стадии приготовления или покушения (ст. 31, 34 УК РФ), в-третьих, речь идет о поощрении посткриминального поведения, свидетельствующего о желании минимизировать последствия преступления, загладить причиненный вред, совершить деятельное раскаяние (ст. 75–76.1 УК РФ, примечания к статьям Особенной части об освобождении от уголовной ответственности), а также сотрудничать с органами государства в вопросах раскрытия преступлений (явка с повинной, соглашение о сотрудничестве)), воспитательная функция (формирует правосознание граждан путем установления запретов на те деяния, которые признаются государством наиболее общественно опасными) и, наконец, аксиологическая функция (заключается в ценностной ориентированности уголовного права, закреплении в законе, систематизации и охра-

не наиболее важных социальных ценностей). Очевидно, что названные фактически присущие уголовному праву функции должны быть отражены и в перечне его задач.

3. *Принципы уголовного права.* Принципы уголовного права – это основополагающие идеи (руководящие начала), на которых оно строится. Речь идет об основных исторически сформировавшихся формах отражения в общественном сознании фундаментальных положений относительно уголовной ответственности, преступности, наказуемости деяний и т. п. Уголовно-правовые принципы опираются на нормы Конституции Российской Федерации и международного права.

Однако относительно содержания данных принципов нет полной ясности.

Принцип законности закреплен в ст. 3 УК РФ, часть первая которой гласит: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом». Принцип законности предполагает, с одной стороны, исключительность уголовно-правового регулирования, а с другой – требование к самому уголовному закону не противоречить Конституции Российской Федерации, ратифицированным актам международного права. Уголовное законодательство не может противоречить и другим федеральным законам, обладающим с ним равной юридической силой. В ч. 2 ст. 3 УК РФ содержится запрет на аналогию, который основан на формально-материальном понятии преступления, обладающего признаками как общественной опасности, так и уголовной противоправности (ст. 14 УК РФ). В действующем уголовном законе встречаются нормы, фактически допускающие аналогию закона, что является не исключением из правила, а примером нарушения системности изложения уголовно-правового материала и требует немедленного устранения. Примером может служить ч. 1 ст. 228 УК РФ: «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...»

Дело в том, что цитируемая норма является бланкетной, то есть для своего толкования и применения отсылает к нормативно-правовым актам, относящимся к иной отрасли права, в частности к Постановлению Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681 (ред. от 09.08.2019) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». Однако понятие «аналог» позволяет обходить и его в нарушение рассматриваемого принципа законности.

Принцип равенства граждан перед законом гласит: «лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Очевидно, что применительно к уголовному праву принцип равенства означает установление одинако-

вых оснований уголовной ответственности, освобождения от уголовной ответственности и наказания, условий погашения судимости и т. п.

Однако уголовный закон допускает подчас особую регламентацию указанных оснований для отдельных категорий лиц, объединяемых родовыми признаками: несовершеннолетних, женщин, военнослужащих, некоторых категорий должностных лиц. Нельзя не сказать о дискриминационном наименовании принципа, предусмотренного ст. 4 УК РФ «Принцип равенства граждан перед законом»: с учетом того, российский уголовный закон распространяется не только на граждан Российской Федерации, но также на иностранных граждан и лиц без гражданства, очевидно, что такая формулировка, по сути, исключает из сферы действия принципа равенства две последние категории.

Все это свидетельствует о том, что о равенстве в уголовно-правовом контексте можно говорить лишь условно и только применительно к основаниям уголовной ответственности по тем составам преступлений, которые не предусматривают наличие специального субъекта.

Принцип вины (ст. 5 УК РФ) предполагает следующее:

а) лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина;

б) объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается.

Принцип вины является фундаментальным и одним из древнейших в уголовном праве. Суть его состоит, во-первых, в персональной ответственности лица, совершившего преступление, в отличие от других отраслей права, например гражданского, предусматривающих солидарную, субсидиарную и другие виды коллективной ответственности. Во-вторых, лицо может подлежать ответственности только за те деяния, которые оно совершило виновно, то есть с умыслом или по неосторожности. Это безусловное требование уголовного закона основано на постулате о том, что только виновный может понять смысл и значение уголовной ответственности, в том числе применяемых в отношении него наказания или иных уголовно-правовых мер. Кроме того, установление вины неразрывно (концептуально) связано с последующим достижением таких целей наказания, как исправление и предупреждение совершения новых преступлений.

Именно этим обусловлен запрет на объективное вменение, допустимое, в частности, в гражданском праве (в ст. 1064 ГК РФ говорится, что законом (речь идет о ст. 1070, 1079, 1095, 1100 ГК РФ) может быть предусмотрено возмещение вреда при отсутствии вины причинителя вреда, а обязанность такого возмещения может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда).

Однако в уголовном законе, к сожалению, остается возможность объективного вменения посред-

ством учета при квалификации некоторых оценочных признаков. В качестве примера можно привести причинение значительного ущерба потерпевшему. Оно, как правило, образует квалифицированный состав преступления, за который установлена более строгая ответственность. Его особенность состоит в том, что он оценивается постфактум. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал, что «при квалификации действий лица, совершившего кражу, по признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует, руководствуясь примечанием 2 к статье 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др. При этом ущерб, причиненный гражданину, не может быть менее размера, установленного примечанием к статье 158 УК РФ». Разумеется, виновный в момент кражи далеко не всегда может оценить перечисленные выше особенности потерпевшего, особенно размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи. Это означает, что данные обстоятельства в момент совершения преступления не могут охватываться его умыслом, поэтому квалификация деяния как причинившего значительный ущерб является, по сути, ничем иным, как объективным вменением. Думается, такие признаки, если они не охватывались умыслом виновного, могут учитываться судом только при решении вопроса о возмещении ущерба потерпевшему.

Принцип справедливости, предусмотренный ст. 6 УК РФ, гласит, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Исходя из приведенной формулировки принцип справедливости реализуется в двух аспектах: а) соответствие карательных мер объективным и субъективным признакам содеянного; б) исключение двойной ответственности.

Исключение двойной ответственности, по сути, является элементом прецедентного права: вступившее в силу судебное решение исчерпывает правовой конфликт по конкретному делу и не допускает повторного рассмотрения дела по тем же материалам, как и применения других мер ответственности. Исключением может быть рассмотрение дела по вновь открывшимся обстоятельствам (гл. 49 УПК РФ).

Вместе с тем необходимо отметить, что термин «справедливость» упоминается также в ст. 43 УК РФ в контексте установления одной из целей наказания (восстановление социальной справедливости). Не углубляясь в исследование ее значения, укажем на

определенное противоречие с рассматриваемым принципом, соблюдение которого однозначно свидетельствует о том, что уже при назначении наказания должна обеспечиваться (восстанавливаться) справедливость. Цель же восстановления социальной справедливости означает, что после вынесения наказания ее только предстоит достичь, то есть речь идет об определенной перспективной функции. Иными словами, соблюдение принципа справедливости делает ненужным достижение цели восстановления социальной справедливости и, наоборот, требование достижения такой цели фактически свидетельствует о том, что указанный принцип был нарушен [5, с. 36].

Принцип гуманизма гласит, что, во-первых, уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека, во-вторых, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Данный принцип имеет ярко выраженный право-защитный характер. Он включает два близких, но не тождественных друг другу положения. Первое провозглашает необходимость обеспечения безопасности человека. Учитывая универсальность принципа (для уголовного права) речь идет не о конкретном человеке, будь то потерпевший или лицо, совершившее преступление, а о родовом понятии. Таким образом, обеспечение безопасности человека означает защиту личности как социального блага, уважение ее прав, свобод, чести и достоинства. В первую очередь, это касается безопасности граждан и иных лиц, которых берет под охрану уголовный закон. Она достигается как самим фактом установления ответственности за преступные посягательства, так и ее реализацией.

4. Наказание, его цели. Система наказаний. Сущностью наказания является кара – принудительное воздействие на личность совершившего преступление, выражающееся в причинении ему страданий, правоограничениях, публичном порицании, временном ostrакизме. Вместе с тем наказание не может выступать слепой карой ввиду его инструментального характера. Как в законе, так и в общественном сознании оно воспринимается как средство, с помощью которого помимо воздаяния преступнику за содеянное можно достичь каких-либо социальных эффектов, связанных как с закреплением и сохранением социальных ценностей, так и с достижением определенных социальных идеалов. Последние, в свою очередь, выражаются в целях наказания. В настоящее время эти цели формулируются в уголовном праве как основополагающей отрасли по отношению к уголовно-исполнительному праву следующим образом: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Но насколько релевантны эти формулировки подлинным функциям и возможностям наказания? Считаем необходимым высказать некоторые сооб-

ражения относительно природы наказания и его способности достигать указанные цели.

Наказание, на наш взгляд, выступает средством достижения положительного социального эффекта, моделируемого с учетом двух показателей: 1) что ждет от наказания общество; 2) на что действительно способно наказание, возможности которого, разумеется, не беспредельны.

Наказание имеет дело с последствиями преступления, но не может воздействовать на его причины, поскольку они вплетены в сложную систему социально-личностной детерминации с мощными факторами, остающимися вне досягаемости закона. Поэтому надежда на то, что наказание повлияет на причины, не имеет достаточных оснований. Наказание лишь фиксирует общественную и государственную оценку содеянного, а оценка, как известно, должна быть справедливой, иначе в ней просто не будет смысла.

Полагаем, что наказание представляет собой форму реагирования на преступность и может быть эффективно только в сочетании с мерами профилактики. По своей сути, это мера уголовной ответственности за содеянное, предполагающая обязанность виновного претерпеть кару, а в качестве дополнительного функционала включающая возможность дифференциации ответственности (например, посредством замены одного наказания другим, назначения дополнительного наказания).

Кроме того, представляется, что наказание есть не что иное, как средство коммуникации между государством и обществом, с помощью которого первое выражает свою позицию относительно того, что является преступным и, соответственно, опасным.

Наказание происходит от древнерусского слова «наказ» – наставление, поучение, распоряжение. Таким образом, реальные функции наказания – это социальное управление, а также утверждение воли государства, репрессия (подавление), официальная оценка преступления, выраженная в фиксации нанесенного ущерба, эквивалируемая в качественных и количественных характеристиках наказания, порицание содеянного.

Говоря о существующих целях наказания, следует обратить внимание на то, что у них нет единого концептуального основания.

Так, цели исправления и предупреждения преступлений противоречат друг другу. Первая ориентирована на то, что под воздействием наказания личность человека, совершившего преступление, подвергнется определенной трансформации, связанной с формированием у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, и стимулирование правопослушного поведения (ст. 9 УИК РФ).

Таким образом, исправление в его существующем виде предполагает рассмотрение преступной склонности как внутренней патологии, которая поддается коррекции посредством изменения отношения преступника к социальным ценностям.

С другой стороны, цель предупреждения преступления, особенно в аспекте специальной превен-

ции, постулирует страх перед наказанием в качестве сдерживающего механизма в отношении возможного в дальнейшем криминального поведения, что само по себе обесценивает те эффекты, которые достигаются целью исправления.

При этом формулируя обе указанные цели, законодатель фактически игнорирует социальную (внешнюю) детерминацию преступности, рассматривает преступника абстрагированно от условий его жизни как до, так и после наказания.

Вернемся к основам. Как формируется преступник? Чем детерминируется преступность? От ответа на эти вопросы зависит и решение относительно цели исправления и целесообразности ее сохранения. Если исходить из социальной обусловленности преступности, то видеть корень зла только в личности преступника и ставить во главу угла его исправление было бы неправильно. Для этого надо допустить, что после достижения исправления на человека не будут действовать криминогенные факторы, либо рассматривать исправление абстрактно, в отрыве от реальных условий его жизни, в том числе после отбытия наказания [2].

Закрепление целей исправления и предупреждения ставит в весьма сложное положение и правоприменителя. Рассмотрим в качестве примера деятельность уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), исполняющих большинство наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Как известно, само наказание состоит в принуждении осужденного к выполнению определенных обязанностей (трудиться, учиться, пройти лечение, отмечаться в УИИ и т. п.). За уклонение предусмотрен ряд карательных мер, в том числе и замена условного наказания реальным, а реальное – более строгим. Вместе с тем УИИ в рамках исполнения наказания организует проведение с осужденными воспитательной и социальной работы.

С рациональных позиций представляется сложным совмещать во взаимоотношениях УИИ с осужденным карательный и социально-реабилитирующий аспекты. По крайней мере, оба субъекта оказываются в противоречивых ролях. УИИ, с одной стороны, должна осуществлять карающее воздействие, а с другой – оказывать социальную помощь. Происходит столкновение социальных ролей. Этому, безусловно, способствует цель исправления, достижение которой требуется именно в процессе карательного воздействия, что и логически, и психологически необоснованно. Очевидно, что осужденному сложно приспособиться к постоянной смене образа инспектора и по-настоящему испытать к нему доверие.

Что касается цели предупреждения преступлений, то, как уже отмечалось, она основана на постулировании страха перед наказанием, что в корне противоречит концепции исправления.

Восстановление социальной справедливости также не имеет непротиворечивой концептуальной основы. На наш взгляд, справедливость является относительно стабильной аксиологической категорией, которая сама по себе нарушена быть

не может, выступает некоей константой, системой измерения, идеальной моделью, с помощью которой можно оценивать как преступные деяния, так и властные (судебные) акты, принимаемые по их поводу. При таком понимании мы должны не восстанавливать социальную справедливость, а приводить общественные отношения (конкретные обстоятельства) в соответствие с относительно устойчивыми (стабильными) аксиологическими требованиями (критериями), которые должны обретать своего рода статус-кво.

Если же исходить из концепции восстановления социальной справедливости, то автоматически надо допускать, что она является нестабильной (часто нарушаемой) категорией. Но раз мы принимаем то, что справедливость нужно восстанавливать, то где тот эталон (шаблон), по которому это должно происходить? Или мы говорим о двух видах справедливости (нарушаемой и эталонной)? Думается, в этом нет никакого смысла.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на противоречие рассматриваемой цели и принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ, соблюдение которого однозначно свидетельствует о том, что уже при назначении наказания должна обеспечиваться (восстанавливаться) справедливость.

Таким образом, в нынешнем виде цели наказания имеют декларативный и концептуально несовершенный характер. Это означает, что при всей благородности посылки они не отвечают условию достижимости в силу ряда причин: понятийной неточности (восстановление социальной справедливости), избыточности, противоречивости и практической неаудируемости (исправление и специальная превенция), архаичности (общая превенция).

Если наказание – это реакция государства на преступность, то эта реакция должна быть современной и отвечающей реальным проявлениям криминала и социальным потребностям. Очевидно, что, исходя из сущности наказания и его современного понимания, целями его могут быть возмездие (кара), правовая защита общества от преступлений и лиц, их совершающих, а также государственное порицание преступления.

Вместе с тем наказание как карательное средство должно сочетаться с последующими формами приспособления лица, совершившего преступление, к жизни в обществе. Система таких мер должна иметь гуманитарный и поддерживающий характер. В этой роли наиболее удачно может выступить система probation, планируемая к внедрению в России.

На Западе большую популярность получили теории ресоциализации преступника. Соответственно, важными направлениями социальной работы за рубежом выступают: а) постпенитенциарная социальная работа (работа с лицами, освобожденными из пенитенциарных учреждений); б) работа с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества [6–9].

Пробация и наказание являются по своей юридической природе, целям и задачам разными, но дополняющими друг друга институтами. Наказание

представляет собой крайнюю форму реагирования государства на совершение наиболее опасных форм человеческого поведения – преступлений. Его сущностью выступает кара за содеянное. Пробация не является наказанием либо иной мерой уголовно-правового характера, в ее рамках не реализуется уголовная ответственность. В отличие от наказания, она представляет собой альтернативу уголовному преследованию, имеющую задачи гуманизации уголовной политики, обеспечения возможности разрешения конфликта, вызванного преступлением, без применения карательных средств, возмещения причиненного вреда, примирения с потерпевшим, оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, в том числе путем психологического сопровождения, консультирования по социально-правовым вопросам, оказания содействия в восстановлении социальных связей, трудоустройстве, получении общего и профессионального образования, медицинской и иной помощи и т. п.

При конструировании современной системы наказаний законодатель пошел по экстенсивному пути создания схожих по механизму воздействия мер уголовно-правовой репрессии. Так, наказание в виде принудительных работ стало четвертым наказанием без изоляции осужденных от общества, связанным с их привлечением к труду, наряду с обязательными, исправительными работами, ограничением по военной службе. Остается неясным, какими причинами это вызвано. Если потребностью расширения применения так называемых альтернативных наказаний, то оно вряд ли зависит от количества мер в арсенале судов. Как показывает практика, такие наказания применяются неравномерно. Можно предположить, что наблюдаемый карательный плюрализм вызван задачей реализации дифференцированного подхода в уголовной политике. Но такой подход вполне может быть обеспечен в рамках одного наказания. К примеру, лишение свободы различается по строгости в зависимости от вида режима, и нет необходимости под каждый режим изобретать самостоятельный вид уголовной репрессии.

Если сравнивать действующие на сегодняшний день три наказания, связанные с трудом: обязательные работы (ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ст. 50 УК РФ) и принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ), то их следует назвать дублирующими, поскольку привлечение к труду осужденных вполне может быть реализовано в рамках единого наказания. Оговорки здесь заслуживают лишь ограничение по военной службе: можно согласиться с тем, что оно обладает определенной спецификой, в том числе и касающейся исполнения, поскольку применяется только к специальным субъектам – военнослужащим.

Кроме того, налицо нарушение требования системности, в частности единства основания классификации. Если исправительные работы в своем содержании имеют ярко выраженную целевую установку – исправление осужденного – и наиболее адекватно отражают взаимосвязь с трудом,

то наименования «обязательные» и «принудительные», по сути, тавтологичны, поскольку представляют разное словесное обозначение одного и того же – механизма привлечения осужденного к труду помимо его воли. Очевидно, что обязательность предполагает принуждение, а принуждение вытекает из обязательности. Уже исходя из этого можно сделать вывод о видовой избыточности применения труда как средства уголовно-правового воздействия.

С учетом вышесказанного целесообразно предложить объединение обязательных, исправительных и принудительных работ в рамках одного наказания – исправительных работ (заметим, что в советский период принудительные работы были переименованы в исправительные без какого-либо ущерба для их содержания), имеющих три степени строгости: первая степень соответствует условиям исполнения обязательных работ; вторая степень отражает содержание исправительных работ в их современном виде; третья степень (самая строгая) выражается в применении наказания, соответствующего режиму принудительных работ согласно их нынешней правовой регламентации.

Такое решение имеет сразу несколько плюсов. Во-первых, можно уйти от не вполне удачного (двусмысленного с точки зрения международного и конституционного права) названия «принудительные работы». Во-вторых, принуждение к труду не отражает основную цель наказания. Принудительный труд не является самоцелью, а обеспечивает исправление в качестве важной цели наказания. В-третьих, за счет объединения наказаний, основанных на привлечении к труду, обеспечивается унификация уголовно-правового регулирования, а также уголовно-исполнительной практики. В-четвертых, это дает возможность дифференциации воздействия на осужденного в зависимости от его поведения, в частности посредством введения принципа взаимозаменяемости наказаний как в сторону увеличения строгости (в случаях уклоняющегося поведения или нарушения условий отбывания), так и в сторону ее уменьшения (в качестве поощрения за соблюдение требований режима и правопослушное поведения, а также для закрепления исправительного эффекта).

Как средство дифференциации воздействия на осужденных в случае уклонения от отбывания исправительных работ следует рассматривать замену наказания более строгим. Причем для исправительных работ первой и второй степеней ввиду небольшого различия в карательном потенциале следует применять замену наказанием третьей степени, но в разном соотношении сроков (для исправительных работ первой степени – один к трем, для второй – один к двум). И только при уклонении от исправительных работ третьей степени необходимо применять замену лишением свободы как наиболее адекватную по строгости.

Вообще трансформация системы наказаний, как представляется, может идти по пути обобщения наказаний по способу (характеру) карательного воздействия: имущественные (штраф, кон-

фискация), трудовые (исправительные работы), дисквалификационные (запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) и изолирующие (лишение свободы, смертная казнь).

5. Санкции. Вопрос о санкциях норм Особенной части УК РФ, как правило, не затрагивается в уголовно-правовых исследованиях. Между тем, как показывает системный анализ норм-запретов, при конструировании санкций отсутствует единая доктринально разработанная юридико-техническая методология. Это зачастую приводит к явному несоответствию санкций по качественным и количественным параметрам сравнительной тяжести преступлений. Так, совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также

угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, то есть террористический акт, наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет (ч. 1 ст. 205 УК РФ). В то же время всего лишь пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ).

Вывод

С учетом изложенного российское уголовное законодательство требует реформирования в целях придания ему концептуальной целостности и непротиворечивости, обеспечения требований системности, соответствия конституционным положениям и международным обязательствам Российской Федерации, повышения его эффективности, приведения в соответствие с социальными ожиданиями, а также современными и прогнозируемыми криминальными тенденциями и вызовами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автор рассказал о главной беде российского Уголовного кодекса // Московский комсомолец : официальный сайт. – URL: <https://www.mk.ru/social/2021/08/03/avtor-rasskazal-o-glavnoy-bede-rossiyskogo-ugolovnog-kodeksa.html> (дата обращения: 14.10.2021).
2. Дворянсков, И. В. Концептуальные проблемы целей наказания / И. В. Дворянсков // Пенитенциарная наука. – 2021. – Том 15, № 2 (54). – С. 247–259.
3. Номоконов, В. А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность / В. А. Номоконов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – 157 с. – ISBN 5-7444-0114-8.
4. Прохоров, В. С. Механизм уголовно-правового регулирования : Норма, правоотношение, ответственность / В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 203 с.
5. Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавров / И. В. Дворянсков, Е. А. Антонян, С. А. Боровиков [и др.] ; под редакцией доктора юридических наук, профессора И. В. Дворянскова. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 532 с. – ISBN 978-5-16-016856-2.
6. Abolitionism in History: On Another Way of Thinking / edited by Zbigniew Lasocik, Monika Płatek, Irena Rzeplińska. – Warszawa : Instytut Profilaktyki Społecznej i Resocjalizacji Uniwersytetu Warszawskiego, 1991. – 200 p. – ISBN 9788300032631.
7. Braithwaite, J. *Crime, Shame, and Reintegration* / John Braithwaite. – Cambridge : Cambridge University press, 1989. – 226 p. – ISBN 0-521-35668-7.
8. *Criminology as Peacemaking* / edited by Harold E. Pepinsky, Richard Quinney. – Bloomington : Indiana University Press, 1991. – 339 p. – ISBN 9780253343574.
9. Morris, R. *Crumbling Walls. Why Prisons Fall* / Ruth Morris. – New York ; London : Mosaic Press, 1989. – 166 p. – ISBN 9780889624108.

REFERENCES

1. The author told us about the main problem of the Russian Criminal Code. *Moskovskii komsomolets: ofitsial'nyi sait* [Moskovsky Komsomolets: official website]. Available at: <https://www.mk.ru/social/2021/08/03/avtor-rasskazal-o-glavnoy-bede-rossiyskogo-ugolovnog-kodeksa.html> (accessed October 14, 2021). (In Russ.).
2. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 370–380. (In Russ.).
3. Nomokonov V.A. *Prestupnoe povedenie: determinizm i otvetstvennost'* [Criminal behavior: determinism and responsibility]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1989. 157 p.
4. Prokhorov V.S., Kropachev N.M., Tarbagaev A.N. *Mekhanizm ugolovno-pravovogo regulirovaniya: Norma, pravootnoshenie, otvetstvennost'* [Mechanism of criminal law regulation: norm, legal relationship, responsibility]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarsk. un-ta, 1989. 203 p.
5. Dvoryanskov I.V., Antonyan E.A., Borovikov S.A., et al. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik dlya bakalavrov* [Criminal law. General part: textbook for bachelors]. Ed. by I.V. Dvoryanskov. Moscow: INFRA-M, 2021. 532 p.
6. Lasocik Z., Płatek M., Rzeplińska I. (Eds.) *Abolitionism in History. On another way on thinking*. Warsaw, 1991. 200 p.
7. Braithwaite J. *Crime, Shame, and Reintegration*. CambridgeUniversityPress, 1989. 226 p.
8. Pepinsky H., Quinney R. (Eds) *Criminology as Peacemaking*. Bloomington: Indiana University Press, 1991. 339 p.
9. Morris R. *Crumbling Walls. Why Prisons Fall*. New-York: Mosaic Press, 1989. 166 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts at Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Статья поступила 24.11.2021

Научная статья

УДК 343.97

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.005

Современное состояние преступности несовершеннолетних

РОМАН ВИКТОРОВИЧ КОЛЕСНИКОВВоронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, rkolesnikow@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0246-5536>

Реферат

Введение: Преступность несовершеннолетних во все времена являлась одним из наиболее важных факторов, оцениваемых при анализе эффективности борьбы с преступностью. В настоящее время виды преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также способы их совершения претерпели значительные изменения. Это связано с ухудшением характера преступности несовершеннолетних, которая стала отличаться особой жестокостью, корыстной направленностью и организованностью. В статье рассматривается современное состояние преступности несовершеннолетних. Определено понятие «несовершеннолетний», содержащееся в российском уголовном законодательстве и официальных нормативных правовых актах. Приводится термин «преступность несовершеннолетних», раскрываемый учеными-теоретиками и практическими работниками в области криминологии. Анализируются количественные (уровень, динамика) и качественные (структура, характер) показатели преступности несовершеннолетних на основе официальных статистических данных ГИАЦ МВД России за 2016–2020 гг. с учетом относительно высокого уровня латентности преступлений, совершаемых в несовершеннолетнем возрасте. Несмотря на серьезные эпидемиологические вызовы 2020 г. и связанные с ними социально-экономические сложности, считается, что криминогенную ситуацию в стране удалось стабилизировать. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, последние 5 лет показатели подростковой групповой преступности последовательно снижались (с 2016 г. она сократилась более чем на 30 %). Статистика Федеральной службы исполнения наказаний за более чем 10 лет свидетельствует о последовательном снижении численности несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Так, среднесписочная численность осужденных воспитательных колоний составляла: 2016 г. – 1764, 2017 г. – 1678, 2018 г. – 1443, 2019 г. – 1354, 2020 г. – 1251. При этом достаточно постоянным остается количество осужденных, ранее уже отбывавших наказание в воспитательных колониях (рецидивистов), – 27–19 чел. Заметим, однако, что такие оптимистичные данные объясняются, в частности, стремлением государства снизить количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы, и по этой причине не могут являться доказательством абсолютного благополучия в сфере преступности несовершеннолетних. **Цель:** изучение современного состояния и криминологических особенностей преступности несовершеннолетних для дальнейшей разработки предложений по совершенствованию мер профилактики, осуществляемых правоохранительными органами, государственными и общественными структурами. **Методы:** в первую очередь использовался всеобщий диалектический метод познания, кроме того, методологическую основу исследования составили общенаучные методы, такие как обобщение, анализ, синтез, дедукция и индукция, классификация, типизация, системно-структурный метод, метод сравнения, и частнонаучные методы: анализ нормативных документов и статистический метод. **Результаты:** преступность несовершеннолетних – это одна из составных частей преступности в целом, и в то же время она выделяется в составе женской, неосторожной, умышленной, пенитенциарной, корыстной, насильственной и других видов преступности. За период 2016–2020 гг. общее количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, сократилось на 31,6 %, а число выявленных несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния, снизилось на 44,7 %. В структуре преступности несовершеннолетних значительную часть занимают корыстные и корыстно-насильственные преступления, большинство из которых составляют преступления против собственности (60,8 %). **Выводы:** по итогам анализа современного состояния преступности несовершеннолетних выявлены характерные черты, детерминирующие противоправное поведение подростков, которые в итоге способствуют появлению и развитию у несовершеннолетнего чувства безнаказанности и ведут в конечном итоге к повторному совершению преступлений.

Ключевые слова: преступность; несовершеннолетний; подросток; преступление; состояние; уровень; динамика; удельный вес.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Колесников Р. В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 47–56. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.005.

Original article

Current State of Juvenile Delinquency

ROMAN V. KOLESNIKOV

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, rkolesnikow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0246-5536>

Abstract

Introduction: juvenile delinquency has always been one of the most important evaluated factors when analyzing effectiveness of the fight against crime. Currently, the types of crimes committed by minors, as well as methods of their commission, have undergone significant changes. This is due to deterioration of the nature of juvenile delinquency, which is now characterized by special cruelty, mercenary orientation and well-managed organization. The article examines the current state of juvenile delinquency. The concept of “minor” contained in the Russian criminal legislation and official regulatory legal acts is defined. The term “juvenile delinquency”, disclosed by theoretical scientists and practitioners in the field of criminology, is given. Quantitative (level, dynamics) and qualitative (structure, nature) indicators of juvenile delinquency are analyzed on the basis of official statistical data of the Main Informational and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2016–2020, with regard to a relatively high level of crime latency. Despite serious epidemiological challenges of 2020 and socio-economic difficulties associated with them, it is believed that the criminogenic situation in the country has been stabilized. According to the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation, the indicators of juvenile group crime have been consistently decreasing over the past 5 years (since 2016 it has decreased by more than 30%). Statistics of the Federal Penitentiary Service for more than 10 years indicate a consistent decline in the number of minors serving sentences in juvenile correctional facilities. Thus, the average number of convicted persons in these institutions amounted to 1,764 in 2016, 1,678 in 2017, 1,443 in 2018, 1,354 in 2019, and 1,251 in 2020. At the same time, the number of repeat offenders remained fairly constant: 27–19 people. It is noteworthy, however, that such optimistic data are connected, in particular, with the state’s desire to reduce a number of persons held in places of deprivation of liberty, and for this reason cannot be proof of absolute well-being in the field of juvenile delinquency. *Purpose:* to study the current state and criminological features of juvenile delinquency for further development of proposals to improve prevention measures implemented by law enforcement agencies, state and public structures. *Methods:* the universal dialectical method of cognition is used; in addition, the methodological basis of the research is made up of general scientific methods, such as generalization, analysis, synthesis, deduction and induction, classification, typing, system-structural method, comparison method, and private scientific methods, such as analysis of normative documents and statistical method. *Results:* juvenile delinquency is one of the components of crime in general, and at the same time it stands out as part of female, careless, intentional, penitentiary, mercenary and violent and other types of crime. In 2016–2020, the total number of crimes committed by minors decreased by 31.6%, and the number of identified minors who committed illegal acts went down by 44.7%. In the structure of juvenile delinquency, a significant part is occupied by mercenary and mercenary-violent crimes, most of which are crimes against property (60.8%). *Conclusions:* having analyzed the current state of juvenile delinquency, the author identifies characteristic features that determine illegal behavior of adolescents, which ultimately contribute to emergence and development of a sense of impunity in a minor and ultimately lead to repeated offenses.

Keywords: crime; minor; adolescent; crime; state; level; dynamics; share.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Kolesnikov R. V. Current state of juvenile delinquency. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 47–56. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.005.

Введение

Преступность несовершеннолетних является одной из составных частей преступности в целом, обладая общими свойствами преступности, а также своими специфическими чертами, обусловленными особым субъектом преступления, – несовершеннолетним лицом. Кроме того, она выделяется в составе других видов преступности, в частности женской, не-

осторожной, умышленной, пенитенциарной, корыстной и насильственной.

Рассматривая преступность несовершеннолетних в прогностическом и исследовательском ключе, необходимо обозначить также и гуманитарный аспект. Лица, не достигшие совершеннолетия, являются одной из наименее защищенных социальных групп, и именно поэтому наибольшее значение для данной

категории лиц имеет профилактика преступности. В данном случае имеется в виду защита детей и молодежи от негативного криминального воздействия. К сожалению, в настоящее время уровень криминального поражения указанной части населения остается достаточно высоким.

Одной из главных болезней общества во всем мире является постоянное омоложение субъекта преступности. Еще несколько десятилетий назад информация об убийствах и других общественно опасных деяниях, совершенных детьми и молодежью, казалась невероятной, такое было просто невозможно.

Преступность несовершеннолетних подчиняется общим законам существования преступности. Выделение ее в качестве самостоятельного вида основано на возрастных нравственно-психологических и интеллектуальных особенностях несовершеннолетних. В этот период активно развивается интеллектуальная сфера, накапливается опыт, в том числе отрицательный (криминальный). Необходимо сказать, что не у всех детей в нашем обществе процесс социализации протекает правильно. Немалая их часть растет в неблагополучных семьях, попадает в плохие компании, не получает необходимых социальных и правовых знаний. А некоторые несовершеннолетние непосредственно соприкасаются с прямыми криминальными и криминогенными факторами.

К настоящему времени виды преступлений несовершеннолетних, а также способы их совершения претерпели значительные изменения: подростковая преступность стала отличаться особой жестокостью, организованностью, корыстной направленностью, изощренностью способов сокрытия следов преступлений. Кроме этого, психология подростков в последнее время подвергается негативным изменениям, вследствие чего получить информацию правоохранительным структурам становится намного труднее.

Важно отметить, что в Российской Федерации уже проводятся многочисленные мероприятия, ориентированные на выполнение широкого круга задач в области преступности несовершеннолетних, – от нейтрализации криминогенности в сфере жизнедеятельности подростков до повышения эффективности деятельности системы профилактики преступлений, совершаемых данной категорией лиц. Например, в России с 2017 г. объявлено Десятилетие детства, в 2014 г. утверждены Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., а в 2015 г. – Концепция информационной безопасности детей, действует Федеральный закон от 24.07.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон № 120). Данные документы свидетельствуют о том, что в нашей стране формируется и реализуется государственная политика, направленная на обеспечение будущего России. Однако в условиях протекания глобализационных процессов перед обществом и государством встают новые проблемы, которые требуют принципиальных решений. Недостаточно изучены современная криминология, а потому не учтены при

разработке практических мер информационные причины преступности несовершеннолетних, которые в современных реалиях представляют собой один из ведущих факторов, продуцирующих подростковую преступность. Все это свидетельствует о необходимости более детального рассмотрения преступности несовершеннолетних, а также важности разработки практических мер с учетом полученных теоретических данных.

Проблема преступности несовершеннолетних еще в XIX в. волновала видных отечественных ученых, таких как Л. М. Василевский, А. И. Зак, Е. Н. Тарновский, Н. Н. Маковский, С. А. Соколинская.

Немало трудов известных криминологов советского и постсоветского периодов: З. А. Астемирова, М. М. Бабаева, Л. И. Беляевой, Н. И. Ветрова, А. Б. Сахарова, В. Д. Ермакова и других – посвящено вопросам преступности несовершеннолетних.

Эта тема до сих пор находит отражение в отечественной научной литературе. Здесь следует упомянуть работы таких исследователей, как А. В. Аносов, Ю. М. Антонян, Е. А. Арманов, И. Н. Артеменко, Е. В. Батыщева, А. И. Бельский, Е. В. Бочкарева, А. П. Варыгин, Е. В. Демидова-Петрова, Т. М. Зайко, А. Н. Ильяшенко, Г. С. Каршиев, Е. В. Кошелева, У. Е. Клинова, Я. И. Куринова, В. А. Лелеков, Э. Д. Найманова, Н. Г. Осадчая, Л. С. Радькова, А. И. Титова, Т. С. Фетисова, М. В. Шайкова, О. В. Шляпникова, Л. М. Щербакова.

Данный интерес связан с тем, что несовершеннолетние преступники впоследствии тяжело поддаются исправлению и легко становятся резервом для совершения преступлений в уже зрелом возрасте. А значит, справедливым будет суждение о том, что современное состояние подростковой преступности отражает уровень преступности завтрашнего дня, создает угрозу для будущего поколения и государства в целом.

Методы исследования

В научной работе использовался в первую очередь всеобщий диалектический метод познания преступности несовершеннолетних. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: обобщение, анализ, синтез, дедукция и индукция, классификация, типизация. Кроме того, применялись системно-структурный метод (преступность несовершеннолетних рассматривается не как простая совокупность преступлений, а как определенное сложноорганизованное системное образование, которое имеет четкую структуру и обусловлено рядом факторов), метод сравнения (использовался при сопоставлении общего уровня преступности в Российской Федерации и преступности несовершеннолетних в настоящий момент и прошлые годы) и частнонаучные методы: анализ нормативных документов (заключался в рассмотрении современного законодательства Российской Федерации), статистический метод (использовался при изучении уровня преступности несовершеннолетних в Российской Федерации).

Обсуждение

Преступность несовершеннолетних – это сложная система, состоящая из множества элементов,

которая обладает присущими ей характеристиками (количественными и качественными) и проявляется в совокупности уголовно наказуемых деяний, совершенных лицами в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет.

На основе анализа теоретических и научных источников можно сформулировать следующее определение преступности несовершеннолетних: это исторически изменчивое, относительно массовое социальное и правовое явление, представляющее собой целостную системную совокупность негативных, общественно опасных, уголовно наказуемых деяний несовершеннолетних лиц, их совершивших, на определенной территории (населенный пункт, регион, государство в целом) за конкретный временной период с качественно-количественными характеристиками (показателями). Данное положение находит свое отражение и в криминологической литературе [5, с. 114; 7, с. 41].

Преступность несовершеннолетних отличается высокой степенью общественной опасности, что следует из ее способности выступать серьезной кадровой базой для пополнения организованной и профессиональной преступности. По некоторым экспертным оценкам, свыше 80 % взрослых профессиональных преступников (квартирных воров, карманников, мошенников и т. п.) свое первое преступное деяние совершили еще в подростковом возрасте [2; 6; 8; 9, с. 242–248].

Вышеизложенные обстоятельства обуславливают необходимость уяснения понятия «несовершеннолетний» для того, чтобы было возможно провести полноценный анализ современного состояния соответствующей преступности.

Прежде всего, обратимся к уголовно-правовому определению понятия «несовершеннолетний». В ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации понятие «несовершеннолетний» трактуется как «лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». В Законе № 120 несовершеннолетний определяется как лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста. Данные дефиниции, на наш взгляд, вполне применимы и в контексте предупреждения преступности несовершеннолетних.

Вследствие особого правового положения несовершеннолетних к преступникам данной категории следует применять особый подход при формировании комплекса мер по предупреждению преступлений с их участием. Здесь важно учитывать, что эффективная организация конкретной и целенаправленной профилактической работы возможна на основе четких представлений о состоянии преступности несовершеннолетних, ее уровне, динамике, структуре и характере.

Современное состояние преступности несовершеннолетних в России демонстрирует тенденцию к снижению количественных показателей, однако это не означает, что ее уровень адекватен запросам общества: существует потребность в дальнейшем противодействии ей, особенно в части уменьшения степени общественной опасности.

В России за период с 2016 по 2020 г. количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, изменилось следующим образом: 2016 г. – 53 736 преступлений, 2017 г. – 45 288, 2018 г. – 43 553, 2019 г. – 41 548, 2020 г. – 39 421 (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика преступлений, совершенных несовершеннолетними, за 2016–2020 гг. по России [14]

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темпы снижения, роста, %
Всего преступлений	216 003	205 846	199 152	202 437	204 421	5,62
Преступлений несовершеннолетних	53 736	45 288	43 553	41 548	39 421	36,3
Удельный вес преступности несовершеннолетних в общем объеме преступности, %	2,5	2,2	2,2	2,1	1,9	31,6

В 2020 г. было зарегистрировано 39 421 преступление, совершенное несовершеннолетними или при их соучастии, что на 4,8 %, или 2127 преступлений, меньше, чем в предшествующем году (2019 г. – 41 548 преступлений). В целом за исследуемый период количество преступлений несовершеннолетних сократилось на 36,3 % (в абсолютных показателях – на 14 315 преступлений). Таким образом, можно сделать вывод о том, что динамика преступлений несовершеннолетних за 2016–2020 гг. показывает устойчивую тенденцию к снижению.

Одновременно сокращается удельный вес преступности несовершеннолетних в общем объеме преступности (на 31,6 %). В среднем за 2016–2020 гг. он составил 2,2 %.

О состоянии преступности несовершеннолетних в стране можно судить, учитывая количество несовершеннолетних, совершивших преступления. За исследуемый период количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, сократилось: в 2016 г. – 48 589, в 2017 г. – 42 504, в 2018 г. – 40 860, в 2019 г. – 37 953, в 2020 г. – 33 575 (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, за 2016–2020 гг. по России [14]

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темпы снижения, роста, %
Всего выявлено преступников	1 015 875	967 103	931 107	884 661	852 506	19,1
Из них несовершеннолетних	48 589	42 504	40 860	37 953	33 575	44,7
Удельный вес, %	4,8	4,4	4,4	4,3	3,9	23

За исследуемый период количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступление, сократилось на 44,7 %, тогда как общая численность выявленных преступников – на 19,1 %.

Удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных преступников за исследуемый период составлял в среднем 4,5 %. При этом на протяжении всего этого времени он снижался и лишь в 2018 г. остался прежним.

Наблюдаемая динамика сокращения числа несовершеннолетних, совершивших преступление, коррелирует с динамикой всей преступности, однако, как отмечают Ю. М. Антонян и М. В. Гончарова, число несовершеннолетних снижается более интенсивно в сравнении с взрослыми преступниками [1, с. 91–92].

Анализируя количественные показатели преступности несовершеннолетних, нельзя не учитывать, что приведенные данные являются следствием достаточно высокого уровня латентности преступлений несовершеннолетних. Речь идет о том, что большое число таких преступлений оказываются сокрытыми от учета и регистрации. По экспертным оценкам, уровень преступности несовершеннолетних в 3–4 раза выше, чем это отражается в официальной статистике. При этом отмечается наибольшая латентность грабежей, краж и хулиганства.

На формирование подобной картины оказывает влияние практика образовательных организаций по сокрытию фактов противоправного поведения учащихся, способствующая появлению и развитию у несовершеннолетних чувства безнаказанности, что в конечном итоге порождает повторные правонарушения и преступления.

Администрация школ и других образовательных организаций в случаях выявления фактов умышленного повреждения учащимися чужого имущества, мелких хищений, побоев прибегает, как правило, к применению собственных воспитательных мер, то есть в отношении таких несовершеннолетних не реализуются комплексные профилактические меры, что негативно сказывается на общем состоянии борьбы с подростковой преступностью.

На современное состояние преступности несовершеннолетних, сокращение ее количественных показателей оказывает влияние перемещение пре-

ступности в виртуальное пространство, вследствие чего растет число киберпреступлений, отличающихся высокой латентностью [10, с. 3–24]. Как справедливо отмечает Е. В. Демидова-Петрова, глобальная информационная среда сегодня служит центром общения широкого круга пользователей Интернета, между которыми выстраиваются виртуальные социальные связи, в том числе в криминальной сфере [3, с. 328].

В силу свойственной несовершеннолетним ограниченности сферы преступных посягательств таковые имеют преимущественно корыстную направленность. Соответственно, в структуре рассматриваемого вида преступности преобладает корыстная и корыстно-насильственная преступность. При этом преступления против собственности составляют 60,8 %, из которых 71 % – кражи (ст. 158 УК РФ), а среди всех несовершеннолетних преступников лица, совершившие преступления против собственности, образуют 82,3 %.

Самыми распространенными предметами тайных хищений, на которые посягают несовершеннолетние лица, являются мобильные телефоны. В данном случае можно привести следующий пример из следственно-судебной практики: несовершеннолетний С., находясь в спортивном зале клуба «Золотой дракон» на тренировке, похитил из кармана куртки, находившейся в раздевалке, мобильный телефон марки «Xiaomi 5-s» стоимостью 13 тыс. руб., принадлежащий несовершеннолетнему потерпевшему А. [12].

В зарубежных странах ситуация с направленностью преступности несовершеннолетних аналогична. Например, в европейских странах и США преступления несовершеннолетних против собственности составляют до 80 % всей подростковой преступности [4, с. 48; 15, с. 488–493].

Интересно заметить, что в России удельный вес несовершеннолетних, совершивших грабеж, разбой, кражу и изнасилование, в 1,5–2 раза выше среднего показателя по всем остальным составам преступлений. В то же время растет число совершаемых несовершеннолетними преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, преимущественно преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ [13, с. 228].

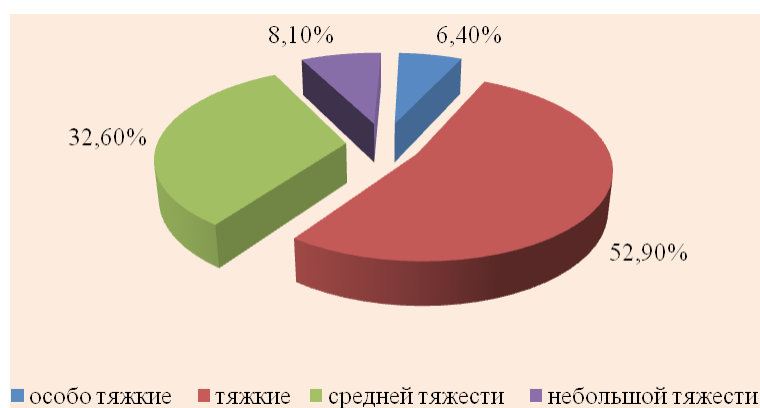

Рис. 1. Структура преступлений несовершеннолетних по тяжести в 2020 г. (по официальным данным ГИАЦ МВД России)

Характеризуя содержание направленности совершаемых несовершеннолетними преступлений, важно проанализировать структуру данного вида преступ-

ности, исходя из категории тяжести преступлений (см. табл. 3).

Таблица 3
Динамика тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, в 2016–2020 гг. [14]

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темпы снижения, роста, %
Всего преступлений несовершеннолетних	53 736	45 288	43 553	41 548	40 367	33
Из них тяжких и особо тяжких	11 537	10 238	9716	10 113	9651	19,5
Удельный вес, %	21,5	22,6	22,3	24,3	23,9	-10,04

В 2020 г. несовершеннолетними совершено 9651 тяжкое и особо тяжкое преступление, что на 19,5 % меньше, чем в 2016 г. При этом данные преступления отягчаются возрастом дерзости и циничности. Что касается удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в общем объеме подростковой преступности, то они занимают в среднем 23,1 %. При этом за исследуемый период данный критерий показал тенденцию к росту на 2,43 %: если в 2016 г. он составлял 21,5 %, то в 2019 г. – уже 23,9 %.

Процентное соотношение преступлений несовершеннолетних по степени тяжести представлено на рис. 1.

Территориальное распределение преступности несовершеннолетних в 2020 г. по регионам с наибольшим удельным весом несовершеннолетних, совершивших преступления (от общего числа выявленных лиц), представлено на рис. 2.

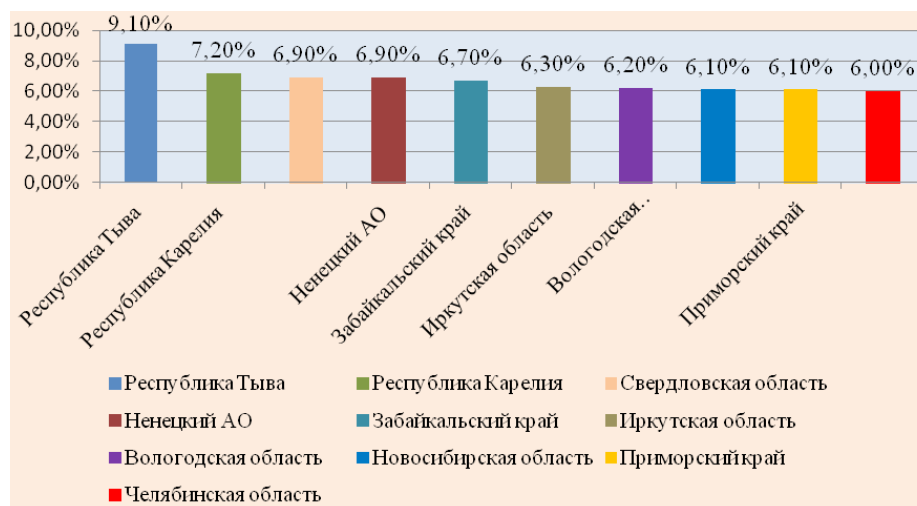

Рис. 2. Удельный вес несовершеннолетних от общего числа выявленных лиц по регионам Российской Федерации в 2020 г. (по официальным данным ГИАЦ МВД России)

Наибольший удельный вес зафиксирован в республиках Тыве (9,1 %) и Карелии (7,2 %).

Специфической чертой преступности несовершеннолетних является, как правило, ее групповой характер. Значительное число преступлений подростки совершают в соучастии со взрослыми (в большинстве случаев в

форме соисполнительства). Такие группы состоят обычно из 2–3 человек и по продолжительности деятельности являются неустойчивыми (до 3 месяцев).

Динамика совершения несовершеннолетними преступлений в группе за период с 2016 по 2020 г. представлена в табл. 4.

Таблица 4

Динамика количества несовершеннолетних, совершивших преступление в группе, за период с 2016 по 2020 г. [14]

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темпы снижения, роста, %
Всего выявлено несовершеннолетних	48 589	42 504	40 860	37 953	36 811	31,99
Совершившие преступление в группе	21 463	19 889	19 508	17 882	16 694	28,6
Удельный вес в группе, %	44,2	46,8	47,7	47,1	45,4	-2,7
Совершившие преступление в составе ОПГ, ПС	62	75	88	96	99	-37,4
Удельный вес в составе ОПГ, ПС, %	0,1	0,2	0,2	0,3	0,27	-62,9

Как видно из табл. 4, за исследуемый период число несовершеннолетних, совершивших преступление в составе группы, сократилось на 28,6 %, а в составе организованной преступной группы и преступного сообщества возросло на 37,4 %.

Общее количество несовершеннолетних, которые совершили преступления в составе группы, в 2016–2020 гг. в среднем составило 45,7 % от общего числа несовершеннолетних преступников за исследуемый период. Необходимо отметить, что это достаточно высокий показатель, который указывает на несвоевременность повышенного внимания к подросткам со стороны правоохранительных структур, а следовательно, и слабую профилактическую работу с этой категорией правонарушителей.

Удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступление в составе организованных преступных групп и преступных сообществ, составил в среднем 0,2 %.

В 2020 г. в составе группы совершили преступления 16 694 несовершеннолетних (28,6 %), из которых в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) – 99 несовершеннолетних (37,4 %).

О преимущественно групповом характере преступлений, совершаемых несовершеннолетними, можно судить также и по результатам анализа следственно-судебной практики. Так, например, несовершеннолетние Р. и М. по предварительному сговору с целью хищения чужого имущества незаконно проникли через открытый оконный проем в автомастерскую, откуда похитили сварочный аппарат и две фары от автомобиля [11].

В последние годы несовершеннолетние все чаще исполняют роли организаторов и подстрекателей. Их группы характеризуются сплоченностью, четкостью иерархии, а также планированием преступных действий с распределением ролей между участниками.

Групповой характер преступности несовершеннолетних имеет под собой объективную основу: это связано с действием биологических и социальных факторов подростковой сплоченности, стремлением обеспечить себе защиту от насилия со стороны других сверстников или старших по возрасту подростков.

Еще одной особенностью преступности несовершеннолетних является ее низкий рецидив. Анализ динамики повторной преступности несовершеннолетних представлен в табл. 5.

Таблица 5

Показатели повторной преступности несовершеннолетних по России за 2016–2020 гг. [14]

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темпы снижения, роста, %
Количество несовершеннолетних преступников	48 589	42 504	40 860	37 953	36 742	32,3
Ранее совершавших преступления	12 778	11 022	10 035	9357	8683	47,16
Удельный вес, %	26,3	25,9	24,6	24,7	23,6	11,5
Из них ранее судимых за преступления	4389	4245	3811	3520	3415	28,5
Удельный вес, %	9,0	10,0	9,3	9,3	9,3	-3,22

В исследуемом периоде удельный вес несовершеннолетних, ранее совершавших преступления, в общем числе несовершеннолетних преступников в среднем составил 25,1 %, а ранее судимых лиц – 9,4 %.

В 2020 г. было выявлено 8683 несовершеннолетних, ранее совершавших преступления, что на 47,16 % меньше, чем в 2016 г. Из них 3415 несовершеннолетних были ранее судимы за совершение преступлений (9,3 %), что на 28,5 % меньше, чем в 2016 г.

Рецидив преступности несовершеннолетних является более низким (приблизительно в два раза) в сравнении с рецидивом взрослой преступности. Это связано с тем, что несовершеннолетние по многим преступлениям не подлежат уголовной ответственности в силу своего возраста. Возвратившись из воспитательных колоний или будучи осужденными к условной мере наказания, они обычно совершают следующее преступление уже после достижения совершеннолетия. Соответственно, этот рецидив учитывается во взрослой преступности.

Результаты

Таким образом, по результатам анализа преступности несовершеннолетних можно сделать следующие выводы:

1. Преступность несовершеннолетних представляет собой сложную систему, состоящую из множе-

ства элементов, которая обладает присущими ей характеристиками (количественными и качественными) и проявляется в совокупности уголовно наказуемых деяний, совершенных лицами в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Это одна из составных частей преступности в целом, и в то же время она выделяется в составе женской, неосторожной, умышленной, пенитенциарной, корыстной и насильственной и других видов преступности.

2. Преступность несовершеннолетних существует во всех субъектах России, но в отдельных регионах среднероссийские показатели значительно превышены. Наибольший уровень подростковой преступности отмечается в республиках Тыве и Карелии, Новгородской области и Забайкальском крае.

3. Преступность несовершеннолетних составляет кадровый потенциал для пополнения взрослой преступности, особенно преступности организованной и профессиональной, обладающей повышенной общественной опасностью. По оценкам специалистов, 80 % квартирных воров, карманников и мошенников совершили свое первое преступление в подростковом возрасте.

4. Современное состояние преступности несовершеннолетних в Российской Федерации, что подтверждают официальные статистические данные,

демонстрирует тенденцию к снижению основных количественных показателей: в целом по России за последние пять лет наблюдается уменьшение числа преступлений несовершеннолетних на 36,3 %, в абсолютных показателях – на 14 315 преступлений, одновременно удельный вес преступности несовершеннолетних в общем объеме преступности сократился на 31,6 %. Количество выявленных лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших противоправные деяния, снизилось на 44,7 %, тогда как общий уровень численности выявленных взрослых преступников сократился лишь на 19,1 %. Если данный процесс рассматривать в прогностическом ключе, то, естественно, снижение основных показателей преступности несовершеннолетних будет продолжаться и дальше. Но необходимо отметить, что в настоящих реалиях уровень преступности несовершеннолетних все еще не отвечает запросам современного общества, что вызывает потребность в дальнейшем снижении количества преступлений и степени их общественной опасности посредством формулирования конкретных предложений по реализации общесоциальных и специально-криминологических мер профилактики преступности несовершеннолетних.

5. При анализе количественных показателей преступности несовершеннолетних необходимо учитывать степень ее латентности. По оценкам специалистов, уровень преступности несовершеннолетних в 3–4 раза выше, чем это отражается в официальных статистических источниках (высоколатентными по-прежнему остаются кражи, грабежи и хулиганства, особенно совершенные на территории школ и иных образовательных организаций среднего и специального образования).

6. На сокращение количественных показателей преступности несовершеннолетних весьма существенное влияние оказывает виртуальное пространство. С развитием IT-технологий преступность несовершеннолетних активно перемещается в интернет-пространство, где создается плодородная почва для совершения киберпреступлений, которые также отличаются высокой степенью латентности.

7. В структуре преступности несовершеннолетних значительную часть занимают корыстные и корыстно-насильственные преступления. При этом преступления против собственности составляют 60,8 %, а среди всех несовершеннолетних преступников лица, совершившие преступления против собственности, образуют 82,3 %.

8. В 2020 г. несовершеннолетними совершено 9651 тяжкое и особо тяжкое преступление, что на 19,5 % меньше, чем в 2016 г. Преступность несовершеннолетних носит преимущественно групповой характер (за последние пять лет – в среднем 47,16 %) и имеет более низкий преступный рецидив, чем среди взрослых (в 2020 г. – 9,3 %).

9. При формировании комплекса мер по профилактике преступлений, совершаемых особой катего-

рией – несовершеннолетними, необходимо применять особый комплексный подход, важно учитывать, что организация эффективной и целенаправленной профилактической работы возможна только лишь на основе репрезентативного анализа состояния преступности несовершеннолетних: ее уровня, динамики, структуры и характера.

10. В качестве предложений по реализации мер профилактики преступности несовершеннолетних можно рассматривать следующие:

1) в комплекс мер общесоциальной профилактики преступности несовершеннолетних необходимо включить:

- социальный патронат и образование разнообразных специализированных фондов, деятельность которых направлена на решение конкретных социально-экономических проблем семей и несовершеннолетних;

- принятие федеральной государственной программы формирования правовой культуры семейных отношений на основе Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. и легализация системы принудительного лечения от наркомании и алкоголизма лиц, проявляющих агрессивность, которые воспитывают несовершеннолетних детей;

- проведение для родителей тематических мероприятий, посвященных духовно-нравственному воспитанию несовершеннолетних; широкое внедрение и развитие сети кризисных и психологических центров, «горячих линий» и консультационных центров по вопросам взаимоотношений в семье, в том числе между родителями и детьми;

2) в комплексе мер специально-криминологической профилактики преступности несовершеннолетних необходимо продолжить:

- выявление и изучение социально неблагополучных семей;

- практику проведения оперативно-профилактических мероприятий;

- предоставление консультаций педагогам школ по проблемам учета индивидуально-психологических особенностей личности несовершеннолетнего в образовательном процессе;

- формирование эффективных механизмов обеспечения безопасности детей в сети Интернет;

3) в комплексе мер по индивидуальной профилактике, реализуемой в деятельности ОВД, необходимо:

- проводить на постоянной основе беседы с несовершеннолетними с целью вовлечения их в деятельность секций, клубов, детских и молодежных общественных объединений;

- проводить встречи с педагогами образовательных организаций;

- посещать несовершеннолетних по месту жительства;

- привлекать самих несовершеннолетних к профилактике в качестве общественных воспитателей;

- продолжить практику объявления официальных предостережений взрослым, которые негативно влияют на несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю. М. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России / Ю. М. Антонян, М. В. Гончарова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 2. – С. 91–103.
2. Артемьев, Н. С. Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника / Артемьев Николай Семенович, Забелич Антон Александрович // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2017. – № 1. – С. 32–37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-professionalnoy-prestupnosti-i-lichnosti-professionalnogo-prestupnika> (дата обращения: 02.11.2021).
3. Демидова-Петрова, Е. В. Особенности познания современной преступности несовершеннолетних / Е. В. Демидова-Петрова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Том 10, № 3. – С. 328–339.
4. Колесников, Р. В. Зарубежный опыт профилактики преступности несовершеннолетних / Р. В. Колесников // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2020. – № 4. – С. 143–150.
5. Криминология : учебное пособие / под редакцией В. Д. Малкова, В. А. Лелекова, С. Т. Гаврилова, А. Н. Ильяшенко, А. В. Долгова. – Воронеж : ВИ МВД России, 2005. – 251 с.
6. Лелеков, В. А. Причины и условия пенитенциарного рецидива / В. А. Лелеков, Е. В. Кошелева // Территория науки. – 2014. – № 1. – С. 182–190. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-usloviya-penitentsiarnogo-retsitiva-nesovershennoletnih> (дата обращения: 02.11.2021).
7. Лелеков, В. А. Ювенальная криминология : учебник / В. А. Лелеков, Е. В. Кошелева. – Москва : Юнити-Дана : Закон и право, 2014. – 311 с. – ISBN 978-5-238-02519-3.
8. Орсаева, Р. А. Особенности преступности несовершеннолетних / Орсаева Раиса Ануаровна // Вестник Науки и Творчества. – 2016. – № 8 (8). – С. 164–173. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prestupnosti-nesovershennoletnih> (дата обращения: 02.11.2021).
9. Плеша, Л. Ю. К вопросу о преступности несовершеннолетних / Л. Ю. Плеша // Молодой ученый. – 2021. – № 6 (348). – С. 242–248.
10. Преступления в интернет-среде с участием несовершеннолетних и их медико-психологическая профилактика : аналитический обзор / [Е. В. Макушкин и др.]. – Москва : ФБГУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2021. – 56 с.
11. Приговор Дербентского районного суда Республики Дагестан от 01.12.2017 по делу 1-144/2017 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : официальный сайт базы судебных актов, судебных решений и нормативных документов. – URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-derbentskii-raionnyi-sud-respublika-dagestan/> (дата обращения: 02.11.2021).
12. Приговор Кировского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 11.07.2018 по делу № 1-231/2018 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : официальный сайт базы судебных актов, судебных решений и нормативных документов. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7l47xPrzBoLa/> (дата обращения: 02.11.2021).
13. Радькова, Л. С. Участие несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / Л. С. Радькова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 228–239.
14. Состояние преступности в России за 2016–2020 годы // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 02.11.2021).
15. Adler, F. Criminology and Criminal Justice System // Freda Adler, Gerhard O. W. Mueller, William S. Laufer. – New York : McGraw-Hill Higher Education, 2001. – 683 p. – ISBN 0-07-232149-0.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M., Goncharova M.V. Present state and causes of juvenile delinquency in Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya=Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 91–103. (In Russ.)
2. Artem'ev N.S., Zabelich A.A. Characteristics of professional crime and the personality of a professional criminal. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami=Topical Issues of Combating Crimes*, 2017, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-professionalnoy-prestupnosti-i-lichnosti-professionalnogo-prestupnika> (In Russ.) (Accessed November 2, 2021).
3. Demidova-Petrova E.V. Features of perception of modern juvenile crime. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 328–339. (In Russ.)
4. Kolesnikov R. V. Foreign experience in prevention of crime of minors. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii=Proceedings of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*, 2020, no. 4, pp. 143–150. (In Russ.)
5. *Kriminologiya: uchebnoe posobie* [Criminology: textbook]. Ed. by V.D. Malkov, V.A. Lelekov, S.T. Gavrilov, A.N. Il'yashenko, A.V. Dolgov. Voronezh: VI MVD Rossii, 2005. 251 p.
6. Lelekov V.A., Kosheleva E.V. Causes and conditions of penitentiary recidivism. *Territoriya nauki=Territory of Science*, 2014, no. 1, pp. 182–190. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-usloviya-penitentsiarnogo-retsitiva-nesovershennoletnih> (In Russ.) (Accessed November 2, 2021).
7. Lelekov V.A., Kosheleva E.V. *Yuvenal'naya kriminologiya: uchebnik* [Juvenile criminology: textbook]. Moscow: Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2014. 311 p.
8. Orsaeva R. A. Features of juvenile delinquency. *Vestnik Nauki i Tvorchestva=Bulletin of Science and Creativity*, 2016, no. 8 (8), pp. 164–173. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prestupnosti-nesovershennoletnih> (In Russ.) (Accessed November 2, 2021).
9. Plesha L.Yu. On the issue of juvenile delinquency. *Molodoi uchenyi=Young Scientist*, 2021, no. 6 (348), pp. 242–248. (In Russ.)
10. Makushkin E.V. et al. *Prestupleniya v internet-srede s uchastiem nesovershennoletnikh i ikh mediko-psikhologicheskaya profilaktika: analiticheskiy obzor* [Crimes in the Internet environment involving minors and their medical and psychological prevention: analytical review]. Moscow: NMITS PN im. V. P. Serbского Minzdrava Rossii, 2021. 56 p.

11. Verdict of the Derbent District Court of the Republic of Dagestan of December 1, 2017 in Case No. 1-144/2017. *Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt): ofitsial'nyi sait bazy sudebnykh aktov, sudebnykh reshenii i normativnykh dokumentov* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (SudAkt): official website of the database of judicial acts, court decisions and regulatory documents]. Available at: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-derbentskii-raionnyi-sud-respublika-dagestan/> (In Russ.). (Accessed November 2, 2021).
12. Verdict of the Kirovsky District Court of Makhachkala of the Republic of Dagestan of July 11, 2018 in case No. 1-231/2018. *Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt): ofitsial'nyi sait bazy sudebnykh aktov, sudebnykh reshenii i normativnykh dokumentov* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (SudAkt): official website of the database of judicial acts, court decisions and regulatory documents]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/7147xPrzBola/> (In Russ.). (Accessed November 2, 2021).
13. Rad'kova L.S The participation of minors in the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii=The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 1, pp. 228–239. (In Russ.).
14. State of crime in Russia for 2016-2020. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (In Russ.). (Accessed November 2, 2021).
15. Adler F., Mueller G.O.W., Laufer W.S. *Criminology and Criminal Justice System*. New York: McGraw-Hill Higher Education, 2001. 683 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВИКТОРОВИЧ КОЛЕСНИКОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России, Воронеж, Россия, rkolesnikow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0246-5536>

ROMAN V. KOLESNIKOV – Candidate of Sciences (Law), associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, rkolesnikow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0246-5536>

Статья поступила 08.10.2021

Научная статья

УДК 343.13

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.006

Некоторые проблемные аспекты регистрации и проверки сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы России

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ МОРОЗОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

АНТОН МЕЧИСЛАВОВИЧ ЛЮТЫНСКИЙ

Северо-западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, anton238@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8047-7938>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются проблемные процессуальные аспекты осуществляемых должностными лицами территориальных органов ФСИН России регистрации и проверки сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) России. Анализ опубликованных статистических данных свидетельствует о том, что, несмотря на существенное сокращение количества осужденных в исправительных учреждениях, подведомственных ФСИН России, наблюдается неуклонный рост числа преступлений. Кроме того, в силу особенностей возбуждения дел частного и частно-публичного обвинения и криминальной субкультуры при проведении проверок по ряду сообщений о преступлениях в учреждениях УИС возникают трудности процессуального и тактического плана. Проанализировав ведомственные статистические данные, нормативные правовые акты, научные исследования по рассматриваемой тематике, авторы формулируют и рассматривают актуальные проблемы применения ведомственного приказа, утверждающего инструкцию, регламентирующую прием, регистрацию и проверку заявлений и сообщений в органах и учреждениях УИС. Они приходят к выводу о том, что многочисленные изменения норм уголовно-процессуального законодательства должным образом не были учтены в ведомственном нормативном акте и это повлекло за собой снижение эффективности деятельности должностных лиц, осуществляющих регистрацию и проверку сообщений о преступлениях в учреждениях УИС России. Таким образом, пробелы в регламентации регистрации и проверки сообщений о преступлениях в исправительных учреждениях ведут к противоречивости региональной правоприменительной практики, что проявляется в разной их трактовке как органами правоприменения, так и органами прокуратуры. Результатом этого становятся акты прокурорского реагирования и привлечение сотрудников ФСИН России к дисциплинарной и иной ответственности. *Цель:* на основе обобщения и анализа нормативных правовых актов, научных источников, мнений ученых-пенитенциаристов и официальных статистических данных комплексно раскрыть перспективы совершенствования института регистрации и проверки сообщений о преступлениях в учреждениях УИС России. *Методы:* диалектический метод познания, общенаучные методы анализа и обобщения, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* проведенное исследование позволило выявить ряд актуальных проблем, в частности: отсутствие в УПК РФ бланков процессуальных документов, на которые ссылается инструкция; неопределенность содержания мер неотложного реагирования и других проверочных действий и их соотношение с нормами законодательства и иными ведомственными нормативными актами; несоответствие субъектов производства неотложных следственных действий, указанных в инструкции; неурегулированность перечня и полномочий должностных лиц, уполномоченных проводить проверку о преступлениях и происшествиях; отсутствие в инструкции сроков проведения ревизии, медицинских или других специальных исследований; пробельность процедуры получения объяснения от осужденных в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях и бланка указанного процессуального документа; правовые и организационные проблемы выдачи талона-уведомления осужденному-заявителю. *Выводы:* по всем рассмотренным проблемам авторы предлагают решения, подразумевающие внесение изменений в УПК РФ, ведомственную инструкцию и иные нормативные акты.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; прием и регистрация заявлений и сообщений; орган дознания; осужденные; неотложные следственные действия; проверочные действия; объяснения; талон-уведомление.

12.00.09 – Уголовный процесс.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Морозов Р. М., Лютынский А. М. Некоторые проблемные аспекты регистрации и проверки сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 57–65. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.006.

Original artical

Some Problematic Aspects of Registering and Verifying Crime Allegations in Russian Penal Institutions

ROMAN M. MOROZOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

ANTON M. LYUTYNSKII

North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, anton238@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8047-7938>

Abstract

Introduction: the article deals with problematic procedural aspects of registration and verification of crime allegations carried out by officials of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in institutions of the penal system. Analysis of published statistical data shows that, despite a significant reduction in the number of convicts in correctional institutions subordinate to the Federal Penitentiary Service of Russia, there is a steady increase in the number of crimes. In addition, due to specifics of initiating cases of private and private-public prosecution and criminal subculture it may be difficult to conduct investigation in procedural and tactical terms. Having analyzed departmental statistical data, regulatory legal acts, scientific research on the subject under consideration, the authors formulate and discuss topical problems of the application of the departmental order approving the instructions regulating reception, registration and verification of crime reports in penitentiary bodies and institutions. The authors come to the conclusion that numerous changes in the norms of criminal procedural legislation are not properly fixed in the departmental normative act, undermining effectiveness of activities of officials who register and verify crime allegations in penitentiaries. Thus, these gaps lead to contradictory regional law enforcement practice, which is reflected in their different interpretation by both law enforcement agencies and prosecutor's offices. As a result, this leads to acts of prosecutorial response and bringing employees of the Federal Penitentiary Service of Russia to disciplinary and other responsibility. *Purpose:* on the basis of generalization and analysis of normative legal acts, scientific sources, opinions of penitentiary scientists and official statistical data, to disclose prospects for improving the institution of registration and verification of crime reports in institutions of the penal enforcement system of Russia. *Methods:* dialectical cognition method, general scientific methods of analysis and generalization, empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: the conducted research reveals a number of urgent problems, in particular: absence of forms of procedural documents in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the instructions refer to; uncertainty of the content of emergency response measures and other verification actions and their relationship with legislation norms and other departmental regulations; inconsistency of the subjects of urgent investigative actions specified in the instructions; unsettled list and powers of officials authorized to investigate crimes and incidents; absence of timing, medical or other special studies in the instructions; gap in the procedure for obtaining an explanation from convicts during verification of statements and reports of crimes and lack of the form of the specified procedural document; legal and organizational problems of issuing a registration document to the convicted applicant. *Conclusions:* for all the problems considered, the authors propose solutions implying amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, departmental instructions and other regulations.

Keywords: penal enforcement system; reception and registration of reports; initial inquiry body; convicts; urgent investigative actions; verification actions; explanations; register document.

12.00.09 – Criminal procedure.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Morozov R. M., Lyutynskii A. M. Some problematic aspects of registering and verifying crime allegations in Russian penal institutions. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 57–65. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.006.

Введение

Прежде чем приступить к рассмотрению проблемных вопросов регистрации преступлений во всех видах исправительных учреждений (далее – ИУ), тюрьмах и СИЗО, необходимо обозначить актуальность данной темы. Почти за двадцать лет действия УПК РФ было принято свыше 280 федеральных законов, предусматривающих изменение как отдельных процессуальных норм, так и целых институтов [3, с. 754]. Впрочем, приказ Минюста России от 11.07.2006 № 250 (ред. от 15.08.2016) «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» не претерпел существенных изменений в интересующем нас аспекте. Вопросы в рамках рассматриваемой тема-

тики получили отражение в ряде диссертационных исследований, в частности работах Е. Р. Пудакова и А. М. Саутиева [10; 11].

Основная часть

Обратимся к ведомственной статистике, а именно отдельным показателям деятельности уголовно-исполнительной системы с 2013 по 2020 г., приведенным в таблице. Так, статистические данные свидетельствуют о том, что количество лиц, содержащихся в учреждениях УИС, из года в год неизменно сокращается, однако это не соотносится с увеличением числа пенитенциарных преступлений, что ведет к росту количества регистрируемых преступлений и нагрузки на лиц, осуществляющих их регистрацию и проверку.

Таблица

Статистические данные о количестве происшествий, преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы

Год	Количество осужденных, содержащихся в учреждениях ФСИН России на 1 января	Количество зарегистрированных преступлений, совершенных осужденными в учреждениях ФСИН России, по которым принято решение о возбуждении уголовного дела	Количество материалов, по которым вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (в 2019 и 2020 гг. указанные данные не отображались в сборниках ведомственной статистики)	Всего зарегистрировано травм (бытовых, производственных, в результате нанесения себе телесных повреждений)
2013	585 088	974	12 268	27 415
2014	559 938	861	4053	28 380
2015	550 852	940	3330	26 282
2016	524 848	960	2313	26 932
2017	519 491	974	2293	25 156
2018	495 016	1025	2731	24 445
2019	460 923	1171	–	26 024
2020	423 825	1184	–	23 579

Кардинально в лучшую сторону не меняется ситуация с количеством вынесенных правоохранительными органами постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам, поступившим из учреждений УИС. Указанные решения об отказе в возбуждении уголовного дела строятся на зарегистрированных обращениях в учреждениях УИС (ч. 1, 2 ст. 140 УПК РФ), которые были направлены для рассмотрения по подследственности (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ). Информацию, направленную в правоохранительные органы по подследственности, по которой в последующем было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, условно можно разделить на две группы: 1) данные о преступлениях, совершенных осужденными до поступления в учреждения УИС (преступления прошлых лет); 2) данные по событиям, в которых нет однозначной ясности (травмы осужденных, отклонение от маршрутов движения осужденных, передвигающихся бес-

конвойно, и т. д.). В указанных случаях сотрудникам, осуществляющим сбор материалов и регистрацию преступлений, необходимо правильно определить наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, в целях исключения избыточной регистрации материалов. В обоснование данной позиции стоит процитировать И. Л. Беднякова: «Дежурные по ИУ регистрируют рапорта о противоправных действиях осужденных без детального ознакомления с их содержанием. Низкая требовательность в части грамотного составления сотрудниками ИУ первичной документации приводит к необоснованной регистрации в книге регистрации сообщений о преступлениях» [1, с. 29].

Далее следует остановиться на такой проблеме, как некомплект кадров в учреждениях УИС, который на 1 января 2021 г. составил 10,6 % [5]. Данный фактор оказывает непосредственное влияние на качество регистрации и проверки сообщений о

преступлениях. В результате происходят допущение ошибок, принесение актов прокурорского реагирования, признание доказательств, полученных в ходе проверки сообщений о преступлениях, недопустимыми, привлечение сотрудников территориальных органов ФСИН России к ответственности.

Стоит также обратить внимание на представленные в таблице данные по травматизму осужденных. Думается, что часть указанных травм, обнаруженных у осужденных, может носить криминальный характер, но в силу того, что ч. 1 ст. 115 УК РФ «Легкий вред здоровью» относится к делам частного обвинения, уголовное дело возбуждается не иначе как по заявлению осужденного. Отдельно стоит упомянуть и ч. 1 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера», относящуюся к делам частно-публичного обвинения, возбуждение по которым возможно только по заявлению потерпевшего (за исключением ч. 4 ст. 20 УПК РФ) [4, с. 20]. Кроме того, на подачу заявлений по указанным уголовным составам влияет криминальная субкультура, поддерживаемая отрицательно настроенными осужденными, которые оказывают физическое и психологическое воздействие на заявителя, нарушившего неофициальные нормы поведения. Таким образом, можно утверждать, что часть преступлений, совершенных в УИС, носит латентный характер, что актуализирует дальнейшее совершенствование процедуры их регистрации и проверки.

Подводя итог анализа данных пенитенциарной статистики, стоит отметить, что увеличивающаяся нагрузка по регистрации фактов противоправного поведения осужденных на фоне нехватки кадров УИС негативно влияет на качество принимаемых решений. Усугубляет положение латентный характер ряда преступлений частного и частно-публичного обвинения. При этом основным негативным моментом учетно-регистрационной деятельности в УИС и проверки сообщений о преступлениях является несовершенство ведомственного нормативно-правового акта, а именно приказа Минюста России от 11.07.2006 № 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» (далее – Инструкция). В указанной Инструкции имеются расхождения с нормами уголовно-процессуального законодательства, не раскрывается содержание ряда положений, приведенных в самом документе. Мы солидарны с Н. В. Грязевой и Е. С. Кабаненом в том, что «нормативно-правовое регулирование в рассматриваемой сфере деятельности не должно вызывать двоякого толкования, то есть однозначно пониматься правоприменителем» [6, с. 123].

Обратим внимание на то, что, согласно п. 2 Инструкции, ответственность за правильную регистрацию учетно-регистрационных документов ложится непосредственно на сотрудников отдела безопасности, дежурных помощников начальника учреж-

дения (их заместителей). Также в п. 11 указано, что «организация работы по обеспечению приема, полноты регистрации, законности при рассмотрении информации о преступлениях и происшествиях, а также осуществление контроля за ее проведением возлагаются на начальников учреждений и органов УИС». Непосредственно проверкой сообщений о преступлениях в соответствии с п. 29 Инструкции и п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ (с учетом отсылочной нормы к федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности») занимаются сотрудники оперативных подразделений УИС, п. 25 определяет, что неотложные следственные действия осуществляют начальники учреждений УИС.

Остановимся на отдельных пробелах в анализируемом нами нормативном акте.

1. Отсутствие бланков процессуальных документов в УПК РФ, на которые ссылается инструкция [2, с. 92]. В соответствии с Федеральным законом от 05.06.2007 № 87 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» ст. 476 УПК РФ, где содержались бланки процессуальных документов, утратила силу. Однако в рассматриваемой нами Инструкции в п. 5, 31 даны отсылочные нормы к приложениям 1, 10, 11 ст. 476 УПК РФ. Кроме того, при описании правил ведения книги регистрации сообщений о преступлениях также делаются отсылки к приложениям 1–3 ст. 476 УПК РФ. До отмены указанной статьи УПК РФ в перечисленных пунктах, указанных Инструкцией, содержались следующие образцы документов: рапорт об обнаружении признаков преступления, протокол принятия устного заявления о преступлении, протокол явки с повинной, постановление о передаче по подследственности, постановление о передаче сообщения в суд. Полагаем, что для решения выявленной проблемы необходимо дополнить Инструкцию образцами вышеперечисленных документов.

2. Неопределенность содержания мер неотложного реагирования и других проверочных действий и их соотношение с нормами законодательства и иными ведомственными нормативными актами. В п. 5 Инструкции указывается, что «сотрудник принимает меры неотложного реагирования, о чем немедленно сообщает дежурному по учреждению или органу УИС...». В п. 26 Инструкции раскрывается, что следует относить к мерам неотложного реагирования: «прибытие на место происшествия, предотвращение и пресечение преступления, обеспечение сохранности следов возможного преступления, проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению и задержанию сличным или по горячим следам лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, получение объяснений или производство других проверочных действий. Полагаем, что авторы Инструкции попытались объединить полномочия сотрудников учреждений УИС по производству режимных (ст. 82 УИК РФ) [9, с. 65] и оперативно-

розыскных мероприятий, добавив процессуальные полномочия, указанные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, однако перечислили не все из них и не дали отсылочной нормы на указанную статью. Представляется, что в Инструкции также должен быть четкий перечень того, что вправе проводить сотрудник органа дознания УИС при проверке сообщений о преступлениях, причем он должен соотноситься с ч. 1 ст. 144 УПК РФ или быть шире с учетом имеющихся внепроцессуальных полномочий сотрудников УИС (режимные и оперативно-розыскные мероприятия). При этом разные группы полномочий должны быть четко определены в пунктах Инструкции, в частности п. 26.

Также нет ясности относительно того, что в п. 26 Инструкции именуется другими проверочными действиями. Полагаем, что под ними, как было указано выше, понимаются режимные мероприятия. Например, в приказе от 23.06.2005 № 95 «Об утверждении Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний», указывается, что дежурный помощник начальника колонии при поступлении сообщения о побеге или обнаружении его признаков «организует пофамильную проверку осужденных с целью установления личности совершившего побег; организует тщательный обыск его рабочего и спального мест, изъятие всех личных вещей и переписки». В связи с этим представляется, что перечень других проверочных действий (внепроцессуальных мероприятий) также должен быть описан более подробно в Инструкции. Логичным будет, если в список войдут такие проводимые в учреждениях УИС режимные мероприятия, как режимный обыск, досмотр, проверка осужденных. При этом следует четко понимать, что к мерам неотложного реагирования стоит отнести проведение следственных действий, в частности осмотр, освидетельствование, назначение экспертизы, которые при проверке сообщений о преступлениях должны назначаться в первую очередь, так как следственные действия, проводимые сотрудниками органов дознания УИС, образуют самостоятельные доказательства, чего нельзя сказать о режимных мероприятиях, требующих дальнейшего процессуального закрепления.

Подводя итог, отметим, что закрепление в Инструкции возможности проводить режимные мероприятия должно также решить в последующем вопрос о процедуре их использования в качестве доказательств, что подразумевает внесение изменений в ст. 74 УПК РФ. Потребность в этом обусловлена тем, что ст. 74 УПК РФ не рассматривает результаты режимных мероприятий в качестве самостоятельных доказательств, также правоприменительная практика показывает, что указанные материалы не используются в качестве иных документов. Логичным видится также разработка инструкции об использовании режимных мероприятий наподобие инструкции «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд». Полагаем, что п. 26 Инструкции должен

включать несколько категорий мер неотложного (незамедлительного) реагирования, которые должны излагаться последовательно и предполагать процессуальные (осмотр, освидетельствование, назначение экспертизы), режимные и оперативно-розыскные мероприятия. Считаем, что сам по себе перечень неотложных мер реагирования по объему шире списка мер, связанных с проведением процессуальной проверки и регламентированных только УПК РФ, реализация которых осуществляется в соответствии с п. 29 Инструкции.

3. Несоответствие субъектов производства неотложных следственных действий, указанных в Инструкции. Понятие неотложные следственные действия закреплено в п. 19 ст. 5 УПК РФ: это следственные действия, осуществляемые после возбуждения по делам, по которым предварительное следствие обязательно. Перечень субъектов, которые вправе их производить в учреждениях УИС, определен в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ – к ним относятся только начальники учреждений и органов УИС. Срок производства указанных действий указан в ч. 3 ст. 157 УПК РФ – не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела. В Инструкции рассматриваемое понятие встречается дважды – в п. 25 и 28. В п. 25 вопрос о производстве неотложных следственных действий адресуется исключительно начальникам учреждений и органов УИС. Однако в п. 28 Инструкции говорится: «Если признаки преступления обнаружены в процессе рассмотрения другой информации, а также при проведении неотложных следственных действий или выполнении своих служебных обязанностей сотрудником учреждения или органа УИС, который их выявил, составляется рапорт об обнаружении признаков преступления». Представляется, что, исходя из трактовки п. 28 Инструкции, рапорт об обнаружении признаков преступления по произведенным неотложным следственным действиям может составить неопределенный круг сотрудников УИС, выявивших признаки преступления, однако их производство возможно только субъектом, определенным в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ и п. 25 Инструкции. На основании изложенного полагаем, что п. 28 Инструкции должен быть изложен в следующей редакции: «Если признаки преступления обнаружены начальниками учреждений УИС при проведении неотложных следственных действий, а также всеми сотрудниками УИС в процессе рассмотрения поступающей информации, как связанной, так и не связанной с выполнением своих служебных обязанностей, то составляется рапорт (далее по тексту Инструкции)».

4. Неурегулированность перечня и полномочий должностных лиц, уполномоченных проводить проверку о преступлениях и происшествиях. Данная проблема выходит за пределы ведомственного нормативного акта и является более значительной, так как касается неопределенности правового статуса сотрудников учреждений и органов УИС в УПК РФ. Указанный аспект рассматривался на страницах пе-

риодики, где предлагалось изменение норм процессуального права [12, с. 502].

УПК РФ в качестве процессуально уполномоченных субъектов ФСИН России, правомочных осуществлять процессуальные действия, прямо определяет только начальников учреждений и органов УИС (п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ). Однако в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ указывается, что к органам дознания относятся органы исполнительной власти, наделенные полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Таким образом, УПК РФ делает отсылку к Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности», где в ст. 13 наряду с другими органами называется ФСИН России. Следовательно, сотрудники оперативных подразделений ФСИН России выступают в качестве органа дознания. При этом анализ ст. 151 УПК РФ позволяет заключить, что у указанных подразделений органов дознания отсутствуют полномочия на производство дознания в полном объеме по каким-либо статьям УК РФ. Получается, что сотрудники оперативных подразделений в соответствии со ст. 144 УПК РФ вправе проверить сообщение о преступлении и передать его по подследственности. Наша позиция в данном вопросе полностью совпадает с изложенной в п. 1.1 указания Генерального прокурора от 25.10.2013 № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», где также подчеркивается ограничение полномочий сотрудников ФСИН России: они уполномочены осуществить проверочные мероприятия, и в случае поступления сообщения о преступлении не позднее 3 суток обязаны передать материалы проверки по подследственности.

Весь перечень проверочных мероприятий, реализуемых сотрудниками УИС, определен в ч. 1 ст. 144 УПК РФ: получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов и их изъятие, назначение судебной экспертизы, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требование производства документальной проверки, ревизий и др.

Весьма убедительны результаты исследования А. С. Шаталова, которое показало, что из перечня мероприятий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ, практически не проводились следующие: назначение судебных экспертиз или получение образцов для сравнительного исследования, проведение ревизий, исследований и получение заключений специалистов. Редко сотрудниками УИС выполнялись осмотры места происшествия, трупов, освидетельствование [13, с. 517–518]. Полагаем, что правовая неурегулированность данного вопроса в Инструкции также могла повлиять на количественное выражение произведенных процессуальных мероприятий.

Отметим, что п. 29 Инструкции предусмотрено следующее: «По каждому заявлению или сообщению о преступлениях и происшествиях начальник учреж-

дения или органа УИС обязан дать письменные указания конкретным исполнителям о рассмотрении их в соответствии с требованиями УПК РФ и настоящей Инструкции».

Полагаем, что в Инструкции целесообразно изложить перечень проверочных мероприятий, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, по примеру рассмотренных нами мер неотложного реагирования, содержащихся в п. 26 Инструкции. Также в п. 29 следует закрепить, что в качестве уполномоченных должностных лиц, осуществляющих проверку по преступлениям и происшествиям, выступают сотрудники оперативных аппаратов органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Отсутствие в Инструкции четкого установления сроков проведения ревизии, медицинских или других специальных исследований. Так, п. 26 Инструкции определяет: «В тех случаях, когда требуется проведение ревизии, медицинских или других специальных исследований, решения принимаются по их окончании». Однако ч. 3 ст. 144 УПК РФ предусматривает, что при необходимости производства документальной проверки, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов срок их осуществления составляет до 30 суток. Полагаем, что указанный пункт Инструкции должен быть приведен в соответствие с нормами УПК РФ.

6. Проблемность процедуры получения объяснения от осужденных в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях и отсутствие бланка указанного процессуального документа. Инструкция в п. 26 определяет возможность получения объяснений при проверке сообщений о преступлениях, но у сотрудников по причине отсутствия образцов документов при проверке сообщений о преступлениях происходит замещение получения объяснений как процессуального действия, предусмотренного ч. 1 ст. 144 УПК РФ, режимным мероприятием. Так, ст. 117 УИК РФ предусмотрена необходимость получения письменных объяснений до наложения взыскания на осужденного. Так как осужденные не всегда знают всю суть произошедшего события, то им не ясно, в рамках какого производства получается объяснение – дисциплинарного или уголовного. УПК РФ при получении объяснений подразумевает разъяснение прав и обязанностей участника. Указанную подмену сотрудники объясняют тем, что осужденные проще идут на контакт и сообщают сведения при получении объяснений по событиям, на которые распространяется дисциплинарная, а не уголовная ответственность. Решение указанной проблемы возможно путем размещения в Инструкции бланка объяснения и регламентации процедуры его получения.

7. Правовые и организационные проблемы выдачи талона-уведомления осужденному-заявителю. Пункт 4 Инструкции закрепляет обязанность выдать талон-уведомление осужденному в случае его обращения с заявлением, явкой с повинной. Одни авторы считают, что проблема имеет правоприменительный аспект, поскольку, получив документ,

осужденный его должен где-то хранить, однако ему сложно обеспечить сохранность. Причем речь идет не о физической сохранности документа, а о сокрытии факта обращения осужденного с заявлением. В случае обнаружения документа у заявителя осужденные, придерживающихся неофициальных норм поведения, могут на него воздействовать. Исходя из этого предлагается не выдавать осужденному талон-уведомление лично, а хранить его в спецотделе учреждения УИС [8, с. 49]. Другие авторы полагают, что проблемы тут нет, наоборот, в случае невыдачи документа нарушаются положения ч. 4 ст. 144 УПК РФ, что также может привести к сокрытию преступлений [7, с. 32]. Мы солидарны с позицией О. А. Малышевой в части того, что выдача талона-уведомления не должна происходить в том виде, в котором она сейчас закреплена в Инструкции. С нашей точки зрения, обоснованным будет дополнить п. 4 Инструкции следующим положением: «Осужденный, получивший талон-уведомление, вправе требовать приобщить оригинал к своему личному делу. Обязанность доведения указанной информации ложится на лицо, производившее регистрацию обращения».

Заключение

На основе данных статистики, действующих нормативных правовых актов, результатов исследований ученых и практиков проанализированы наиболее значимые правовые проблемы, касающиеся регистрации и проверки сообщений

о преступлениях в учреждениях УИС России, регламентируемые ведомственной Инструкцией. Проведенная работа позволила выявить следующие несоответствия ведомственного нормативного акта: отсутствие в УПК РФ бланков процессуальных документов, на которые ссылается Инструкция; неопределенность содержания мер неотложного реагирования и других проверочных действий и их соотношение с нормами законодательства и иными ведомственными нормативными актами; несоответствие субъектов производства неотложных следственных действий, указанных в Инструкции; неурегулированность перечня и полномочий должностных лиц, уполномоченных проводить проверку о преступлениях и происшествиях; отсутствие в Инструкции сроков проведения ревизии, медицинских или других специальных исследований; пробельность процедуры получения объяснения от осужденных в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях и бланка указанного процессуального документа; правовые и организационные проблемы выдачи талона-уведомления осужденному-заявителю.

Сформулированные в статье предложения по совершенствованию Инструкции и иных правовых актов, несомненно, должны оказать положительное влияние на практику деятельности сотрудников УИС по регистрации и проверке заявлений и сообщений о преступлениях в УИС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедняков, И. Л. Проблемы регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в исправительных учреждениях / И. Л. Бедняков // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в уголовно-исполнительной системе : материалы межвузовской научно-практической конференции (г. Владимир, 1 марта 2017 г.). – Владимир : Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 28–32.
2. Брыляков, С. П. Регламентация порядка приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, нуждается в совершенствовании / С. П. Брыляков // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы научно-практической конференции (г. Новокузнецк, 15–16 ноября 2012 г.) / ответственный редактор А. Г. Антонов. – Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2013. – С. 88–93.
3. Гаврилов, Б. Я. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка эффективности и меры по его совершенствованию / Б. Я. Гаврилов // Пенитенциарная наука. – 2021. – Том 15, № 4 (56). – С. 753–765. – doi: 10.46741/2686-9764-2021-15-4-753-765.
4. Гирько, С. И. Пенитенциарная преступность: современное состояние и тенденции / С. И. Гирько, А. А. Долгополов // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 18–24.
5. Глава ФСИН пожаловался на недостаток сотрудников и высокие нагрузки // РИА Новости : официальный сайт. – URL: <https://ria.ru/20210312/fsin-1600960376.html> (дата обращения: 21.10.2021).
6. Грязева, Н. В. Особенности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. В. Грязева, Е. С. Кабанен // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 3 (44). – С. 122–127.
7. Ключникова, М. А. Особенности регистрации сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы / М. А. Ключникова, К. Ю. Ковалькова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2017. – № 2 (12). – С. 31–33.
8. Малышева, О. А. Особенности приема и регистрации сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы / О. А. Малышева // Труды Академии МВД России. – 2013. – № 1 (25). – С. 47–50.
9. Огрызков, А. В. Практика рассмотрения вопроса о приеме и регистрации сообщений о преступлениях в деятельности дежурных смен исправительных учреждений / А. В. Огрызков, Т. А. Сулейманов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Том 27, № 1. – С. 59–65.

10. Пудаков, Е. Р. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пудаков Евгений Рустамо-вич. – Владимир, 2008. – 191 с.
11. Саутиев, А. М. Прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях в исправительных учреждениях ФСИН России (сравнительно-правовое исследование на основе законодательства Российской Федерации и стран СНГ) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Саутиев Адам Мухамедович. – Рязань, 2017. – 230 с.
12. Шаталов, А. С. О необходимости формирования уголовно-процессуальных и криминалистических профессиональных компетенций у сотрудников исправительных учреждений ФСИН России / А. С. Шаталов, А. В. Акчурин // Пенитенциарная наука. – 2020. – Том 14, № 4 (52). – С. 499–506. – DOI: 10.46741/2686-9764-2020-14-4-499-506.
13. Шаталов, А. С. Проверка сообщений о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, в контексте обеспечения их прав и законных интересов // Пенитенциарная наука. – 2021. – Том 15, № 3 (55). – С. 512–520. – doi: 10.46741/2686-9764-2021-15-3-512-520.

REFERENCES

1. Bednyakov I.L. Problems of registration and verification of reports of crimes and incidents in correctional institutions. In: *Kriminalisticheskoe i protsessual'noe obespechenie rassledovaniya prestuplenii v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Vladimir, 1 marta 2017 g.)* [Forensic and procedural support for investigation of crimes in the penal system: materials of the interuniversity scientific and practice conference (Vladimir, March 1, 2017)]. Vladimir: Vladimirsiiyuridicheskii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2017. Pp. 28–32. (In Russ.).
2. Brylyakov S.P. Regulation of the procedure for receiving, registering and resolving reports of crimes in institutions executing sentences in the form of imprisonment needs improvement. In: Antonov A.G. (Ed.). *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Novokuznetsk, 15-16 noyabrya 2012)* [Penal enforcement system today: interaction of science and practice: materials of the scientific and practical conference (Novokuznetsk, November 15–16, 2012)]. Novokuznetsk, 2013. P. 92. (In Russ.).
3. Gavrilov B.Ya. Criminal Procedural Code of the Russian Federation: evaluation of effectiveness and measures for its improvement. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 753–765. doi: 10.46741/2686-9764-2021-15-4-753-765. (In Russ.).
4. Gir'ko S.I., Dolgopolov A.A. Penitentiary crime: current state and trends. *Nauchnyi portal MVD Rossii=Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*, 2021, no. 1 (53), pp. 18–24. (In Russ.).
5. The head of the FSIN complained about a lack of employees and high loads. *RIA Novosti: ofitsial'nyi sait* [RIA News: official website]. Available at: <https://ria.ru/20210312/fsin-1600960376.html> (In Russ.). (Accessed October 21, 2021).
6. Gryazeva N.V., Kabanen E.S. Special aspects of acceptance, booking and controlling of crime reports and incidents within the penal institutions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 3 (44), pp. 122–127. (In Russ.).
7. Klyuchnikova M.A., Koval'kova K.Yu. Peculiarities of registration of reports on crimes in the penal system. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika=Penal Law: Legal Theory and Law Enforcement Practices*, 2017, no. 2 (12), pp. 31–33. (In Russ.).
8. Malysheva O.A. Features of receiving and registering reports of crimes in institutions of the penal enforcement system. *Trudy Akademii MVD Rossii=Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2013, no. 1. (25), pp. 47–50. (In Russ.).
9. Ogryzkov A.V., Suleimanov T.A. Practice of considering the issue of receiving and registering reports of crimes in the activities of duty shifts of correctional institutions. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2019, vol. 27(1–4), no. 1, pp. 59–65. (In Russ.).
10. Pudaakov E.R. *Ugovolno-protsessual'naya deyatel'nost' organov i uchrezhdenii ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal procedural activity of bodies and institutions of the penal enforcement system of Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Vladimir, 2008. 191 p.
11. Sautiev A.M. *Priem, registratsiya i rassmotrenie zayavlenii i soobshchenii o prestupleniyakh i proisshestviyakh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh FSIN Rossii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie na osnove zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii i stran SNG): dis. ... kand. yurid. nauk* [Reception, registration and consideration of applications and reports on crimes and incidents in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia (comparative legal research based on the legislation of the Russian Federation and CIS countries): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2017. 230 p.
12. Shatalov A.S., Akchurin A.V. On the need to develop professional competences in criminal procedure and criminalistics in corrections officers of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 499–506. (In Russ.). doi: 10.46741/2686-9764-2020-14-4-499-506.
13. Shatalov A.S. Verification of reports on prison-related crimes in the context of ensuring the rights and legitimate interests of convicts. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3 (55), pp. 512–520. (In Russ.). doi: 10.46741/2686-9764-2021-15-3-512-520.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ МОРОЗОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

АНТОН МЕЧИСЛАВОВИЧ ЛЮТЫНСКИЙ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, anton238@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8047-7938>

ROMAN M. MOROZOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigative Activities of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

ANTON M. LYUTYNSKII – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, anton238@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8047-7938>

Статья поступила 28.10.2021

Стратегия подготовки кадров как элемент кадровой политики ФСИН России и задачи образовательных организаций по ее реализации

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Реферат

Введение: кадровое обеспечение уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является важнейшей составляющей эффективного решения задач по исполнению наказаний на основе принципов законности и гуманизма. ФСИН России постоянно приходится заниматься вопросами восполнения кадрового состава российской пенитенциарной системы, в том числе посредством подготовки специалистов в образовательных организациях высшего образования. Деятельность организаций профессионального образования и профессионального обучения, подведомственных ФСИН России, по обеспечению органов и учреждений УИС работниками, имеющими достаточный уровень компетенций, требует формирования правовых основ, определяющих важнейшие принципы подготовки кадров. *Цель:* анализ современного законодательства и формулировка предложений по созданию программных документов в области кадрового обеспечения УИС. *Методы:* в число методов исследования вошли как общие научные методы (методы формальной логики – индукции и дедукции, анализа и синтеза), так и специальные (сравнительно-правовой). Методы формальной логики применялись при определении целей и задач исследования, формулировке понятий, анализе нормативных правовых актов, разработке предложений по совершенствованию правовых основ рассматриваемых правоотношений. Сравнительно-правовой метод позволил исследовать современную систему законодательства в области кадрового обеспечения УИС. *Результаты:* автором обосновывается необходимость принятия концепции кадровой политики – нормативного правового акта, закрепляющего основные принципы кадровой политики уголовно-исполнительной системы, предлагается его структура. Подчеркивается, что отдельным элементом концепции кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации должна стать стратегия подготовки кадров Федеральной службы исполнения наказаний, основным субъектом реализации которой будут выступать образовательные организации ФСИН России. *Выводы:* ведущей стратегической целью развития уголовно-исполнительной системы России является повышение результативности работы органов и учреждений, исполняющих наказания. Для претворения ее в жизнь одной из ключевых задач Федеральной службы исполнения наказаний, определяющей суть ее кадровой политики, выступает создание высокопрофессионального, стабильного, оптимально сбалансированного кадрового состава учреждений и органов УИС. Образовательные организации ФСИН России вносят существенный вклад в решение обозначенной задачи. Для более эффективной их деятельности по кадровому обеспечению уголовно-исполнительной системы необходимы программные документы – концепция кадровой политики и стратегия подготовки кадров.

К л ю ч е в ы е с л о в а : кадровая политика; кадровое обеспечение; стратегия подготовки кадров; образовательные организации высшего образования.

12.01.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Моторова Н. В. Стратегия подготовки кадров как элемент кадровой политики ФСИН России и задачи образовательных организаций по ее реализации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 66–76. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.007.

Original article

Personnel Training Strategy as an Element of Personnel Policy of the Federal Penitentiary Service of Russia and Tasks of Educational Organizations for Its Implementation

NATALYA V. MOTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Abstract

Introduction: staffing the penal enforcement system of the Russian Federation is crucial for effective execution of penalties on the basis of legality and humanism principles. The Federal Penitentiary Service of Russia faces the task of replenishing its personnel, including through training of specialists in higher education institutions. Activities of professional education and vocational training organizations subordinate to the Federal Penitentiary Service of Russia to provide bodies and institutions of the penal enforcement system with skilled employees require formation of legal foundations defining critical principles of personnel training. *Purpose:* analysis of modern legislation and formulation of proposals for elaboration of program documents in the field of staffing the penal system. *Methods:* research methods include both general scientific methods (formal methods, such as induction and deduction, analysis and synthesis) and private (comparative legal). Formal methods (analysis, synthesis, induction, deduction) were used in determination of goals and objectives of the research, formulation of concepts, analysis of regulatory legal acts, development of proposals for improving legal foundations of the legal relations under consideration. The comparative legal method helped study the modern legislation system in the field of staffing the penal system. *Results:* the author substantiates the need to adopt a personnel policy concept – a normative legal act that enshrines basic principles of personnel policy of the penal system, and proposes its structure. It is emphasized that the personnel training strategy should become a separate element of the personnel policy concept of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, with educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia being its main subject. *Conclusions:* the strategic goal of the Russian penal system development is to boost performance of bodies and institutions executing punishment. To achieve it, the Federal Penitentiary Service of Russia seeks to fulfil one of the key tasks of forming a highly professional, stable, optimally balanced personnel composition of institutions and bodies of the penitentiary system. Educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia make a significant contribution to solution of this task. For staffing of the penal enforcement system to be more effective, it is necessary to work out program documents – a personnel policy concept and personnel training strategy.

Key words: personnel policy; staffing; personnel training strategy; educational organizations of higher education.

12.01.11 – Judicial activities, prosecutor's activities, human rights and law enforcement activities.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Motorova N. V. Personnel training strategy as an element of personnel policy of the Federal Penitentiary Service of Russia and tasks of educational organizations for its implementation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 66–76. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.007.

Введение

Эффективность функционирования любого органа государственной власти зависит прежде всего от людей, которым поручена реализация его функций. Ощутимые сдвиги в решении поставленных задач достигаются «не только вследствие осуществления на практике прогрессивных концепций и законодательных нововведений, но и благодаря умению исполнителей, способных проводить в жизнь эти преобразования и готовых работать по-новому над их осуществлением» [21, с. 10]. Уровень квалификации и профессионализма, способность сотрудников качественно решать стоящие перед ними задачи, то

есть состояние кадров уголовно-исполнительной системы (УИС), предопределяет успешное выполнение возложенных на органы и учреждения Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) функций.

По состоянию на 1 января 2022 г. штатная численность персонала уголовно-исполнительной системы, финансируемого из средств федерального бюджета, составляла 295 968 чел., в том числе начальствующий состав – 225 285 чел. (из них переменный состав – 5960 чел.) [19].

Кадровый состав УИС не является статичной величиной, наблюдается постоянная динамика числен-

ности работников органов и учреждений российской пенитенциарной системы. Ежегодно увольняется до 10 % личного состава: по состоянию на 1 января 2021 г. уволено 16 347 сотрудников (7,68 % от штатной численности), а на 1 января 2020 г. – 17 208 чел., или 8,10 % [13; 14].

В органах и учреждениях ФСИН России наблюдается некомплект сотрудников, который за последние три года достиг уровня 10 %. На 1 января 2019 г. вакантные должности составляли 30 274 единицы (10,95 % от штатной численности), в том числе сотрудников – 20 592 (9,68 %); на 1 января 2020 г. – 26 935 единиц (9,76 % от штатной численности), в том числе сотрудников – 17 105 (8,05 %); на 1 января 2021 г. вакантных должностей персонала уголовно-исполнительной системы, содержащегося за счет бюджетного финансирования (без переменного состава образовательных учреждений), насчитывалось 27 420 единиц (9,92 % от штатной численности), в том числе сотрудников – 16 846 единиц (7,91 %) [12–14].

Статистические данные свидетельствуют о том, что перед пенитенциарной системой России неизменно стоит задача пополнения и укрепления кадрового состава. Кадры уголовно-исполнительной системы предопределяют потенциал ее развития, образуют «интеллектуальный ресурс УИС, который дает возможность не просто разработать очередной стратегический план (программу, “дорожную карту”), но и определить тенденции развития внешней среды, перспективы функционирования УИС, сформулировать направления ее развития» [15, с. 96–97], реализовать на практике запланированные мероприятия. Поэтому в отношении кадрового звена уголовно-исполнительной системы должна осуществляться постоянная планомерная работа по его сохранению и пополнению высококвалифицированными специалистами. Основой данного наиважнейшего направления деятельности российской пенитенциарной системы должен стать концептуальный правовой документ, определяющий принципы, основные направления, необходимые ресурсы и другие вопросы организации эффективной работы с кадрами.

Кадровая политика уголовно-исполнительной системы и ее правовые основы

Основой работы с кадрами в уголовно-исполнительной системе являются принципы и ориентиры, разрабатываемые в рамках кадровой политики государства в целом и уголовно-исполнительной системы в частности. Государственная кадровая политика – это сочетание определенных принципов, правовых норм, различных методов, средств и форм воздействия, позволяющее осуществлять мероприятия по работе с кадрами органов государственной власти.

Категория «государственная кадровая политика» в теории управления персоналом раскрывается неоднозначно: и как «главная линия в деле подготовки кадров, генеральное направление в кадровой работе» [2], и как «основные направления, цели, методы и стиль работы с кадрами» [8], и как «отрасль общей

политики, которая воздействует на процесс формирования руководящих кадров и контроль за их деятельностью» [17, с. 37].

По мнению Г. В. Щербакова и А. Ю. Долинина, наиболее полной может считаться следующая формулировка: «кадровая политика – это совокупность принципов, методов, средств и форм воздействия на интересы, поведение и деятельность работников в достижении целей, стоящих перед организацией. Цель кадровой политики – обеспечение своевременного обновления и сохранения количественного и качественного состава кадров и его развития в соответствии с потребностями организации. Указанная цель достигается в результате реализации конкретных кадровых мероприятий, выступающих в качестве объектов кадровой политики: кадрового планирования; организации, подбора и расстановки кадров; формирования кадрового резерва; организации труда персонала; оценки профессиональных и деловых качеств работников; мотивации и стимулирования персонала; профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников» [22].

Анализ научных взглядов в отношении категории «кадровая политика» [6; 7; 9; 11; 18; 24] позволяет сделать вывод о том, что она представляет собой комплексное социально-правовое явление, включающее несколько уровней и направлений реализации, предусматривающее использование правовых, организационных, социально-психологических, экономических и иных средств, направленных на эффективное кадровое обеспечение деятельности органов государственной власти.

Государственная кадровая политика имеет свои модификации, отражающие специфические условия отраслей государственного управления. Применительно к уголовно-исполнительной системе формируется отдельное направление государственной кадровой политики, основанное на целях и задачах деятельности системы, особенностях прохождения службы в органах и учреждениях ФСИН России.

Особенности кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний обусловлены рядом факторов: усложненным порядком подбора кадров (профессиональный отбор кандидатов на службу с учетом физических и психических качеств, образования, социальных связей и т. п.); особым порядком назначения на должности (служба по контракту, назначение на конкурсной основе, испытательный срок, наставничество, поручительство); организационным обеспечением служебной карьеры (наличие специальных знаний, рост по службе в зависимости от профессионализма, формирование резерва кадров на выдвижение на вышестоящие должности); особым правовым статусом личного состава, необходимостью соблюдения норм профессиональной этики не только в рамках служебного времени, но и за его пределами; наличием властных полномочий у сотрудников; иерархической подчиненностью по службе, единоначалием; напряженной служебной деятельностью, связан-

ной с длительным пребыванием в замкнутом и ограниченном пространстве, контактом с осужденными; наличием системы поддержания профессиональной компетентности личного состава (служебная подготовка, повышение квалификации и переподготовка кадров) [10].

Кадровая политика в уголовно-исполнительной системе – это деятельность соответствующих органов государства и должностных лиц, стратегическая цель которой заключается в формировании и развитии кадрового потенциала системы, принципов работы с кадрами, а также конкретных направлений (механизмов) ее реализации [23, с. 158].

С учетом указанных особенностей кадровая политика ФСИН России представляет собой систему основополагающих принципов, определяющих стратегические направления осуществления государственной деятельности в сфере кадрового обеспечения органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Концептуальные установки в виде принципов кадровой политики ФСИН России закреплены в действующем законодательстве, которое выступает важнейшим правовым средством позитивации теоретико-методологических установок в правовых нормах и образует ее самостоятельный уровень – правовые основы.

Правовая основа кадровой политики – это совокупность нормативных правовых актов, определяющих основополагающие начала различных направлений кадровой работы: вопросы приема на службу, карьерного роста в уголовно-исполнительной системе, обучения, переподготовки, повышения квалификации сотрудников, их правового статуса, а также социальной защиты и личной безопасности работников и др.

Правовые основы кадровой политики современной пенитенциарной системы России формировались поэтапно. С момента выделения уголовно-исполнительной системы в самостоятельную структуру, подведомственную Минюсту России, разрабатывались краткосрочные программные документы, определявшие основные задачи по работе с кадрами. При этом планирование кадровой работы отражалось в отдельных нормативных актах, касавшихся только данного направления деятельности системы: Концепции совершенствования работы с кадрами Министерства юстиции Российской Федерации (2002 г.), ведомственной программе «Кадровое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы на 2007–2009 годы» (2006 г.). В 2007 г. принимается Концепция развития кадрового обеспечения УИС на период до 2011 г., содержащая «официальную позицию ФСИН России относительно целей, задач, принципов, методов и приоритетных направлений работы с кадрами, формирования кадрового потенциала учреждений и органов УИС, эффективного управления персоналом» [3, с. 68–69].

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Рос-

сийской Федерации до 2020 года» является программным документом, в соответствии которым планируется развитие пенитенциарной системы России в целом, в том числе строится современная кадровая политика УИС. В разд. 7 «Кадровое обеспечение и социальный статус работников уголовно-исполнительной системы» были обозначены приоритетные направления кадрового обеспечения УИС до 2020 г., например определение нормативов штатной численности работников исправительных учреждений и следственных изоляторов на основе принятых норм законодательства Российской Федерации и международной практики; установление оптимальной нагрузки на работников УИС, находящихся в непосредственном контакте с осужденными и лицами, содержащимися под стражей; выработка требований к служебному поведению работников УИС, реализация политики сокращения штатной численности работников УИС за счет использования в работе инновационных технологий; обеспечение высокого социального статуса и престижа труда работника УИС, законодательное определение системы социальных гарантий, в том числе выделения жилья работникам УИС и членам их семей, развитие сети региональных медико-реабилитационных центров для профилактики профессиональной деформации, психологической перегрузки и организации семейного отдыха работников; широкое применение практики материального и морального стимулирования работников УИС, дальнейшее развитие системы мер поощрения; повышение качества службы и условий труда работников УИС, соответствующих характеру работы и уровню условий труда работников пенитенциарных учреждений развитых европейских государств; ротация руководящих кадров уголовно-исполнительной системы и др.

В 2021 г. разрабатывается и принимается новая целевая программа развития пенитенциарной системы России – Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р). Указанный программный документ определяет в качестве одной из целей развития пенитенциарной системы России совершенствование организации ее деятельности и формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала.

Отдельные вопросы кадровой политики уголовно-исполнительной системы фрагментарно закреплены и в других нормативных правовых актах, в частности постановлениях Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция», от 06.04.2018 № 420 «Об утверждении федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 г.)» и др.

В 2018 г. был принят Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации

«Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» (далее – Закон о службе в УИС), в котором также определяются принципы формирования кадрового состава уголовно-исполнительной системы: обязательный профессиональный отбор при равном доступе граждан к службе в уголовно-исполнительной системе; совершенствование профессиональных знаний и навыков сотрудников; назначение сотрудников на должности в уголовно-исполнительной системе с учетом уровня их квалификации, заслуг в служебной деятельности, личных и деловых качеств; соблюдение последовательности прохождения службы в уголовно-исполнительной системе и присвоения специальных званий.

В качестве основных направлений формирования кадрового состава уголовно-исполнительной системы данный закон определил: подготовку на плановой основе кадров для замещения должностей в УИС; создание условий для профессионального и должностного роста сотрудников; оценку результатов служебной деятельности сотрудников путем проведения аттестации; создание кадрового резерва и его эффективное использование; ведение перечня должностей в УИС, подлежащих замещению по конкурсу; применение современных кадровых технологий при приеме на службу в УИС и ее прохождении.

Таким образом, в настоящее время основные направления кадровой политики ФСИН России нормативно определяются в рамках общего курса развития пенитенциарной системы России как его важнейшая составляющая. Однако по-прежнему отсутствует единый правовой акт, который наряду с использованием программно-целевого метода на федеральном уровне определял бы систему работы с кадрами Федеральной службы исполнения наказаний. Актуальность, комплексность и социальная направленность проблем кадрового обеспечения требуют создания соответствующей правовой основы – Концепции кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, утвержденной приказом ФСИН России.

Содержательно указанный нормативный правовой акт может быть структурирован следующим образом:

1. Общие положения (основное содержание (определение) и предназначение (цель) концепции, нормативно-правовые основы концепции, термины, общий механизм реализации концепции, мониторинг (контроль) за реализацией концепции).

2. Современное состояние кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (анализ кадрового состава органов и учреждений ФСИН России в разрезе служб, половозрастного состава и т. п.).

3. Цели, задачи, основные принципы кадровой политики в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (в том числе подходы к соотношению различных категорий персонала УИС: сотрудники УИС, федеральные гражданские государственные служащие, работники).

4. Основные направления кадровой политики в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (содержание кадровой политики ФСИН России в области установления общих и специальных (квалификационных) требований к персоналу УИС; области формирования и профессионального развития руководящих кадров; области укрепления служебной дисциплины и законности, профилактики коррупционных правонарушений среди личного состава; области профессиональной подготовки кадров (Стратегия подготовки кадров Федеральной службы исполнения наказаний); подходы к системе служебно-должностного продвижения персонала УИС, ротации руководящих кадров, профессиональной адаптации молодых сотрудников, воспитательной работе и т. д.). При этом по каждому направлению должны быть продуманы план мероприятий, сроки, необходимая ресурсная база.

5. Этапы реализации концепции.

6. Ожидаемые результаты реализации концепции.

Стратегия подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы как элемент кадровой политики ФСИН России

Важным направлением кадровой политики ФСИН России является работа по восполнению кадрового потенциала за счет подготовки специалистов для пенитенциарных учреждений, в отношении которой в нормативных правовых актах также определяются цели и основные принципы – стратегия подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы.

Категория «стратегия» (от гр. *strategia*) широко используется в научном обороте в рамках экономических и управленческих теорий и раскрывается как долговременные, наиболее принципиальные, важные установки, планы, намерения правительства, администрации регионов, руководства предприятий в отношении производства, доходов и расходов, бюджета, налогов, капиталовложений, цен, социальной защиты [16, с. 409]. Стратегия – это генеральное направление действий организации, следование которому в долгосрочной перспективе должно привести ее к цели; общий, всесторонний план достижения целей [1, с. 41]. Стратегия управления персоналом раскрывается как специфический набор основных принципов, правил и целей работы с персоналом, конкретизированный с учетом типов организационной стратегии, организационного и кадрового потенциала, а также типа кадровой политики [1, с. 43].

Категория «стратегия» экстраполируется и на процессы кадрового обеспечения различных отраслей, учреждений, организаций. Например, данный термин использовался в актах Минобрнауки России, закреплявших планы подготовки рабочих кадров. Данным органом исполнительной власти реализовывалась Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 г. Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии был утвержден приказ «О стратегии кадровой политики Федеральной службы

государственной регистрации, кадастра и картографии на период до 2020 года». Категория «стратегия» может применяться и в рамках реализации кадровой политики уголовно-исполнительной системы в качестве ее составляющей относительно подготовки специалистов.

Под стратегией подготовки кадров Федеральной службы исполнения наказаний следует понимать долговременные, основополагающие установки, планы, намерения ФСИН России в отношении подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы с целью формирования кадрового состава УИС, способного эффективно решать возложенные на систему задачи в соответствии с требованиями отечественного законодательства и международных стандартов.

На сегодняшний день в нормативных документах, определяющих кадровую политику ФСИН России, нашли отражение основные направления деятельности органов и учреждений пенитенциарной системы России, реализация которых в долгосрочной перспективе должна привести к формированию прочного высококвалифицированного ядра, то есть наметилась стратегия подготовки кадров. Основополагающие установки по подготовке кадров нормативно закрепляются в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. и Законе о службе в УИС и представляют такие принципы в отношении подготовки кадрового состава, как плановая подготовка кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе; проведение комплекса мероприятий по дальнейшему развитию структуры профессионального образования работников УИС; обеспечение сбалансированности процессов сохранения и обновления количественного и качественного состава кадров, повышения их профессиональной компетенции; создание методологической и технологической основы для формирования и развития компетенций сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в целях выполнения мероприятий по цифровой трансформации и др. Однако правовые основы подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы фрагментарны, содержатся в различных нормативных правовых актах и не представляют собой целостную систему.

Решение обозначенной задачи возможно в рамках разработки Стратегии подготовки кадров Федеральной службы исполнения наказаний (далее – Стратегия подготовки кадров ФСИН России) как составного элемента Концепции кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний.

В Стратегии подготовки кадров ФСИН России должны найти отражение основные направления кадровой политики ФСИН России в области профессиональной подготовки кадров, такие как:

- совершенствование системы образовательных организаций высшего образования уголовно-исполнительной системы;
- разработка программы совершенствования материально-технической базы образовательных организаций ФСИН России;

- оперативная актуализация и расширение перечня учебных программ для сотрудников УИС, совершенствование системы специализаций образовательных организаций высшего образования, установление в рамках ее реализации основных образовательных программ уровня магистратуры и специалитета;

- формирование единой системы профориентации школьников, студентов средних профессиональных учебных заведений, предполагающей проведение дней открытых дверей, экскурсий, презентаций в образовательных учреждениях, в рамках которых должна представляться информация обо всех образовательных организациях высшего образования ФСИН России [20];

- совершенствование системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации сотрудников, расширение перечня образовательных программ с учетом потребностей уголовно-исполнительной системы в кадрах;

- разработка единой системы оценки качества профессиональной подготовки в образовательных организациях высшего образования УИС и др.

При этом должны устанавливаться сроки и этапы осуществления отдельных направлений, ресурсное обеспечение и другие аспекты практической реализации мероприятий.

Разработка Стратегии подготовки кадров ФСИН России как программного документа позволит создать правовые основы системной работы по восполнению кадрового состава УИС и определит основные направления совершенствования деятельности образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний.

Задачи и основные направления деятельности образовательных организаций ФСИН России по подготовке кадров

Стратегия подготовки кадров реализуется через комплекс организационных мероприятий и технических методов, связанных с осуществлением кадровой функции в системе органов и учреждений ФСИН России. Сущностное содержание кадровой политики в уголовно-исполнительной системе и стратегии подготовки кадров выражается в непосредственной деятельности органов и учреждений ФСИН России, кадровых служб и должностных лиц, которые воплощают на практике и претворяют в жизнь конкретные мероприятия. Кадровая политика и реализуемая в ее рамках стратегия подготовки кадров разрабатываются и осуществляются определенными субъектами – органами государственной власти, специальными подразделениями органов управления, должностными лицами и др. Систему субъектов стратегии подготовки кадров в Федеральной службе исполнения наказаний Российской Федерации образуют органы государственной власти общей компетенции, а также специализированные органы. Роль указанных субъектов в формировании и реализации стратегии подготовки кадров ФСИН России разнообразна: одни субъекты определяют и формируют основные принципы, направления деятельности, цели (субъекты общей компетенции), другие вырабатывают конкретные

механизмы ее реализации и осуществляют запланированные мероприятия на практике (субъекты специальной компетенции).

Значимую роль в реализации стратегии подготовки кадров играют и образовательные организации Федеральной службы исполнения наказаний, поскольку они призваны решать важные задачи, стоящие перед пенитенциарной системой России на современном этапе.

Анализ положений нормативных правовых актов (Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. и Закона о службе в УИС) позволяет обозначить основные направления деятельности образовательных организаций ФСИН России как специальных субъектов по реализации задач подготовки кадров:

- во-первых, на образовательные организации возлагается задача по подготовке на плановой основе кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе, а именно подготовка специалистов с высшим образованием;

- во-вторых, согласно программным установкам образовательные организации должны проводить постоянную работу по совершенствованию образовательных программ;

- в-третьих, образовательные организации должны принять активное участие в осуществлении мероприятий по дальнейшему развитию структуры профессионального образования работников уголовно-исполнительной системы;

- в-четвертых, образовательные организации должны активно включиться в процессы повышения квалификации и переподготовки кадров путем создания методологической и технологической основы для формирования и развития компетенций сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы;

- в-пятых, образовательные организации на основе взаимодействия с территориальными органами ФСИН России могут внести определенный вклад в совершенствование специальной и психофизической подготовки работников уголовно-исполнительной системы за счет максимального приближения содержания программ обучения к реальным условиям оперативно-служебной деятельности, улучшения методического обеспечения и условий проведения занятий.

Ведомственные высшие учебные заведения обладают большими возможностями и способны во взаимодействии с органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы подключиться к реализации различных направлений кадровой работы. Например, центральным элементом кадровой политики любой организации, в том числе и в рамках уголовно-исполнительной системы, является управление кадровым потенциалом, и в зависимости от конкретных условий функционирования она предполагает реализацию мероприятий, направленных на наращивание и развитие кадрового потенциала, его рациональное использование, высвобождение или замену излишней рабочей силы. Трудовой (служебный) потенциал сотрудни-

ка УИС – это комплексная совокупность деловых, профессиональных и личных качеств сотрудника, определяющих его способность эффективно решать служебные задачи. Кадровый потенциал УИС следует рассматривать как способность кадрового состава эффективно достигать целей УИС за счет полной реализации служебного потенциала сотрудников в рамках существующей организационно-функциональной структуры, выделенной численности персонала и применяемых кадровых технологий [5, с. 74]. Управление кадровым потенциалом осуществляется кадровыми подразделениями ФСИН России и ее территориальных органов, учреждений. Однако определенный вклад в данные процессы могут вносить и образовательные организации, занимаясь теоретической разработкой проблем диагностической оценки кадрового потенциала УИС и обеспечивая профессионально-квалификационное развитие сотрудников.

Важнейшим направлением кадровой политики ФСИН России на современном этапе является и эффективное управление кадровыми рисками [4, с. 117–118]. Оно требует научно обоснованного подхода и выработки специальных методик, разработки комплексных программ и т. п. Образовательные организации ФСИН России могут внести свой вклад в реализацию данного направления, предлагая кадровым подразделениям территориальных органов специальные программы повышения профессиональной компетентности сотрудников УИС, разрабатывая и совершенствуя методики диагностики кадровой ситуации.

Управление кадровым потенциалом и кадровыми рисками должно войти в концепцию кадровой политики в УИС, и по данным направлениям образовательным организациям ФСИН России могут быть поставлены конкретные задачи.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день стратегия подготовки кадров лишь фрагментарно определяется в плановых документах развития уголовно-исполнительной системы, как и кадровая политика в целом. В нормативных документах, закрепляющих современные принципы кадровой политики ФСИН России, содержатся стратегические задачи по подготовке кадров, основными субъектами реализации которых выступают образовательные организации УИС, в первую очередь организации высшего образования. Воплощение в жизнь указанных задач обеспечит восполнение и усовершенствование кадрового состава системы.

Работа по формированию концептуальных установок в области кадровой работы в рамках уголовно-исполнительной системы также ведется. Так, в 2021 г. НИИ ФСИН России совместно с образовательными организациями ФСИН России был подготовлен проект Концепции кадровой политики ФСИН России.

Однако существуют и объективные недочеты в закреплении основ кадровой политики: пересмотр программных документов, например Концепции раз-

вития УИС до 2020 г. привел к сокращению целевых установок в области кадрового обеспечения; программные документы существуют только в виде проектов.

Следовательно, актуализируется задача формирования программных установок работы с кадрами – концепции кадровой политики, в рамках которой должны быть прописаны и стратегия подготовки кадров для УИС, и основные направления развития системы ведомственного образования. Данную работу необходимо осуществлять в рамках стратегического планирования развития пенитенциарной системы России, так как положения программных документов должны быть согласованы, не могут дублировать друг друга и в своей совокупности должны представлять иерархическую систему нормативных правовых актов.

Центральным звеном правовых основ кадровой политики уголовно-исполнительной системы должны стать положения Закона о службе в УИС, определяющие принципы и основные направления формирования кадрового состава УИС (ст. 77). На основе законодательных положений должна быть разработана Концепция кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний, включающая в себя в качестве отдельного раздела стратегию подготовки кадров.

Стратегия подготовки кадров ФСИН России как элемент программного документа должна определять основные направления деятельности по восполнению кадрового состава УИС за счет обучения специалистов, а также содержать перечень соответствующих мероприятий, субъектами реализации которых будут выступать ведомственные организации высшего образования.

Образовательные организации ФСИН России обладают достаточным потенциалом для обеспечения основной цели кадровой политики, определяющей философию и принципы, реализуемые руководством ФСИН России в отношении кадровых

ресурсов УИС, а именно пополнения и укрепления кадрового потенциала системы. Образовательные организации высшего образования ФСИН России рассматриваются в нормативных документах как основные субъекты осуществления на практике современных задач:

- подготовки на плановой основе кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе;
- совершенствования образовательных программ;
- развития структуры профессионального образования работников уголовно-исполнительной системы;
- повышения квалификации и переподготовки кадров с учетом дальнейшей дифференциации видов наказаний, повышения роли видов наказаний, альтернативных лишению свободы;
- создания методологической основы для формирования и развития компетенций сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и др.

Помимо воплощения в жизнь собственных задач образовательные организации могут внести существенный вклад в совершенствование кадровой работы органов и учреждений ФСИН России, включившись в реализацию различных мероприятий по укреплению кадрового потенциала УИС.

Ведущей стратегической целью развития уголовно-исполнительной системы России является повышение эффективности работы органов и учреждений, исполняющих наказания. Для претворения ее в жизнь одной из ключевых задач Федеральной службы исполнения наказаний, определяющей суть ее кадровой политики, признается создание высокопрофессионального, стабильного, оптимально сбалансированного кадрового состава учреждений и органов УИС. Образовательные организации ФСИН России вносят существенный вклад в решение обозначенной задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бгашев, М. В. Управленческий словарь. Современная управленческая наука в понятиях и терминах / М. В. Бгашев – Саратов : Амирит, 2017. – 53 с.
2. Гербер, Р. Кадры в системе социального управления / Р. Гербер, Г. Юнг. – Москва : Прогресс, 1970. – 207 с.
3. Долинин, А. Ю. Развитие кадровой политики уголовно-исполнительной системы и ее современное содержание / А. Ю. Долинин // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений УИС : материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 67–75.
4. Долинин, А. Ю. Стратегии управления кадровыми рисками уголовно-исполнительной системы / А. Ю. Долинин // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 2 (35). – С. 116–120.
5. Долинин, А. Ю. Сущностно-смысловые характеристики понятия «кадровый потенциал уголовно-исполнительной системы» / А. Ю. Долинин // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 3 (94). – С. 72–77.
6. Зыбин, С. Ф. Научные основы организационно-правовой работы с кадрами органов внутренних дел : монография / С. Ф. Зыбин, А. В. Стремухов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт, 1994. – 94 с.
7. Костенников, М. В. Правовые и организационные основы кадровой политики в системе МВД России / М. В. Костенников, А. В. Куракин // Административное право и процесс. – 2017. – № 7. – С. 20–25.
8. Куртиков, Н. А. Социальный объект управления – коллектив / Н. А. Куртиков. – Москва : Московский рабочий, 1974. – 190 с.

9. Лойт, Х. Х. Государственная кадровая политика в России и ее реализация в органах внутренних дел (исторический и организационно-правовой аспект) : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Лойт Хиппар Харриевич. – Санкт-Петербург, 1998. – 370 с.
10. Моторова, Н. В. Взаимодействие образовательных организаций с территориальными органами по реализации кадровой политики ФСИН России / Н. В. Моторова // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 10 томах. Том 7. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – С. 29–34.
11. Нагорных, Р. В. К вопросу о формировании и реализации кадровой политики государственного управления в правоохранительной системе России / Р. В. Нагорных // Проблемы правового регулирования и организации кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы : сборник материалов международного научно-практического семинара (25 апреля 2007 г.). – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2007. – С. 3–8.
12. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2018 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : ФКУ НИИТ ФСИН России, 2019. – 294 с.
13. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2019 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : ФКУ НИИТ ФСИН России, 2020. – 325 с.
14. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2020 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : ФКУ НИИТ ФСИН России, 2021. – 386 с.
15. Паршаков, А. В. Некоторые аспекты формирования кадрового состава уголовно-исполнительной системы / А. В. Паршаков // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8 томах. Том 8. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 96–100.
16. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 512 с. – ISBN 978-5-16-105386-7.
17. Розенбаум, Ю. А. Формирование управленческих кадров. Социально-правовые проблемы / Ю. А. Розенбаум. – Москва : Наука, 1982. – 230 с.
18. Сиваков, Ю. Л. О необходимости актуализации проблем кадровой политики в уголовно-исполнительной системе Республики Беларусь / Ю. Л. Сиваков // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2015. – № 1 (29). – С. 53–57.
19. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации : официальный сайт – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 03.02.2022).
20. Шалаев, В. А. Актуальные проблемы системы профессиональной ориентации и профессиональной подготовки кадров в уголовно-исполнительной системе современной России / В. А. Шалаев // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. – 2009. – № 106. – С. 202–207.
21. Ширшов, С. Кадровое обеспечение как один из ключевых вопросов служебной деятельности подразделений УИС / С. Ширшов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2006. – № 2. – С. 10–15.
22. Щербаков, Г. В. Кадровая политика и эффективное управление персоналом кафедры образовательной организации ФСИН России / Г. В. Щербаков, А. Ю. Долинин // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 2 (93). – С. 53–58.
23. Ялунин, В. У. Реформа уголовно-исполнительной системы современной России: проблемы, тенденции, перспективы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ялунин Владимир Увеналиевич. – Москва, 2004. – 248 с.
24. Яцков, В. А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы / В. А. Яцков. – Москва : Мысль, 1986. – 315 с. – URL: <https://books.google.ru/books?hl=ru&id=evhLAAAMAAJ&focus=searchwithinvolume&q> (дата обращения: 25.12.2021).

REFERENCES

1. Bgashev M.V. *Upravlencheskii slovar'*. *Sovremennaya upravlencheskaya nauka v ponyatiyakh i terminakh* [Management dictionary. Modern management science in terms and concepts]. Saratov: Amirit, 2017. 53 p.
2. Gerber R., Yung G. *Kadry v sisteme sotsial'nogo upravleniya* [Personnel in the system of social management]. Moscow: Progress, 1970. 207 p.
3. Dolinin A.Yu. Development of personnel policy of the penal enforcement system and its modern content. In: *Aktual'nye problemy organizatsii deyatel'nosti organov i uchrezhdenii UIS: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati zaslužennogo deyatelya nauki RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora A.I. Zubkova i Dnyu Rossiiskoi nauki* [Topical problems of organization of activities of bodies and institutions of the penal enforcement system: materials of the interuniversity research and practice conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law, Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2017. Pp. 67–75. (In Russ.).
4. Dolinin A.Yu. Strategies for the management of personnel risks of the penal system. *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2018, no. 2 (35), pp. 116–120. (In Russ.).
5. Dolinin A.Yu. The essential semantic characteristics of the concept the personnel capacity of the penal system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2016, no. 3 (94), pp. 7–77. (In Russ.).

6. Zybin S.F., Stremukhov A.V. *Nauchnye osnovy organizatsionno-pravovoi raboty s kadrami organov vnutrennikh del: monografiya* [Scientific foundations of organizational and legal work with personnel of internal affairs bodies: monograph]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut, 1994. 94 p.
7. Kostennikov M.V., Kurakin A.V. Legal and organizational fundamentals of HR policy in system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Administrativnoe pravo i protsess=Administrative Law and Procedure*, 2017, no. 7, pp. 20–25. (In Russ.).
8. Kurtikov N.A. *Sotsial'nyi ob"ekt upravleniya – kollektiv* [Social object of management – a team]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1974. 190 p.
9. Loit Kh.Kh. *Gosudarstvennaya kadrovaya politika v Rossii i ee realizatsiya v organakh vnutrennikh del (istoricheskii i organizatsionno-pravovoi aspekt): dis. ... dokt. yurid. nauk* [State personnel policy in Russia and its implementation in the internal affairs bodies (historical and organizational-legal aspect): Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 1998. 370 p.
10. Motorova N.V. Interaction of educational organizations with territorial bodies for implementation of personnel policy of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov, k 140-letiyu ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii: materialy mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsii. V 10 tomakh. Tom 7* [4 international penitentiary forum "Crime, Punishment, Correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants, to the 140th anniversary of the penal system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia: materials of international scientific and practical conferences. In 10 volumes. Vol. 7]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 29–34. (in Russ.).
11. Nagornyykh R.V. To the question of forming and implementing the personnel policy of public administration in the law enforcement system of Russia. In: *Problemy pravovogo regulirovaniya i organizatsii kadrovogo obespecheniya deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara (25 aprelya 2007 goda)* [Problems of legal regulation and organization of staffing of activities of the penal enforcement system: collection of materials of the international research and practice seminar (April 25, 2007)]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2007. Pp. 3–8. (In Russ.).
12. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar' – dekabr' 2018 g.): informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penal enforcement system (January – December 2018): information and analytical collection]. Tver': FKU NIIT FSIN Rossii, 2019. 294 p.
13. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar' – dekabr' 2019 g.): informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penal enforcement system (January – December 2019): information and analytical collection]. Tver': FKU NIIT FSIN Rossii, 2020. 325 p.
14. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar' – dekabr' 2020 g.): informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penal enforcement system (January – December 2020): information and analytical collection]. Tver': FKU NIIT FSIN Rossii, 2021. 386 p.
15. Parshakov A.V. Some aspects of the formation of the personnel of the penal enforcement system. In: *III Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii): sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov. V 8-mi tomakh. Tom 8* [3 International penitentiary forum "Crime, Punishment, correction" (to the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation): collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 8 volumes. Vol. 8]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2017. Pp. 96–100. (In Russ.).
16. Raizberg B.A., Lozovskii L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremenniy ekonomicheskii slovar'* [Modern economic dictionary]. Moscow: INFRA-M, 2017. 512 p.
17. Rozenbaum Yu.A. *Formirovanie upravlencheskikh kadrov. Sotsial'no-pravovye problemy* [Formation of managerial personnel. Social and legal problems]. Moscow: Nauka, 1982. 230 p.
18. Sivakov Yu.L. On the need to update problems of personnel policy in the penal system of the Republic of Belarus. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'=Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 2015, no. 1 (29), pp. 53–57.
19. Brief characteristics of the penal enforcement system. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed February 3, 2022).
20. Shalaev V.A. Topical problems of the system of professional orientation and professional training of personnel in the penal system of modern Russia. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena=Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, no. 106, pp. 202–207. (In Russ.).
21. Shirshov S. Staffing as one of the key issues of service activities of units of the penal system. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy=Statements of the penal system*, 2006, no. 2, pp. 10–15. (In Russ.).
22. Shcherbakov G.V., Dolinin A.Yu. Personnel policy and effective management of the personnel of the Department of Educational Organizations FPS of Russia. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Punishment and Crime*, 2016, no. 2 (93), pp. 53–58. (In Russ.).
23. Yalunin V.U. *Reforma ugovovno-ispolnitel'noi sistemy sovremennoi Rossii: problemy, tendentsii, perspektivy: dis. ... kand. yur. nauk* [Reform of the penal system of modern Russia: problems, trends, prospects: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2004. 248 p.
24. Yatskov V.A. *Kadrovaya politika KPSS: opyt i problemi* [Personnel policy of the CPSU: experience and problems]. Moscow: Mysl', 1986. 315 p. Available at: <https://books.google.ru/books?hl=ru&id=evhLAAAAMAAJ&focus=searchwithinvolume&q> (Accessed December 25, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОТОРОВА – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

NATALYA V. MOTOROVA – Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Статья поступила 28.01.2022

Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ»

АЛЕКСЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АГАРКОВ

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ШИКОВ

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, antonshikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-7434>

Реферат

Введение: изучение научной литературы, нормативных актов и правоприменительной практики свидетельствует о том, что в настоящее время в связи с появлением ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» возникла необходимость рассмотрения указанного понятия. Кроме того, после признания международного общественного движения «АУЕ» (Арестантское уголовное единство, Арестантский уклад един) экстремистским и запрета его деятельности на территории Российской Федерации требуется определение признаков его функционирования в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Также целесообразно сформулировать основные направления оперативно-розыскного документирования выявленных признаков указанных понятий для их последующего использования в деятельности оперативных подразделений. *Цель:* на основе обобщения поступающих из оперативных и следственных подразделений запросов, имеющихся научных публикаций и опыта собственной практической деятельности сформулировать основные криминологические признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, деятельности ячейки экстремистской организации «АУЕ», а также перечислить условия эффективного использования полученных результатов оперативно-розыскного документирования указанных признаков в доказывании по уголовным делам. *Методы:* сравнительно-правовой, теоретические методы формальной и диалектической логики, частнонаучные методы: эмпирический, юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* в статье приведены авторские формулировки понятий преступной (криминальной) среды, криминальной идеологии, преступной (криминальной) иерархии, положения в преступной (криминальной) иерархии, организационно-распорядительных функций в уголовно-преступной среде, воровского уклада (уклада жизни), положенца, смотрящего, смотрящего за игрой. Сделан вывод о том, что носители указанных статусов, как и воры в законе, могут занимать высшее положение в преступной иерархии, обусловленное наличием у них организационно-распорядительных функций. Авторами выделены признаки деятельности ячейки экстремистской организации «АУЕ» в учреждении уголовно-исполнительной системы, раскрыто их содержание, намечены основные направления оперативно-розыскного документирования указанных факторов, а также сформулированы рекомендации по оформлению полученных результатов оперативно-розыскной деятельности для направления на исследование. *Выводы:* авторами подчеркивается, что перечисленные выше изменения в законодательстве позволяют принять эффективные меры к качественному изменению оперативной обстановки в местах лишения свободы путем привлечения к уголовной ответственности лидеров и активных участников ячеек экстремистской организации «АУЕ». Для этого оперативные подразделения должны проводить работу по выявлению и документированию конкретных фактов осуществления организационно-распорядительных функций лидерами, занимающими высшее положение в преступной среде, воспроизведения и насаждения криминальных правил и традиций, имеющих антиобщественный характер, и иных противоправных действий. Сведения, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, при условии их правильного оформления могут быть направлены специалистам для проведения исследований, результаты которых не только станут основаниями для возбуждения уголовных дел, но могут быть впоследствии использованы в качестве доказательств в уголовном процессе.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; документирование; высшее положение в преступной иерархии; вор в законе; смотрящий; экстремистская организация «АУЕ».

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Агарков А. В., Шиков А. А. Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ» // *Пенитенциарная наука*. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 77–86. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.008.

Original article

Recording Investigation into Activities of Criminal Leaders and AUE Extremist Organization Members

ALEKSEI V. AGARKOV

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

ANTON A. SHIKOV

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, antonshikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-7434>

Abstract

Introduction: the study of scientific literature, regulations and law enforcement practice indicates that at present, due to introduction of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “Occupation of the highest position in the criminal hierarchy”, there is a need to consider this concept. In addition, after recognition of the AUE international public movement (AUE international public movement (Convict’s Codex) as extremist and prohibition of its activities on the territory of the Russian Federation, it is important to determine features of its activities in institutions of the penal system. It is also advisable to formulate key directions of recording identified features of these concepts for their subsequent use in activities of operational units. *Purpose:* on the basis of generalization of incoming requests from operational and investigative units, available scientific publications and experience of our own practical activities, we will formulate the main criminological characteristics of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy, AUE cell’s activities, and identify conditions for effective use of results of operational search documentation of these features in proving criminal cases. *Methods:* comparative legal, theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods: empirical, legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Results:* the article presents the author’s formulations of concepts of criminal environment, criminal ideology, criminal hierarchy, position in the criminal hierarchy, organizational and administrative functions in the criminal environment, thieves’ way of life, position holders, watchers, and game watchers. It is concluded that bearers of these statuses, like thieves in law, can occupy highest positions in the criminal hierarchy, due to presence of organizational and administrative functions. The authors identified features of the activity of AUE cells in penal institutions and disclosed their content. Key directions for recording these factors are outlined, as well as recommendations on preparing investigation results for further research are formulated. *Conclusions:* the authors emphasize that the above-mentioned changes in legislation make it possible to take effective measures to qualitatively change the operational situation in places of deprivation of liberty by bringing criminal leaders and AUE active participants to criminal liability. To do this, operational units should carry out work on identifying and documenting specific facts of criminal leaders’ fulfillment of organizational and administrative functions, reproduction and imposition of criminal rules and traditions of an antisocial nature, and other illegal actions. The information obtained in the course of operational investigative activities, provided they are properly processed, can be sent to specialists for research, the results of which will not only become grounds for initiating criminal cases, but can subsequently be used as evidence in criminal proceedings.

Keywords: investigation; recording; highest position in the criminal hierarchy; thief in law; watcher; (AUE international public movement (Convict’s Codex).

12.00.12 – Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Agarkov A. V., Shikov A. A. Recording investigation into activities of criminal leaders and AUE extremist organization members. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 77–86. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.008.

Введение

Одной из особенностей деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС РФ) является их функционирование в условиях постоянного противодействия уголовно-преступной среды, которая включает в себя большую часть осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Личный опыт службы авторов в исправительных учреждениях, а также изучение научных и публицистических источников позволяют нам констатировать очевидный, но важный для последующих рассуждений факт: уголовная среда неоднородна и включает в свою иерархию группы, различающиеся по составу неформальных властных полномочий, прав и обязанностей. В имеющихся научных работах [4; 9; 14] приводятся различные варианты неформальной стратификации лиц в криминальной среде и их характеристик, однако не со всеми из них мы согласны. Не ставя задачу критиковать иные взгляды, мы считаем целесообразным изложить собственное видение обстоятельств, обуславливающих неформальные статусы лиц, занимающих высшее положение в указанной структуре, с целью их последующего использования оперативными подразделениями для документирования противоправной деятельности и привлечения виновных лиц к предусмотренной законом ответственности. Следует отметить, что использование в настоящей работе криминального жаргона ни в коей мере не преследует цели распространения АУЕ-идеологии, а носит исключительно научный характер.

Необходимо подчеркнуть, что одним из стимулов к подготовке настоящей статьи стали неоднократные запросы оперативных и следственных подразделений различных правоохранительных органов, направляемые в наш адрес. Введенная Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» дала большие возможности оперативным подразделениям, в том числе и мест лишения свободы, для борьбы с лидерами уголовно-преступной среды. Еще одной действенной мерой, способной, на наш взгляд, изменить существующую в настоящее время оперативную обстановку в местах лишения свободы, стало решение Верховного Суда Российской Федерации от 17.06.2020 № АКПИ 20-514с о признании международного общественного движения «АУЕ» (Арестантское уголовное единство, Арестантский уклад един) экстремистским и запрете его деятельности на территории РФ [13]. Таким образом, разносторонняя противоправная деятельность лиц, осужденных и содержащихся под стражей в следственных изоляторах, отрицательно относящихся к деятельности администрации учреждений УИС, была криминализована. В настоящее время оперативные подразделения УИС и иных правоохранительных органов ведут активную работу по выявлению и пресечению экстремистской деятельности членов

многочисленных ячеек экстремистской организации «АУЕ» в местах лишения свободы.

В процессе подготовки ответов на упомянутые выше запросы выяснилось, что в настоящее время в связи с формированием доказательственной базы по соответствующим уголовным делам существует необходимость научного толкования основных терминов, используемых в криминальной среде. В рамках настоящей статьи мы попытаемся изложить наш взгляд на содержание некоторых из них.

Проблемные вопросы доказывания занятия лицом высшего положения в преступной иерархии

Одним из основных дискуссионных вопросов является содержание такого, использованного законодателем в диспозиции ст. 210.1 УК РФ термина, как преступная иерархия. Его буквальное толкование, в ряде случаев применяемое адвокатами как позиция защиты, заключается в том, что преступная иерархия – иерархия преступников, то есть лиц, совершающих преступления в рамках данной иерархии, тогда как преступником человека может признать только суд. Таким образом, лица, не осужденные судом за совершение иных преступлений, преступниками не являются, следовательно, по данной статье привлечены к уголовной ответственности быть не могут.

Указанная позиция отчасти основывается на утверждении, приведенном в одном из учебных изданий: преступная иерархия – сложившаяся система взаимоотношений лиц, совершающих преступления, в зависимости от их статуса, то есть определенный порядок подчинения низших элементов этой системы высшим [16, с. 324]. Однако мы категорически не согласны с приведенным определением и считаем, что термины «преступная иерархия», «уголовно-преступная иерархия», «уголовная иерархия», «криминальная иерархия», «тюремная иерархия» и т. п. обозначают одно и то же понятие, которое мы попытаемся сформулировать в рамках настоящей публикации.

Наиболее лаконичным и емким определением слова «иерархия» представляется следующее: «порядок подчинения низших высшим по точно определенным степеням, градации» [8]. Следовательно, к членам уголовно-преступной среды мы полагаем правильным относить лиц, признающих и соблюдающих правила криминальной идеологии, признающих авторитет и выполняющих распоряжения лиц, имеющих более высокий статус в уголовно-преступной среде. Следует также пояснить, что криминальная идеология – часть криминальной субкультуры, включающая в себя систему понятий и представлений, сложившуюся в групповом сознании преступников; своеобразная философия, которая оправдывает, объясняет и поощряет преступный образ жизни. Исходя из этого криминальная (уголовная, преступная и др.) среда – исторически сложившаяся и относительно устойчивая часть социальной среды, отрицающая верховенство юридических норм, руководствующаяся неформальными правилами криминальной идеологии и использующая для своего функционирования материальные и моральные ресурсы.

Криминальная среда состоит из лиц с противоправным, асоциальным прошлым или настоящим, значительная часть которых отбывала наказание в местах лишения свободы, соблюдающих правила криминальной субкультуры, признающих авторитет и выполняющих распоряжения лиц, имеющих более высокий статус в уголовно-преступной среде.

Таким образом, преступная иерархия – порядок подчинения лиц, занимающих более низкое положение в криминальной среде, лицам, обладающим в ней более высоким положением, сложившаяся система взаимоотношений между ними. Следует еще раз подчеркнуть, что синонимами термина «преступная иерархия» являются термины «криминальная иерархия», «уголовная иерархия» и др., а факт непризнания лица судом виновным в совершении преступления не отменяет возможности принадлежности данного лица к преступной иерархии.

Следует отметить, что преступная иерархия существует не только в местах лишения свободы. Получив, как правило, в учреждении уголовно-исполнительной системы неформальный статус (на жаргоне «определив, кто по жизни, кем идешь по жизни»), лицо сохраняет этот статус как в любом исправительном учреждении, так и за его пределами в кругу общения криминальной среды. Более того, на вопрос «Кто ты есть по жизни (по жизни по нашей по арестантской)?» лицо обязано ответить правду, иначе может быть подвергнуто физическому воздействию, вплоть до убийства. Впоследствии статус может быть изменен в сторону как повышения, так и понижения, но сделать это могут только лица, имеющие более высокий неформальный статус.

Представляется необходимым кратко перечислить категории (неформальные статусы) лиц, входящих в состав преступной иерархии (от высшего к низшему): вор в законе, положенец, смотрящий, козырный фраер, бродяга, арестант (порядочный арестант), жулик, блатной, стремящийся, мужик, красный (козел, хозобслуга), обиженный (опущенный). Отметим, что указанный перечень носит приблизительный характер, поскольку зависит от криминальных традиций того или иного региона, учреждения УИС и др.

Следует подчеркнуть, что для оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы объектами оперативного интереса, а впоследствии, возможно, фигурантами, привлекаемыми к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ, являются лица, занимающие не только верхнюю ступень в преступной иерархии. По нашему мнению, основанному на сложившейся судебной практике, уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ подлежат не только так называемые воры в законе, но и другие лица, занимающие в криминальной среде положение, позволяющее им осуществлять организационно-управленческие, властные функции. Так, в частности, приговором Вологодского областного суда от 02.12.2021 по делу № 2-2/2021 пятеро лиц были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, причем только один из них был вором в законе, а остальные были назначены им и исполня-

ли функции смотрящих (вернее, положенцев), то есть лиц, ответственных за тот или иной объект, в том числе и некоторые учреждения УИС.

Для более точного определения круга лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ, представляется целесообразным сформулировать ряд определений, часть из которых была приведена в упомянутом выше приговоре:

- положение в преступной иерархии – неформальный социальный статус лица в криминальной среде, определяющий его права и обязанности. Положение в преступной иерархии определяется самооценкой, подтверждаемой лицами, имеющими равный либо более высокий неформальный социальный статус в криминальной среде;

- организационно-распорядительные функции в уголовно-преступной среде – неформальные полномочия лица, которые связаны с созданием и (или) привлечением в организованную группу криминальной направленности новых участников, и (или) руководством указанной группой, состоящей из участников уголовно-преступной среды, и (или) планированием деятельности указанной группы, распределением ролей между ее участниками, организацией связи между ее членами и с другими организованными группами, и (или) получением и распределением доходов, полученных от деятельности указанной группы, и (или) формированием антисоциальных ценностей у членов указанной группы, и (или) установлением и поддержанием коррупционных связей с представителями властных и правоохранительных структур для обеспечения деятельности группы или внедрения членов группы в государственные, в том числе правоохранительные, органы;

- воровской уклад (уклад жизни) – совокупность норм и правил поведения, создаваемых, распространяемых и насаждаемых лицами, пользующимися авторитетом в уголовно-преступной среде, направленных на регламентацию криминальной деятельности социальной группы членов экстремистской организации «АУЕ», урегулирование межгрупповых отношений при совершении преступлений и в повседневной жизни.

Следует кратко охарактеризовать основные категории лиц, входящих в криминальную иерархию, в том числе выполняющих неформальные организационно-распорядительные функции в уголовно-преступной среде.

Вор в законе – лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, пользующееся у представителей уголовно-преступной среды безоговорочным авторитетом, выполняющее организационно-распорядительные, нормативно-регулирующие и дисциплинарные функции в уголовно-преступной среде [7, с. 98]. Это особо опасный и авторитетный профессиональный преступник, получивший титул в результате специальной процедуры – «крещения» («коронации»), одним из обязательных условий которой является рекомендация нескольких воров в законе, уже признанных таковыми. Им является лицо, как правило, имеющее судимость, обладающее завышенной самооценкой,

достаточно высоким уровнем интеллекта, коммуникабельностью, способностью приспосабливаться к сложившейся ситуации, воздействовать на людей и использовать их в своих корыстных интересах. Вор в законе может возглавлять (а чаще курировать) определенное организованное преступное формирование, территорию, сегмент криминального бизнеса [6, с. 53]. Структура социальной группы воров в законе неоднородна: в теории криминологии выделяют воров в законе старой формации и новых воров в законе, пиковых (кавказских) воров в законе и бубновых (славянских) воров в законе. Кроме того, их можно разделить на группы по принадлежности к тому или иному клану («семье») [1].

Следует особо подчеркнуть, что на введение ст. 210.1 УК РФ верхушка уголовного мира отреагировала быстро и точно. Если раньше вору в законе не разрешалось скрывать свой статус даже перед правоохранительными органами и в большинстве случаев они отвечали уклончиво (я – гражданин, «а кто такой вор в законе?» и т. д.), то сейчас так называемые понятия (то есть неписаные нормы поведения членов экстремистской организации «АУЕ») разрешают отрицать наличие такого статуса и делать даже более громкие заявления. Так, например, интересен диалог между судьей и вором в законе Тенгизом Гигиберией по прозвищу Тенго Потийский [12], часть из которого цитируется по материалам сайта «Прайм крайм». В ходе следствия мужчина не признавал обвинение и отказался от дачи показаний. Все изменилось уже в суде. Гигиберия обратился к судье: «Ваша честь, я со всем согласен, я признаю свою вину, все правда, что сказал гражданин прокурор. Я с 1996 года коронован как вор в законе... Вину признаю, хотите, меня наказывайте». Судья спросила подсудимого, почему он не отказался от статуса вора в законе и как эта процедура происходит. «С 2019 года, как вышел закон, все мои мысли только о том, как освободиться, заявляю вам от всей души, никакими преступными действиями не заниматься... С 2019 года у меня не было мысли заниматься преступными действиями. Все, что я хочу, – освободиться». Был задан вопрос, как происходит раскоронование вора в законе. «Или кто-то говорит, что ты не вор, или ты сам говоришь», – ответил Тенго Потийский. Судья: «Кому Вы должны это заявить, чтобы с Вас сняли звание вора в законе?». Подсудимый: «Снимают или другие воров, или сам снимаешь... Я собирался это делать, когда освобожусь. Хотел увидеть воров. Я хотел освободиться и заниматься своими делами. Если какое-то чудо случится, и я освобожусь, я вам слово даю преступной деятельностью не заниматься и жить со своей семьей. Ваша честь, я порядочный человек и клянусь всем святым...» [5]. Тенгиз Гигиберия по прозвищу Тенго Потийский решением Липецкого областного суда от 04.06.2021 был оправдан по ст. 210.1 УК РФ (указанное решение было отменено по представлению прокуратуры), но на сайте «Прайм крайм» по-прежнему определяется как вор в законе [12].

Следующим по степени важности является статус положенца – лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, уполномоченного воров в

законе выполнять неформальные организационно-распорядительные, нормативно-регулирующие и дисциплинарные функции в пределах определенной территории (на определенном объекте), в том числе в местах принудительной изоляции от общества.

Смотрящий (смотряга) – лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, уполномоченное положенцем либо общим решением сходки, то есть совместным решением нескольких лиц, обладающих авторитетом в криминальной среде, выполнять неформальные организационно-распорядительные, нормативно-регулирующие и дисциплинарные функции в пределах определенной территории (на определенном объекте), в том числе в местах принудительной изоляции от общества.

Смотрящий за игрой – лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, уполномоченное положенцем, смотрящим либо совместным решением нескольких лиц, обладающих авторитетом в криминальной среде, выполнять отдельные неформальные организационно-распорядительные, нормативно-регулирующие и дисциплинарные функции в сфере организации нелегальных азартных игр в местах принудительной изоляции от общества.

Следует особо подчеркнуть, что смотрящий, смотрящий за игрой и положенец не являются неформальными статусами, которые могут быть закреплены за конкретным лицом. Это своеобразные неформальные должности, на которые могут назначаться лица, имеющие авторитет среди членов криминальной среды.

Переходя непосредственно к выводам оперативно-розыскного обеспечения привлечения к ответственности лидеров уголовной среды, следует в первую очередь отметить, что введение в УК РФ ст. 210.1 устранило ряд пробелов и противоречий, существовавших в правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях. Задача противодействия лидерам уголовно-преступной среды стояла перед оперативными подразделениями исправительных учреждений с 1940-х гг., однако при введении в 1992 г. законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности (ранее она регламентировалась исключительно закрытыми ведомственными актами) она не была затронута. Законодатель изложил задачи оперативно-розыскной деятельности предельно лаконично: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также розыск отдельных категорий лиц. К сожалению, задача противодействия деятельности лидеров уголовно-преступной среды не нашла своего отражения и в вышедшем в 1995 г. федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», декларирующем, что цель оперативно-розыскной деятельности – защита от преступных посягательств. Таким образом, до последнего времени оперативные подразделения не имели законных оснований для осуществления оперативно-розыскных мероприятий в отношении лидеров уголовно-преступной среды, так как занятие лидирующих позиций в криминальной иерархии не являлось преступлением. Воры в

законе назначали положенцев, те определяли смотрящих за городами, поселками, колониями и т. д. Реализуя неформальные организационно-распорядительные полномочия, перечисленные категории лиц формировали теневую администрацию, обладавшую в ряде случаев реальной властью, основанной на применении физической силы и иных противозаконных методов и средств. В настоящее время ситуация изменилась: лидеры уголовно-преступной среды не только прекратили активно декларировать свою принадлежность к элите криминальной среды, но и внесли изменения в неформальные правила криминальной субкультуры. Кроме упомянутого выше отрицания своего статуса в разговоре с сотрудниками правоохранительных органов отмечаются факты неподписания так называемых прогонов их авторами или инициаторами – положенцами и смотрящими. Чтобы не формировать доказательства своего высшего положения в преступной иерархии, последние используют подпись «брата лагеря» и т. п., а в ряде случаев вообще отказываются от практики использования прогонов в пользу устных сообщений.

Одним из главных условий эффективного оперативно-розыскного обеспечения привлечения к ответственности лидеров уголовной среды является круг вопросов, требующих документирования по результатам оперативно-розыскных мероприятий и последующего предоставления в орган предварительного расследования. Первым и самым значимым, по нашему мнению, выступает наличие фактов осуществления лицом неформальных организационно-управленческих властных функций. Это может выражаться в разрешении лицом споров третьих лиц, в том числе не входящих в криминальную иерархию (с последующим выполнением принятого решения), вынесении различных распоряжений и возможном контроле их выполнения, в том числе лицами, занимающими более низкие ступени в криминальной иерархии, назначении лицом ответственных за какие-либо объекты лиц (положенцев, смотрящих) и др. Указанные факты могут документироваться при проведении оперативно-розыскных мероприятий с помощью видео- и аудиозаписи, а также других технических и иных средств. Кроме того, подтвердить их возможно при осуществлении такого оперативно-розыскного мероприятия, как опрос, с обеспечением возможности последующих процессуальных действий.

Наличие неформальных статусов вора в законе, положенца, смотрящего является, по нашему мнению, лишь косвенным доказательством. Полагаем, что возможны ситуации, когда указанные статусы носят формальный характер, а реальные властные функции либо не осуществляются, либо их осуществляют лица из окружения лидера, являясь своеобразными серыми кардиналами. В этом случае лицо, обладающее неким статусом, не представляет значительной общественной опасности. В частности, на этом строилась линия защиты в ходе уголовного преследования одного из воров в законе, но доказательство фактов назначения им смотрящих не позволило реализовать эту стратегию.

Вместе с тем задокументировать факт наличия неформального статуса необходимо, что, по нашему мнению, не представляет серьезной проблемы. Для этого предлагается реализовать такое оперативно-розыскное мероприятие, как наведение справок на упоминавшемся выше сайте «Прайм Крайм», позиционирующем себя как зарегистрированное с 2006 г. средство массовой информации, все материалы которого («плод 20-летнего труда по сбору и обобщению информации по истории Воровского мира») защищены авторским правом [10]. На указанном ресурсе не только приведены данные всех воров в законе, но и отслеживаются места их нахождения, приводятся сведения об их деятельности, например: «в начале 90-х, после отбытия очередного срока, Ш. обосновался в Череповце, откуда больше четверти века контролировал Вологодскую область, вплоть до своего последнего ареста» [2].

Кроме того, факты наличия устойчивого привилегированного неформального статуса или занятия положением, предусматривающего осуществление неформальных организационно-распорядительных и властных полномочий, могут подтвердить как на предварительном следствии, так и в ходе судебного заседания сотрудники и осужденные, согласившиеся дать показания в качестве свидетелей. С этой целью оперативным сотрудникам необходимо провести определенную работу, направленную на выявление таких лиц, получение их согласия и обеспечение безопасности их участия в уголовном процессе, поскольку и сотрудники, и осужденные могут опасаться физической расправы в связи с оказанием ими помощи при расследовании преступлений.

Проблемные вопросы доказывания фактов деятельности в учреждении уголовно-исполнительной системы ячейки экстремистской организации «АУЕ»

Рассматривая оперативно-розыскное обеспечение доказывания фактов противоправной деятельности членов экстремистской организации «АУЕ» в местах лишения свободы, необходимо перечислить ее основные признаки, сформулированные нами в ходе подготовки ответов на запросы правоохранительных органов. Следует подчеркнуть, что международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (экстремистская организация «АУЕ») является децентрализованной организацией, состоящей из множества взаимосвязанных групп (ячеек), участники которых объединены общими целями обеспечения своей жизнедеятельности путем ведения противоправной деятельности, следования экстремистской идеологии, основанной на правовом нигилизме, допустимости и желательности противоправного поведения, ненависти и вражды к представителям органов государственной власти и гражданам, не разделяющим данные воззрения.

Признаками ячейки экстремистской организации «АУЕ», функционирующей в пенитенциарном учреждении, являются:

- наличие у лидера ячейки особого неформального социального статуса в уголовно-преступной

среде (вора в законе, смотрящего, положенца и др.), обуславливающего занятие им высокого устойчивого привилегированного (но не всегда высшего) положения в преступной (тюремной, криминальной) иерархии, выступает факультативным признаком, так как в некоторых случаях явно выраженного лидера нет, а действия ячейки планируются и реализуются группой лиц, занимающих привилегированное положение в криминальной иерархии (бродягами, арестантами и др.). На жаргоне криминального мира подобная ситуация носит название «лагерь на братве»;

- высокая степень консолидации участников ячейки, обусловленная наличием внутригрупповой иерархии, распределением социальных ролей и функций;

- приверженность участников ячейки экстремистской организации «АУЕ» неформальным нормам – воровскому укладу, выражающаяся в воспроизведении и насаждении ими криминальных правил и традиций (так называемых понятий) в местах принудительной изоляции от общества, осуществлении контроля за их соблюдением подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, а также в применении мер воздействия к нарушителям неформальных предписаний и запретов;

- наличие практики нелегального (запрещенного уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации) конспиративного общения участников ячейки экстремистской организации «АУЕ» с лицами, содержащимися в местах принудительной изоляции от общества и за их пределами, в том числе путем составления и использования особой документации (нелегальной корреспонденции) и проведения собраний (сходок);

- совместное совершение противоправных действий участниками ячейки экстремистской организации «АУЕ»;

- использование прозвищ («людских имен») для идентификации участников ячейки экстремистской организации «АУЕ»;

- изготовление, использование, хранение, распространение АУЕ-символики и АУЕ-атрибутики.

Характеризуя последний показатель, необходимо отметить, что международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» имеет свою символику в виде восьмиконечной звезды с черными лучами и эполетом с головой тигра, восьмиконечной звездой, крыльями и свастикой [5]. Таким образом, относить к символике движения «АУЕ» иные характерные для криминальной среды символы не представляется возможным.

Атрибутика экстремистской организации «Арестантское уголовное единство» не описана, что обуславливает необходимость сформулировать ее определение и основные признаки. Русский Викисловарь рассматривает атрибутику как совокупность существенных отличительных (часто внешних) признаков принадлежности к чему-либо, признаков, общих для какого-либо ряда предметов, явлений [3]. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает следующее толкование понятия «атрибут»: «необходимый, постоянный признак, принадлеж-

ность» [11, с. 30]. Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы считаем возможным сформулировать определение АУЕ-атрибутики: это совокупность существенных признаков, свойственных предметам материального мира, используемых членами экстремистской организации «АУЕ», а также их действиям, носящим традиционный (устоявшийся) характер.

АУЕ-атрибутику мы считаем возможным разделить на несколько групп:

- часто употребляемые в нелегальной переписке или переговорах словосочетания (например, «Мир и благополучие дому нашему общему!», «Процветания ходу воровскому», «АУЕ. Жизнь ворами!», «Воровскому процветать и крепнуть!» «Людскому быть и процветать»), символы (★ – сотрудники администрации учреждения УИС и работники других правоохранительных органов, X – «хата» (камера), М – «малява» (записка нелегального характера) и др.);

- учетные формы, используемые лидерами ячеек экстремистской организации «АУЕ» для обеспечения устойчивого функционирования: так называемые домовые книги (учет лиц, прибывших, убывших и находящихся в учреждении УИС), точковки (от слова «точковать», то есть фиксировать, вести учет поступивших или направленных в общак финансовых или иных материальных ценностей и др.), глобусы (схемы учреждений УИС);

- оформленные по устоявшимся правилам криминальной субкультуры записи слов (имен, фамилий и «людских имен» (прозвищ, уголовных кличек) воров в законе) и цифр (дат рождения или смерти, указанных помесячно). Заочные поздравления и поминовения воров в законе являются одной из традиций, характерных для ячеек экстремистской организации «АУЕ».

Таким образом, оперативным подразделениям необходимо сосредоточить усилия на обнаружении и документировании перечисленных выше признаков ячейки экстремистской организации «АУЕ», функционирующей в пенитенциарном учреждении. В частности, доказыванию подлежат следующие основные обстоятельства:

- осуществление неформальных организационно-распорядительных функций лидером группы (при его наличии);

- распределение социальных ролей и функций в группировке (исполнение неформальных функций смотрящего за ШИЗО, смотрящих за отрядами, смотрящего за столовой и др.);

- воспроизведение и насаждение членами группировки криминальных правил и традиций (понятий): периодические заочные поздравления и поминовения воров в законе, формирование и распределение общака, в том числе лицам, находящимся в ШИЗО-ПКТ, организация азартных игр с отчислением части выигрыша в общак, рассказы о действиях, которые необходимо предпринимать в той или иной ситуации, возникающей в криминальной среде (например, если проигравший не может расплатиться);

- наличие прогонов, маляв, нелегальное использование средств мобильной связи;

– использование прозвищ («людских имен») для идентификации участников ячейки экстремистской организации «АУЕ»;

– изготовление, использование, хранение, распространение АУЕ-символики (в виде восьмиконечной звезды с черно-белыми лучами и эполетом с головой тигра, восьмиконечной звездой, крыльями и свастикой) и АУЕ-атрибутики, основные виды которой были перечислены нами выше.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что приведенный нами список является примерным и ни в коем случае не исчерпывающим. Вполне возможно существование иных обстоятельств, подтверждающих деятельность ячейки экстремистской организации «АУЕ».

Также следует отметить, что выявленные обстоятельства должны рассматриваться в совокупности. Оценка зависит не только от наличия каких-либо признаков, но и от их смыслового содержания. Нельзя, например, говорить о наличии экстремизма только при выявлении нелегальной переписки, содержащей сведения бытового или даже личного характера. Не стоит указывать на наличие высшего положения в преступной иерархии у лица, не осуществляющего неформальные организационно-распорядительные функции, хотя и имеющего статус вора в законе или татуировки с соответствующей символикой, и т. д.

Еще одним немаловажным моментом выступает правильное оформление предоставляемых на исследование материалов: документы должны быть составлены максимально приближенно к форме, используемой для направления документов на экспертизу. В частности, оптимальной формой предоставления изображений различных предметов и документов (маяев, прогонов, домовых книг, игральные карты, четок и др.) является фототаблица. Каждый ее лист должен быть пронумерован, содержать краткие обстоятельства получения изображенного предмета (где, когда, в результате чего), подписан должностным лицом и заверен печатью. Целесообразно направлять на исследование только те материалы, которые предположительно могут нести информацию, имеющую отношение к цели исследования, и, конечно, необходимо грамотно и корректно ставить вопросы специалисту. Выполнение перечисленных рекомендаций не только сократит время подготовки заключения специалистом, но и впоследствии исключит возможность оспорить результаты.

Заключение

Необходимо подчеркнуть, что, согласно положениям ст. 74 УПК РФ, устанавливающей исчерпывающий перечень видов доказательств, результаты заключения специалиста относятся к иным документам, которые в соответствии со ст. 84 УПК РФ допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. При этом уголовно-процессуальный закон не устанавливает требований к процедуре запроса и составления подобного рода документов. Не претендуя на однозначность сформулированных в настоящей публикации выводов и рекомендаций, мы, однако, надеемся, что они будут способствовать как возникновению дальнейшей научной дискуссии, так и совершенствованию правоприменения в рассмотренной нами области.

Выводы

Подводя некоторые итоги, следует еще раз обратить внимание на ключевые, с нашей точки зрения, моменты.

Перечисленные выше изменения в законодательстве позволяют в настоящее время принять эффективные меры к качественному изменению оперативной обстановки в местах лишения свободы путем привлечения к уголовной ответственности лидеров и активных участников ячеек экстремистской организации «АУЕ». Для этого оперативные подразделения, в том числе и УИС, должны осуществлять работу по выявлению и документированию конкретных фактов их противоправной деятельности, выражающейся в осуществлении организационно-распорядительных функций лидерами, занимающими высшее положение в преступной (криминальной, уголовно-преступной) среде (ворами в законе, положенцами, смотрящими), воспроизведении и насаждении участниками ячеек криминальных правил и традиций, имеющих антиобщественный характер, и иных в перечисленных выше действиях. Данные, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, при условии их правильного оформления могут быть направлены специалистам для проведения исследований, результаты которых не только станут основанием для возбуждения уголовных дел, но смогут быть впоследствии использованы в качестве доказательств в уголовном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анжиров, И. В. Влияние клановой формы организации традиционных обществ Северного Кавказа и Закавказья на формирование этнической преступности в современной России / И. В. Анжиров // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 1. – С. 65–74.
2. Арестованный по ст. 210.1 УК РФ вор «в законе» Нодар Джинчвелашвили скончался в Вологде // Прайм крайм : сайт. – URL: https://www.primecrime.ru/news/2021-09-10_7802/ (дата обращения: 30.12.2021).
3. Атрибутика // Русский Викисловарь : сайт. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/атрибутика> (дата обращения: 30.12.2021).
4. Барабанов, Н. П. Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» / Н. П. Барабанов // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 1 (19). – С. 17–24.
5. Вниманию граждан // ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области : официальный сайт. – URL: <https://78.xn--b1aew.xn--p1ai/citizens/faq/security/item/21567467> (дата обращения: 30.12.2021).

6. Гирько, С. И. Законодательные основы оперативно-розыскного противодействия преступлениям общеправовой направленности, совершаемым лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии // С. И. Гирько, Е. Б. Белянский // Научный портал МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 52–59.
7. Ефимкин, М. С. Роль «воров в законе» в организации преступной деятельности / М. С. Ефимкин // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 4. – С. 98–99.
8. Иерархия // Толковый словарь Ушакова онлайн : сайт. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=19955> (дата обращения: 30.12.2021).
9. Кузьмин, С. И. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе / С. И. Кузьмин, Е. А. Малетина // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2019. – Том 13, № 1. – С. 21–28.
10. О проекте // Прайм крайм : сайт. – URL: <https://www.primecrime.ru/about/> (дата обращения: 30.12.2021).
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : ИНФОТЕХ, 2009. – 938 с. – ISBN 978-5-904343-02-6.
12. Полный список воров в законе // Прайм крайм : сайт. – URL: <https://www.primecrime.ru/characters/> (дата обращения: 30.12.2021).
13. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514с (принято на закрытом заседании) // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://www.vsrfr.ru/lk/practice/cases/10730656> (дата обращения: 30.12.2021).
14. Сучкова, Е. Л. Представления осужденных о неформальной нормативной системе, функционирующей в местах лишения свободы / Е. Л. Сучкова // Юридическая психология. – 2012. – № 2. – С. 37–40.
15. Тенго Потийский: «Ваша честь, я порядочный человек и клянусь всем святым...» // Прайм крайм : сайт. – URL: https://www.primecrime.ru/news/2021-02-08_7651 (дата обращения: 30.12.2021).
16. Уголовное право Российской Федерации : части Общая и Особенная : учебное пособие / [С. А. Пичугин и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Владимир : ВИТ-принт, 2013. – 608 с. – ISBN 978-5-905894-33-6.

REFERENCES

1. Anzhirov I.V. Influence of the clan form of organization of traditional societies of the North Caucasus and South Caucasus on the formation of ethnic crime in modern Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*, 2010, no. 1, pp. 65–74. (In Russ.)
2. Arrested under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation thief in law Nodar Jinchvelashvili died in Vologda. *Praim krait: sait* [Prime Crime: website]. Available at: https://www.primecrime.ru/news/2021-09-10_7802/ (In Russ.) (Accessed December 30, 2021).
3. Attributes. *Russkii Vikislovar': sait* [Russian Wiktionary: website]. Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/atributika> (In Russ.) (Accessed December 30, 2021).
4. Barabanov N.P. Criminal subculture of convicts in correctional institutions: “«thieves in law”, “thieves’ gangs”, leaders of the criminal environment, criminal “authorities”. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2015, no. 1, vol. 19, pp. 17–24. (In Russ.)
5. To the attention of citizens. *GU MVD Rossii po g. Sankt-Peterburgu i Leningradskoi oblasti: ofitsial'nyi sait* [Head Department of the Ministry of the Interior of the Russian Federation in Saint Petersburg and the Leningrad Oblast: official website]. Available at: <https://78.xn--b1aew.xn--p1ai/citizens/faq/security/item/21567467> (In Russ.) (Accessed December 30, 2021).
6. Gir'ko S.I., Belyanskii E.B. The legislative basis for operative-and search counteracting common crimes committed by persons holding the highest position in the criminal hierarchy. *Nauchnyi portal MVD Rossii=Scientific Portal of the Russian Ministry of the Interior*, 2016, no. 3 (35), pp. 52–59. (In Russ.)
7. Efimkin M.S. Role of “thieves in law” in organization of criminal activity. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 4, pp. 98–99. (In Russ.)
8. Hierarchy. *Tolkovyi slovar' Ushakova onlain: sait* [Online Explanatory Dictionary of Ushakov: website]. Available at: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=19955> (In Russ.) (Accessed December 30, 2021).
9. Kuz'min S.I., Maletina E.A. Classification of subcultural relations in the criminal community. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 21–28. (In Russ.)
10. About the project. *Praim krait: sait* [Prime Crime: website]. Available at: <https://www.primecrime.ru/about/> (In Russ.) (Accessed December 30, 2021).
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow: INFOTEKH, 2009. 938 p.
12. Complete list of thieves in law. *Praim krait: sait* [Prime Crime: website]. Available at: <https://www.primecrime.ru/characters/> (data obrashcheniya: 30.12.2021). (In Russ.) (Accessed December 30, 2021).
13. Decision of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation August 17, 2020 in case no. АКПИ20-514с (adopted at a closed meeting). *Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Supreme Court of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://www.vsrfr.ru/lk/practice/cases/10730656> (In Russ.) (Accessed December 30, 2021).
14. Suchkova E.L. Convicts’ ideas about the informal regulatory system functioning in places of deprivation of liberty. *Yuridicheskaya psikhologiya=Juridical Psychology*, 2012, no. 2, pp. 37–40. (In Russ.)
15. Tenco Potiiskii: “Your Honor, I am a decent man and I swear by all that is holy...”. *Praim krait: sait* [Prime Crime: website]. Available at: https://www.primecrime.ru/news/2021-02-08_7651 (In Russ.) (Accessed December 30, 2021).
16. Pichugin S.A. et al. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: ucheb.posobie* [Criminal law of the Russian Federation. Parts General and Special: textbook]. Vladimir: VIT-print, 2013. 608 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЕКСЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АГАРКОВ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ШИКОВ – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, antonshikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-7434>

ALEKSEI V. AGARKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Operational Investigative Activities of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

ANTON A. SHIKOV – Senior Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, antonshikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-7434>

Статья поступила 17.11.2021

Научная статья

УДК 342.5:343.8(569.4)

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.009

Тюремная служба Израиля: традиции и перспективы

ИРИНА ФЕДОРОВНА КОЛОНТАЕВСКАЯ

Еврейский университет, Москва, Россия

Московский университет имени С. Ю. Витте, Москва, Россия

kolont@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0234-3901>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются отдельные вопросы организации, функционирования и развития Тюремной службы Израиля в контексте максимальной приближенности к национальным реалиям и соответствующей терминологии. *Цель:* на основе анализа актуального состояния и результатов деятельности Тюремной службы Израиля выявить и проанализировать ее структурно-функциональные особенности, существующие проблемы административного управления и определить дальнейшие перспективы развития. *Методы:* сравнительно-правовой, формально-юридический, эмпирические методы интерпретации. *Результаты:* анализ развития пенитенциарной системы Израиля показал, что ее функционирование происходит в русле так называемой доказательной политики (evidence-based policy), или политики, основанной на фактических данных. Целью такой научно обоснованной политики является руководство деятельностью ведомства на основе выявленных и научно подтвержденных закономерностей, что позволяет разрабатывать эффективную стратегию выполнения возложенных на него задач, противостоять современным вызовам и угрозам, определять пути совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы страны. *Выводы:* современная Тюремная служба Израиля находится в стадии развития и трансформации. Меняющиеся ожидания и требования общества определяют циклические изменения пенитенциарно-правовой политики и, как следствие, потребность в общественной переоценке роли Тюремной службы в еврейском государстве. Насущной необходимостью стало решение таких задач, как повышение статуса и авторитета Тюремной службы, а также целенаправленное создание привлекательного и уважаемого в обществе имиджа государственных служащих (сотрудников) пенитенциарной системы. На основе проведенного анализа утверждается, что к настоящему времени в Израиле благодаря сотрудничеству Israel Prison Service (IPS) с фундаментальной наукой сложилась ведомственная пенитенциарная наука, которая обоснованно определяет перспективы и тенденции развития Тюремной службы.

Ключевые слова: Министерство внутренней безопасности; Тюремная служба Израиля; пенитенциарное ведомство; доказательная политика; пенитенциарная наука; административное управление.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Колонтаевская И. Ф. Тюремная служба Израиля: традиции и перспективы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 87–96. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.009.

Original article

Israel Prison Service: Traditions and Perspectives

IRINA F. KOLONTAEVSKAYA

Jewish University, Moscow, Russia

S.Y. Witte Moscow University, Moscow, Russia

kolont@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0234-3901>

Abstract

Introduction: the article addresses problems of organizing, functioning and developing the Israel Prison Service in the context of maximum proximity to national realities and appropriate terminology. *Purpose:* on the basis of analysis of the current state and results of the Israel Prison Service activities,

to identify and describe its structural and functional features, current problems of administrative management and further development prospects. *Methods*: comparative legal, formal legal, empirical interpretation methods. *Results*: the analysis of Israeli penitentiary system development has shown that its functioning is in line with the so-called evidence-based policy. This science-based policy is focused on managing activities of the department on the basis of identified and scientifically proved patterns. It is possible to work out an effective strategy for fulfilling the functions assigned to the department, resist modern challenges and threats, and determine ways to improve and develop the country's penal system. *Conclusions*: the modern Israel Prison Service is in the stage of development and transformation. Changing expectations and demands of society determine cyclical changes in penitentiary and legal policy, and as a result, a deep public reassessment of the role that the Prison Service plays in the Jewish state. Solution of the tasks, such as raising the status and authority of the Prison Service, as well as purposeful creation of an attractive and socially respected image of civil servants (employees) of the penitentiary system has become an urgent necessity. The conclusion is made that nowadays in Israel cooperation of Israel Prison Service and fundamental science has ensured development of departmental penitentiary science that reasonably determines prospects and trends in the development of the Prison Service.

Key words: Ministry of Public Security; Israel Prison Service; prison department; evidence-based policy; penitentiary science; administrative management.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Kolontaevskaya I. F. Israel Prison Service: traditions and perspectives. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 87–96. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.009.

Введение

Приступая к рассмотрению Тюремной системы Израиля, следует, прежде всего, внести некоторую терминологическую определенность. В связи с тем, что государственный язык Израиля – иврит – относится к семитской лексической семье и в корне отличается от языков романо-германской группы, в самых разных сферах жизнедеятельности государства, в том числе в освещении деятельности государственных органов, цифровой среде, различных отраслях научных знаний, средствах массовой информации, получил широкое применение общераспространенный английский язык. В силу этого российский исследователь, столкнувшийся с необходимостью читать оригинальную израильскую научную литературу и прессу, пользоваться сайтами правоохранительных органов Израиля, должен быть готов к особенностям перевода обозначений реалий этой страны на русский язык.

Как правило, названия израильских правоохранительных и силовых структур представляют собой аббревиатуры наименований на иврите. Например, Тюремная служба Израиля на этом языке именуется Шерут Батей ха-Сохар, сокращенно – ШАБАС. В то же время активно используется английский вариант Israel Prison Service (аббревиатура – IPS). На неискушенный взгляд может показаться, что ШАБАС и IPS – это разные ведомства. Во многих русскоязычных научных и информационных текстах Тюремная служба Израиля (Israel Prison Service) обозначается как Управление тюрем Израиля или Управление тюрем и пенитенциарных учреждений Израиля [8], что семантически верно, так как это и есть ведомство (служба), которое руководит тюрьмами.

Проблема перевода состоит также в том, что государственные органы Израиля, в том числе правоохранительные, не всегда аналогичны по своему назначению российским структурам с похожими названиями. К примеру, Министерство общественной

безопасности Израиля (Ministry of Public Security) часто переводят на русский язык как Министерство внутренней безопасности, что заставляет его сопоставлять с Министерством внутренних дел (МВД). Однако Министерство внутренних дел Израиля (Israel Ministry of the Interior) выполняет иные функции, нежели МВД России.

Отметим, что в данной статье, следуя устоявшейся российской терминологии, понятия «Тюремная служба Израиля», «Тюремное ведомство Израиля» и «Управление тюрем Израиля» используются как синонимичные, что не противоречит израильскому аналогу. Терминологически тождественными друг другу в данном контексте являются словосочетания «пенитенциарная система», «тюремная система» и «уголовно-исполнительная система».

Обращение к теме Тюремной службы Израиля обусловлено тем, что в настоящее время пенитенциарная система этой страны, как и России, остро ощущает потребность не только в разрешении назревших вопросов, но и в системном, последовательном и научно обоснованном административном реформировании. Тюремные ведомства наших стран имеют во многом аналогичные задачи и противостоят общим вызовам и угрозам современности. Опыт Израиля важен и полезен с точки зрения научных разработок и практических методик, различных аспектов тюремной деятельности [2]. В соответствии с разд. XXI Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, изучение и внедрение международного опыта пенитенциарных систем зарубежных стран в уголовно-исполнительную систему является одной из важнейших задач в процессе дальнейшего совершенствования деятельности Федеральной службы исполнения наказаний России.

Экскурс в историографию вопроса позволяет заключить, что различным аспектам функционирова-

ния израильской уголовно-исполнительной системы посвятили свои работы такие российские авторы, как А. М. Бобров, С. А. Борсученко, Е. С. Илюшина, В. И. Кацуба, А. В. Степанов, А. М. Сысоев, Е. А. Тимофеева, М. А. Яворский. Среди зарубежных исследований пенитенциарной системы Израиля большой интерес представляет труд Дэвида Вайсбурда и Бади Хасиси под названием «Извилистый путь к научно обоснованной политике в исправительных учреждениях: на примере Израильской Тюремной службы» [28]. При этом следует констатировать, что подавляющее число научных работ израильских авторов (Д. Уолк, И. Давидеско, Ш. Мизрахи, О. Таль, Т. Джона-тан-Замир и др.) в настоящее время не переведены с иврита на другие языки, что создает дополнительный коммуникативный барьер между учеными-пенитенциаристами.

Современная Израильская Тюремная служба (ШАБАС, ISP), представляющая собой государственный орган исполнения наказаний и содержания под стражей, управляет 32 тюрьмами с общим контингентом заключенных в количестве 22 тыс. чел. Кроме того, это ведомство отвечает за различные альтернативы тюремному заключению – общественные работы и домашний арест, им осуществляются электронный мониторинг и надзор за преступниками, осужденными ранее за сексуальные преступления.

Основные сферы деятельности Тюремного ведомства образуют:

1. Безопасное содержание – надзор за осужденными внутри и за пределами тюрем с целью предотвращения побегов и защиты их от физической расправы.

2. Надлежащее содержание – улучшение условий жизни осужденных за счет оптимального использования имеющихся ресурсов и реализации альтернатив тюремному заключению.

3. Коррекция – оказание осужденным медицинской и психологической помощи для успешной общественной реинтеграции.

4. Профилактика – сведение к минимуму показателей тюремной и рецидивной преступности.

5. Профессионализм – восприятие всего персонала тюремного ведомства как основы повышения эффективности деятельности в сложнейшей, постоянно меняющейся пенитенциарной среде и, соответственно, непрерывное повышение качества обучения персонала.

6. Технологизация – использование передовых, в том числе цифровых, технологий для улучшения работы тюремной службы Израиля.

На начало 2022 г. персонал Тюремного ведомства составлял 9500 сотрудников. Руководитель службы именуется комиссаром Тюремной службы Израиля (Israel Prison Service Commissioner) и состоит в звании генерал-лейтенанта [11].

Согласно Положению о тюрьмах 1971 г. (новая редакция) пенитенциарная служба Израиля находится в ведении Министерства внутренней безопасности. Правовую основу деятельности Тюремной службы составляют Закон об уголовном праве Израиля 1977 г.; Постановление о тюрьмах 1971 г.; Правила о тюрьмах

1978 г.; Директива о процедурах (арест и обыск), предоставляющая сотрудникам тюрем полномочия на арест, 1983 г.; Правила о тюрьмах (учреждения подразделений IPS), 1982 г.; Тюремные правила (материалы дисциплинарных слушаний), 1989 г.; Правила о тюрьмах, 1990 г. (Ранги тюремных служащих – в ред. 2007 г.); постановления комиссара и другие соответствующие нормы, правила и положения [7].

Результаты

Каждое общество ставит перед собой задачи не только борьбы с преступностью, но и повышения эффективности реализации различного вида наказаний за то или иное противоправное деяние. Одной из самых тяжких в силу природы человека разновидности кары, причиняющей наибольшее страдание, выступает лишение свободы. По определению авторитетного пенитенциариста из Великобритании Майкла вон Тангена Пейджа, ключевые цели тюрьмы – это исполнение наказания, предотвращение вреда обществу путем дистанцирования заключенных посредством содержания их под стражей, удовлетворение их основных потребностей и реабилитация [25]. К этому следует добавить, что в соответствии с указанием, размещенным на официальном сайте Министерства общественной безопасности Израиля, содержание задержанных и заключенных под стражей должно быть надежным, достойным, включать уважение человеческого достоинства, необходимые средства и возможности для возвращения к законопослушной жизни [11].

Несмотря на тенденцию к минимизации применения наказания в виде лишения свободы в отдельных странах (Финляндия [6], Испания [9]), оно все-таки остается в определенных случаях единственным способом обеспечения общественной безопасности. Для Израиля и ряда других стран, в том числе России, этот вопрос особенно актуален в связи с перманентной угрозой терроризма и экстремизма, ростом наркобизнеса, незаконного оборота оружия. В Израиле это наглядно проявилось во время антитеррористической операции «Страж стен» (май 2021 г.), в результате которой было ликвидировано 232 боевика, значительное число террористов задержано и отправлено в тюрьмы [22]. Однако в сентябре 2021 г. имидж тюремного ведомства Израиля был серьезно подорван в связи с побегом шести особо опасных заключенных из тюрьмы «Гильбоа» (Gilboa Prison). За несколько месяцев они прорыли туннель с помощью ложек, тарелок, металлических вешалок, строительного мусора [15]. И хотя беглецы после двухнедельного розыска были задержаны совместными усилиями армейских подразделений, спецслужб, пограничного и тюремного ведомств, случившееся подняло вопрос о сбоях в системе безопасности [13]. Побег из «Гильбоа», названный самым провальным событием в истории пенитенциарной службы Израиля, выявил ряд упущений, в том числе неспособность извлекать уроки из предыдущих попыток побега, оперативно исправлять допущенные ошибки, среди которых: помещение в одну камеру заключенных с высоким риском совершения побега, отсутствие бдительности во время несения службы, нерегулярность обысков,

досмотров и перекличек, «безлюдные» из-за нехватки персонала сторожевые вышки. Сюда же можно отнести и довольно вольготное поведение заключенных с ведома или в связи с попустительством тюремных работников. В свою защиту Тюремное ведомство заявило, что сбежавшие заключенные были осуждены на пожизненные сроки и их принципиальная установка состояла в том, что им нечего терять. Глава отдела планирования Тюремного ведомства Ч. Маркович по этому поводу сказал: «Эти и подобные им заключенные делают все, чтобы спланировать свой побег. Это битва умов между заключенными и тюремным персоналом. В данном случае мы проиграли, но мы стали сильнее» [18]. Обсуждение данного резонансного события, в том числе и в СМИ, а также извлечение из него уроков в Израиле продолжается. Существенной критике подверглась и архитектурная конструкция тюрьмы, имеющая недопустимые строительно-технологические дефекты.

Кроме побега, тюрьму «Гильбоа» потряс еще один репутационный скандал в связи с принуждением девушек-солдат, проходящих здесь службу, предоставлять заключенным услуги сексуального характера [24]. Подобные проблемы имеют место и в других пенитенциарных учреждениях, что позволило израильским СМИ сделать вывод о том, что израильские тюрьмы стали сегодня для террористов одновременно и клубами по интересам, и военными штабами, откуда они продолжают руководить военными операциями и террористическими актами [10].

Важнейшей проблемой конструктивного развития пенитенциарной системы в Израиле, по мнению как экспертов, так и простых израильтян, является то, что служба в национальном тюремном ведомстве никогда не пользовалась уважением и авторитетом в обществе. С первых дней своего существования Государство Израиль постоянно сталкивается с серьезными внешними экзистенциальными угрозами, преимущественное внимание к которым во многом препятствовало и препятствует тому, чтобы в полной мере сосредоточиться на делах внутренней безопасности, в частности функционировании пенитенциарной службы. Все эти годы уважением и авторитетом пользовались три титана израильского аппарата безопасности: Армия обороны Израиля – ЦАХАЛ, Ведомство разведки и специальных задач – МОССАД (Национальная разведывательная служба Израиля), Агентство общей безопасности Израиля – ШАБАК (Israel Security Agency), являющееся аналогом ФБР США и ФСБ России. Так, солдаты ЦАХАЛа во все времена были и остаются иконами мужества и героизма. В массовое сознание граждан Израиля успешно внедрился образ еврейского военного-бойца, но отнюдь не еврейского полицейского или работника тюремного ведомства. Политики, журналисты, представители искусства и массовой культуры мало интересовались такими вопросами, как охрана правопорядка, полицейская деятельность, тюремная система. Вследствие этого сотрудники полиции и тюремного ведомства в настоящее время не принадлежат к высоко почитаемой части израильского общества [14]. Этому способствует и крайняя закрытость, в частности

Тюремной службы. Разумеется, деятельность пенитенциарной системы предполагает высокий уровень секретности в целях неразглашения конфиденциальной информации, затрагивающей национальную безопасность. Вместе с тем это не должно препятствовать налаживанию отношений взаимного доверия и уважения между обществом и пенитенциарной системой.

Ситуация стала меняться в связи с пандемией COVID-19, когда полиция и тюремное ведомство оказались в самом центре внимания израильского общества. Если для полиции катализатором повышенного к ней интереса так или иначе стал коронакризис (антиковидные ограничения, вызвавшие повсеместные столкновения граждан с полицией, протесты Бальфура [3], катастрофа Мерона [5]), то для пенитенциарной системы ковидный фактор – это лишь совпадение. Проблемы самого разного рода давно назревали и, видимо, набрали критическую массу, а потому израильские власти, политики, СМИ, руководство Тюремной службы серьезно задумались об административной реформе ведомства, в том числе создании привлекательного имиджа его сотрудника. При этом на широкое обсуждение общественности были вынесены следующие вопросы: соотношение еврейских ценностей и работа в тюрьме; воспитание еврейских детей в духе понимания и уважения деятельности пенитенциарной системы; средства и методы установления доверия между тюремным ведомством и обществом. С этой же целью израильское телевидение запустило в прокат драматические ток-шоу «Маньяк» и «Паста», демонстрирующие специфику работы личного состава полиции и тюрем [14].

Во многом причиной непопулярности пенитенциарной службы не только в Израиле, но и в других странах является то, что само слово «тюрьма» вызывает практически у всех крайне негативные ассоциации. Но ведь и слово «война» воспринимается не менее, а то и более негативно. В то же время военнослужащие – защитники Родины, борцы за независимость – почитаются у всех народов как подлинные герои. Тюрьма в определенном контексте также может стать причастна к появлению светлого, позитивного символа, как, например, штурм (взятие) крепости-тюрьмы Бастилии – центральное событие Великой французской революции 1789 г. и одновременно национальный праздник Французской республики, ежегодно отмечаемый 14 июля начиная с 1880 г.

Израильской Бастилией называют операцию по организации весной 1947 г. (времена Британского мандата в Палестине) побега израильских повстанцев из британской тюрьмы «Акко», который оказал сильнейшее моральное воздействие на ишув (еврейское население), подняв его на борьбу за основание Государства Израиль [1]. Иными словами, специалистам по имиджологии и коммуникативным технологиям есть над чем подумать [12].

Разумеется, создание привлекательного имиджа сотрудника тюремного ведомства, повышение статуса и авторитета пенитенциарной деятельности – это не единственные способы решения проблем. Руководители и специалисты в сфере общественной без-

опасности Израиля уже в начале XXI в. высказывали мнение о том, что развитие пенитенциарной службы требует серьезного научного обеспечения. Поскольку пенитенциарная политика любого государства обусловлена национальной правовой системой, социально-экономической, институциональной и культурной средой, к определению перспектив развития тюремного ведомства должны привлекаться не только профессионалы-практики, но и представители фундаментальной и прикладной науки. После долгих поисков вариантов оптимальной стратегической парадигмы за научно-теоретическую основу совершенствования правоохранительной, в том числе пенитенциарной, деятельности была взята так называемая доказательная политика (*evidence-based policy*), или политика, основанная на фактических данных. Целью последней является руководство деятельностью ведомства на основе научно подтвержденных фактов и закономерностей, что позволяет разрабатывать эффективную и действенную стратегию функционирования и развития. Ее ключевым компонентом является признание правоохранительными органами ценностей науки [20]. Одной из таких ценностей выступает академическая свобода в производстве научных знаний. Несмотря на существенный объем секретных сведений в сфере общественной безопасности, наука должна быть прозрачной и открытой, насколько это возможно. Однако именно принцип академической свободы вызвал наибольшее беспокойство у Министерства общественной безопасности, главный научный сотрудник которого потребовал для себя права на дополнительную цензуру научных материалов, что могло существенно повлиять на качество научных результатов проводимых исследований [27].

Политика, основанная на фактических, научно обоснованных данных (доказательная политика), предполагает, что при принятии решений в области уголовного правосудия, правоохранительной и пенитенциарной деятельности учитываются фундаментальные и прикладные исследования. Такое требование обусловлено тем, что широкомасштабные специальные и коррекционные программы не могут быть плодотворно осуществлены без убедительных научных доказательств их реалистичности, целесообразности и рентабельности. Кроме того, реализуемые программы должны регулярно проходить многоуровневую оценку на эффективность и соответствие целям ведомства [4].

Базовые принципы пенитенциарной политики, основанной на фактических, научно обоснованных данных, представили в своем научном отчете в 2018 г. исследователи из Еврейского университета в Иерусалиме Д. Вайсбурд и Б. Хасиси [28]. Научно-методологической основой упомянутого исследования стала теория американского криминолога-экспериментатора Лоуренса Уильяма Шермана, который в поиске лучших методов работы полиции в 1998 г. впервые представил определение «полицейской деятельности, основанной на фактах», а затем разработал принципы доказательной деятельности полиции (*evidence-based policing*) [23]. В процессе

проведения исследования им широко применялись статистический анализ эмпирических исследований (рандомизированных контролируемых испытаний), снижающий вероятность системных ошибок, а также тестирование, анализ и отслеживание ресурсов полиции в условиях сокращения бюджета и контроля со стороны общественности, мониторинг реализации и измерения ключевых результатов, анализ затрат и полученных выгод от внедрения и др. При этом не игнорировались и традиционные исследовательские методы.

Ключевую роль в продвижении доказательной политики сыграл руководитель Тюремной службы Израиля в 2007–2011 гг. Бенъямин Каниак, который, несмотря на определенное сопротивление Министерства общественной безопасности, стал рассматривать ее как важный инструмент для внедрения пенитенциарной практики, идущей за наукой. Б. Каниак пригласил к сотрудничеству профессора Еврейского университета в Иерусалиме Д. Вайсбурда, чтобы обсудить, как наука, основанная на фактических данных, может быть лучше интегрирована в работу Тюремной службы. В свою очередь, Д. Вайсбурд выдвинул предложение о создании Академического консультативного совета ШАБАС, состоящего из ученых университетов и колледжей Израиля. Комиссар Каниак принял эту рекомендацию, и 15 ноября 2009 г. было созвано первое заседание Академического консультативного совета. Позднее в структуре Тюремного ведомства было создано специальное научно-исследовательское подразделение во главе с кандидатом наук Дрором Уолкомом. На отдел возлагалась роль проводника стратегии доказательной политики, а также связующего звена между наукой и пенитенциарной практикой.

По мнению ученых, применительно к деятельности Тюремной службы для успешной реализации политики, основанной на фактических, научно обоснованных данных, необходимо обеспечить три главных условия. Во-первых, тюремное ведомство должно уважать науку и быть приверженным ее ценностям. Во-вторых, ведомство и его сотрудники должны иметь представление о науке и ее методологических подходах. При этом недостаточно привлекать только внешних исследователей: Тюремная служба должна растить своих ученых, развивать внутриведомственные знания и возможности, которые позволяли бы оценивать качество и процессы разработок, используемых для принятия обоснованных решений. В то же время политика, основанная на фактических данных, не должна навязываться ведомству извне. Скорее, само ведомство должно стать ключевым игроком и соучастником научного процесса. В-третьих, ведомство и профессионалы-практики должны более активно вовлекаться в события мира науки, выступать на научных мероприятиях, встречаться с коллегами из университетов и научных центров, публиковать результаты исследований [21; 29].

Одной из задач научно-исследовательского отдела ШАБАС стало усиление социальной миссии Тюремной службы путем разработки программ реабилитации заключенных, в которых в целях трансформации

формальной роли тюрьмы, состоящей в изоляции осужденных от общества, особый акцент делался на лечении, психологической помощи, образовательной деятельности, участии осужденных в труде, повышении их способности интегрироваться в общество после освобождения. Уже в 2009 г. в пенитенциарной системе действовало 276 классов формального образования, в которых учились 4300 заключенных (более трети от их общего числа в 2009 г. – 12 000 чел.). В 2010 г. программами профессиональной подготовки и трудовой деятельности было охвачено около 2200 заключенных. Кроме того, примерно 3000 заключенных выполняли ежедневную хозяйственно-техническую работу в тюрьмах, а 2300 – работали на 54 предприятиях, подведомственных Тюремной службе. Программы медико-психологической реабилитации включали лечение от наркомании, алкоголизма и других видов зависимости, преодоление последствий насилия в семье и сексуальных преступлений.

Особое значение имели религиозные реабилитационные программы, основанные на принципах позитивной криминологии, общая цель которых состояла в том, чтобы преобразовать духовность заключенного и привести его к личностным изменениям, побудить к раскаянию, тем самым привлечь к некриминальному образу жизни и облегчить возвращение в общество [19, с. 154].

В то же время из-за отсутствия научно обоснованных методик оценивание эффективности реализуемых мероприятий проводилось нерегулярно, что нарушало один из основных принципов доказательной политики пенитенциарной деятельности. В связи с этим в декабре 2010 г. Тюремное ведомство объявило конкурс заявок на разработку методики оценивания коррекционных и реабилитационных программ. Финансирование в размере 1 млн шекелей было направлено группе ученых из Еврейского университета в Иерусалиме и команде Ашкелонского колледжа. Исследование, начавшееся в 2012 г., продолжалось пять лет. В своих выводах исследовательская группа особо подчеркнула, что ее работа заключалась не в том, чтобы оценивать и критиковать деятельность Тюремного ведомства, а в предоставлении научно обоснованной информации, которая могла быть использована при разработке более сильных и результативных программ, а также помогла бы ведомству определиться в его бюджетных запросах к правительству Израиля.

В реализации стратегической политики, основанной на фактических данных, определяющее место занимает человеческий фактор (Human Agency), который прежде всего проявляется в значимости роли ключевых лиц ведомства. К последним относятся, в первую очередь, комиссары IPS. При этом под человеческим фактором подразумевается роль личности руководителя, его «способность своими действиями оправдывать свое функционирование и оказывать влияние на ход событий» [26, с. 371, 373–375]. Именно от харизматичности ключевых лиц зависит, будет ведомство находиться в состоянии «праздников или голода» [16]. Центральной фигурой в создании научно обоснованной стратегии Тюремного ведомства

Израиля, основанной на фактических данных, был Комиссар Каниак. Без него и его решения работать с академическими деятелями политика, основанная на фактических данных, сама по себе в тот период не появилась бы. Для Тюремной службы Израиля характерна высокая ротация руководителей, которые находятся в этой должности, как правило, 2–4 года. Поэтому было очень важно, чтобы новый комиссар Аарон Франко (2011–2015) продолжил достижения в политике, которую инициировал его предшественник. Они были коллегами по израильской полиции, и Каниак убедил Франко в необходимости продолжения реализации нового стратегического проекта и нового подхода к пенитенциарной службе. Очевидно, что и здесь сыграл свою роль человеческий фактор, то есть проявилась закономерность доказательной политики.

Твердое заявление Тюремной службы о приверженности доказательной политике, ориентированной на науку, было сделано и следующим комиссаром IPS Офрой Клинггер (2015–2018), которая назначила руководителем научно-исследовательского отдела Тюремного ведомства доктора криминологии Катрин Бен Цви, изначально принимавшую участие в проекте [28].

В настоящее время Пенитенциарная служба Израиля (IPS) продолжает политику, основанную на фактических данных, путем детализации процессов и разработки крупномасштабной исследовательской программы в Управлении Тюремного ведомства и уголовно-исполнительной системе Израиля в целом. Так, в октябре 2017 г. Университет им. Бар-Илана в Рамат-Гане впервые в мировой практике заключил соглашение с Министерством общественной безопасности о расширении использования университетом тюрьмы «Римоним» в качестве объекта научных изысканий. Цель исследования состояла в том, чтобы помочь заключенным в реабилитации и сократить сроки отбывания ими наказания в тюрьме.

Впервые администрация тюрьмы выступила соавтором исследования. Тюремные надзиратели не только собирали и анализировали данные, но и публиковали результаты наравне с профессорами университета. Некоторым сотрудникам тюрьмы «Римоним» была предоставлена возможность получить ученую степень в соответствии со своим образованием и право преподавать в университете. К этой программе проявили интерес многие зарубежные университеты [30].

Сотрудники израильской тюремной службы не только проводят научные исследования в социально-управленческих науках, но и достигают высоких результатов в сфере цифровых технологий. Разработки электронных устройств для нужд израильского пенитенциарного ведомства, проводимые отделом технологического развития ШАБАС, направлены на решение вопросов общественной безопасности и создание безопасной среды для заключенных. При этом неукоснительно соблюдаются законы, права человека, уважается человеческое достоинство. Так, группой ученых Тюремного ведомства и технологического университета в Хайфе «Технион» был реализован проект по созданию инновационного устрой-

ства «Электронный нос», распознающего по дыханию осужденного посторонние предметы, находящиеся внутри его организма. Если ранее для обнаружения наркотиков, миниатюрных мобильных телефонов и другой контрабанды внутри тела осужденного или его посетителей требовалась агрессивная и унизи-тельная инвазивная процедура с медицинским вме-шательством, то сейчас «Электронный нос» позво-ляет точно, быстро и безболезненно (по дыханию) подтвердить или опровергнуть наличие посторонне-го предмета [11].

Одним из важнейших элементов современной стратегии развития пенитенциарной системы Из-раиля является усиление внимания к человеческому фактору и кадровым вопросам. Структурное подраз-деление Пенитенциарной службы Израиля «Депар-тамент человеческих ресурсов и подготовки кадров» долгое время назывался «Департаментом рабочей силы», что отражало устаревший, обезличенный и технократический подход к работе с людьми. По сло-вам министра общественной безопасности Омер Бар-Лева (назначен 13.06.2021), в настоящее время основным условием достижения успехов в сфере обеспечения общественной безопасности являются именно человеческие ресурсы. Для реализации этой основополагающей установки необходимы процессы продуманной стратегической реорганизации, основ-ными принципами которой стали постановка во главу угла сотрудников и понимание особенностей работы в пенитенциарных учреждениях. Такой подход – это настоящий прорыв для силовой структуры с персона-лом численностью более 9500 чел. на разнообразных должностях, позволяющий готовить каждого сотруд-ника с упором на его специализацию [17].

Характерная черта современной кадровой поли-тики Тюремной службы – продвижение женщин на руководящие позиции, о чем свидетельствует на-значение в 2021 г. комиссаром Тюремного ведомства Кэти Пэрри, имеющей внушительный послужной спи-сок в израильской армии, спецслужбах и пенитенци-арной системе. Ранее женщины уже назначались на этот руководящий пост. Первой женщиной-комис-саром Тюремной службы Израиля стала Орит Адато (2000–2003 гг.), в 2015–2018 гг. Тюремное ведомство возглавляла Офра Клигер.

На должность руководителя департамента управ-ления человеческими ресурсами и подготовки ка-дров Пенитенциарной службы Израиля в 2021 г. была назначена непререкаемый авторитет по кадровой работе бригадный генерал Фрумид Коэн. Это стало не просто очередной сменой главы, а символом пе-ремен, которые, по мнению руководства Министер-ства общественной безопасности, оправдают себя с течением времени [30].

Выводы

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что современная Тюремная служба Израиля (ШАБАС) находится в стадии развития и трансфор-мации. Меняющиеся ожидания и требования обще-ства определяют циклические изменения в пенитен-циарно-правовой политике. Настало время глубокой организационной и общественной переоценки роли полиции и Тюремной службы в еврейском государ-стве. Насущной необходимостью стало решение та-ких задач, как повышение статуса и авторитета Тю-ремной службы, а также целенаправленное создание ее привлекательного имиджа.

С учетом современных вызовов и угроз Тюремное ведомство Израиля наряду с решением традицион-ных задач, таких как обеспечение общественного порядка путем осуществления исполнения наказа-ния в соответствии с законом, предотвращение об-щественной опасности путем изоляции заключен-ных и содержания их под стражей, удовлетворение их основных потребностей и реабилитации, стоит перед необходимостью совершенствовать и повы-шать эффективность коррекционных и реабилита-ционных программ, направленных на социальную ресоциализацию и адаптацию освобождающихся осужденных.

Можно утверждать, что к настоящему времени в Израиле благодаря сотрудничеству ШАБАС (IPS) с фундаментальной наукой наряду с укреплением ка-дрового потенциала сложилась ведомственная пени-тенциарная наука, которая обоснованно определяет перспективы и тенденции развития Тюремной служ-бы. Свидетельством этому служат:

- взятие за основу совершенствования пенитен-циарной деятельности так называемой доказатель-ной политики (evidence-based policy), или политики, основанной на фактических данных, целью которой является руководство деятельностью ведомства на основе научно подтвержденных фактов и закономер-ностей, что позволяет разрабатывать эффективную и действенную стратегию функционирования и раз-вития ШАБАС;

- принятие решений в области уголовного право-судия, правоохранительной и пенитенциарной дея-тельности с учетом результатов фундаментальных и прикладных исследований;

- привлечение к научным проектам не только внешних исследователей, но и практических работ-ников ШАБАС, которые должны стимулироваться руководством в этом направлении (систематически выступать на научных мероприятиях, встречаться с коллегами из университетов и научных центров, вне-дрять в практическую работу ведомства результаты научных исследований).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кернес, А. Израильская Бастилия: как евреи взяли штурмом тюрьму в Акко / Адель Кернес // U-Jew! Проект Объ-единенной еврейской общины Украины : сайт. – URL: <https://ujew.com.ua/history/izrailskaya-bastiliya-kak-evrei-vzyali-shturmom-tyurmu-v-akko> (дата обращения: 14.12.2021).
2. Куликов, В. Пусть сидят тихо. Тюремное ведомство изучает опыт Израиля по содержанию террористов / Владис-лав Куликов // Российская газета. – 2015. – 19 января (№ 8).

3. Лейбович-Дар, С. Протестовать или не быть: месяц в протестах, охвативших нацию / Сара Лейбович-Дар // Либеральный журнал. – 2020. – 10 ноября. – URL: <https://theliberal.co.il/%D7%9C%D7%9E%D7%97%D7%95%D7%AA> (дата обращения: 14.12.2021) (на иврите).
4. Лобанова, Ю. В. Манипуляция сознанием: усиление воздействия в информационном пространстве / Ю. В. Лобанова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2019. – № 6 (93). – С. 117–120.
5. Мингазов С. «Ужасная катастрофа»: в Израиле в давке на горе Мерон погибли около 40 человек / Сергей Мингазов // Forbes.ru : сетевое издание. – 2021. – 30 апреля. – URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/428317-uzhasnaya-katastrofa-v-izraile-v-davke-na-gore-meron-pogibli-okolo-40> (дата обращения: 14.12.2021).
6. Пенитенциарные системы и пенитенциарные реформы в зарубежных странах : аналитический обзор / Составители: Александра Овсянникова, Элла Россман. – Москва : Центр стратегических разработок «Институты и общество», 2017. – 42 с.
7. Переводы законов // Кнессет : официальный сайт Парламента Израиля. – URL: <https://main.knesset.gov.il/ru/activity/pages/law.aspx?LawId=1> (дата обращения: 14.12.2021).
8. Степанов, А. В. Управление тюрем и пенитенциарных учреждений Израиля – ШАБАС / А. В. Степанов, А. М. Бобров // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2016. – № 5 (168). – С. 44–47.
9. Стратегические разработки России с поправкой на опыт Испании // Русская Испания : сайт. – URL: <https://russpain.com/old-news/news-18150/> (дата обращения: 14.12.2021).
10. Тюремь Израиля // PRO-ISRAEL : интернет-журнал. – URL: <http://www.pro-israel.ru/tyurmi-v-israele.html> (дата обращения: 02.02.2022).
11. Управление тюрем // Министерство общественной безопасности Израиля : официальный сайт. – URL: https://www.gov.il/ru/departments/general/about_prison_service (дата обращения: 14.12.2021).
12. Юридическая психология : учебник / И. И. Аминов, Н. А. Давыдов, К. Г. Дедюхин [и др.]. – Москва : Юнити-Дана, 2012. – 416 с. – ISBN 978-5-238-02302-1.
13. Ahronheim, A. Palestinian fugitives might have been caught, but story isn't over – analysis / Anna Ahronheim // The Jerusalem Post. – 2021. – September 20. – URL: <https://www.jpost.com/israel-news/the-prisoners-are-caught-but-the-story-is-far-from-over-679810> (дата обращения: 14.12.2021).
14. Breuer, E. Israel Prisons Service & Police: Time for reevaluation? / Eliav Breuer // The Jerusalem Post. – 2021. – December 2. – URL: <https://www.jpost.com/israel-news/israel-prisons-service-and-police-time-for-reevaluation-687648> (дата обращения: 14.12.2021).
15. Fabian, E. «Direct responsibility»: Prisons Service chief blames Gilboa warden for jailbreak / Emanuel Fabian // The Times of Israel. – 2022. – January 12. – URL: <https://www.timesofisrael.com/direct-responsibility-prisons-service-chief-blames-gilboa-warden-for-jailbreak/> (дата обращения: 14.12.2021).
16. Farrington, D. A Short History of Randomized Experiments in Criminology: A Meager Feast / David P. Farrington // Evaluation Review. – 2003. – Volume 27, no. 3. – Pp. 218–227. – doi: 10.1177/0193841X03027003002.
17. History in the making at the Israel Prison Service – establishment of a Human Resources and Training Branch // Ministry of Public Security of Israel : official website. – URL: <https://www.gov.il/en/departments/news/cohen-head-hr-dept-ips-010721> (дата обращения: 14.12.2021).
18. Israel Prison Services head remains in post despite prison outbreak // The Jerusalem Post. – 2021. – September 9. – URL: <https://www.jpost.com/breaking-news/likud-mk-miri-regev-establish-inquiry-to-investigate-prison-security-678972> (дата обращения: 14.12.2021).
19. «Judaism Intertwines with Worldly Good»: A Qualitative Study on Religious Rehabilitation Programs in the Israeli Prison Service / Noam Haviv, Efrat Shoham, Badi Hasisi, David L. Weisburd, Yaara Toren-Rozanski // International Journal of Criminology and Sociology. – 2020. – No. 9. – Pp. 154–170. – doi: 10.6000/1929-4409.2020.09.14.
20. Neyroud, P. Technology and Policing: Implications for Fairness and Legitimacy / Peter Neyroud, Emma Disley // Policing: A Journal of Policy and Practice. – 2008. – Volume 2, issue 2 – Pp. 226–232. – doi: 10.1093/police/pan017.
21. Neyroud, P. Transforming the Police through Science: The Challenge of Ownership / Peter Neyroud, David Weisburd // Policing: A Journal of Policy and Practice. – 2014. – Volume 8, issue 4. – Pp. 287–293. – doi: 10.1093/police/pau048.
22. Operation Guardian of the Walls // Israel Ministry of Foreign Affairs : official website. – URL: <https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Terrorism/Palestinian/Pages/Operation-Guardian-of-the-Walls-10-May-2021.aspx> (дата обращения: 14.12.2021).
23. Sherman, L. Evidence-Based Policing : essay / Lawrence W. Sherman // National Police Foundation : official website. – URL: <https://www.policefoundation.org/publication/evidence-based-policing/> (дата обращения: 14.12.2021).
24. Silkoff, Sh. Police re-open Gilboa Prison 'pimping' case following demands by Public Security Min / Shira Silkoff // The Jerusalem Post. – 2021. – November 24. – URL: <https://www.jpost.com/breaking-news/female-idf-soldiers-pimped-out-to-satisfy-gilboa-prisoners-warden-686848> (дата обращения: 14.12.2021).
25. Tangen Page, M. The role of penal policy in the resolution of low-intensity conflicts / Michael Von Tangen Page // Civil Wars. – 2000. – Volume 3, no. 4. – Pp. 31–48. – DOI: 10.1080/13698240008402453.
26. Telep, C. Generating Knowledge: a case study of the National Policing Improvement Agency program on systematic reviews in policing // Cody Telep, David Weisburd // Journal of Experimental Criminology. – 2014. – Volume 10, issue 4. – Pp. 371–398.
27. Weisburd, D. The Israeli Model for Policing Terrorism: Goals, Strategies and Open Questions / David Weisburd, Tal Jonathan and Simon Perry // Criminal Justice and Behavior. – 2009. – Volume 36, no. 12. – Pp. 1259–1278. – doi: 10.1177/0093854809345597.
28. Weisburd, D. The Winding Road to Evidence-Based Policy in Corrections: a Case Study of The Israel Prison Service / David Weisburd, Badi Hasisi // Israel Law Review. – 2018. – Volume 51, issue 1. – Pp. 111–125. – doi: 10.1017/S0021223717000218.

29. Weisburd, D. *Police Science: Towards a New Paradigm* / David Weisburd, Peter Neyroud. – Charleston : Bibliolife DBA of Bibilio Bazaar II LLC, 2012. – 28 p. – ISBN 9781249256977.
30. Zur, Y. In World First, Israeli University Strikes Deal to Use Prison for Academic Research / Yarden Zur, Yaniv Kubovich // *Haaretz*. – 2017. – October 8. – URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/.premium-in-world-first-university-strikes-deal-to-use-prison-for-research-1.5456088> (дата обращения: 14.12.2021).

REFERENCES

1. Kernes A. The Israeli Bastille: How the Jews stormed the prison in Akko. *U-Jew! Proekt Ob'edinennoi evreiskoi obshchiny Ukrainy: sait* [U-Jew! Project of the United Jewish Community of Ukraine: website] Available at: <https://ujew.com.ua/history/izrailskaya-bastiliya-kak-evrei-vzyali-shturmom-tyurmu-v-akko> (In Russ.). (Accessed December 14, 2021).
2. Kulikov V. Let them sit quietly. The Prison Department is studying Israel's experience in keeping terrorists. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2015, no. 8. (In Russ.).
3. Leibovich-Dar S. To protest or not to be: a month in the protests that swept the nation. *Liberal'nyi zhurnal=Liberal Journal*, 2020. Available at: <https://theliberal.co.il/%D7%9C%D7%9E%D7%97%D7%95%D7%AA> (In Hebrew). (Accessed December 14, 2021).
4. Lobanova Yu.V. Manipulation of consciousness: strengthening the impact in the information space. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie=Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition*, 2019, no. 6(93), pp. 117–120. (In Russ.).
5. Mingazov S. "Terrible catastrophe": in Israel, about 40 people were killed in a stampede on Mount Meron. *Forbes.ru: setevoe izdanie* [Forbes.ru: online publication], 2021. Available at: <https://www.forbes.ru/newsroom/obschestvo/428317-uzhasnaya-katastrofa-v-izraile-v-davke-na-gore-meron-pogibli-okolo-40> (In Russ.). (Accessed December 14, 2021).
6. *Penitentsiarnye sistemy i penitentsiarnye reformy v zarubezhnykh stranakh: analiticheskii obzor* [Penitentiary systems and penitentiary reforms in foreign countries: an analytical review]. Compiled by Ovsyannikova A., Rossman E. Moscow: Tsent strategicheskikh razrabotok "Instituty i obshchestvo", 2017. 42 p.
7. Translations of laws. *Knesset: ofitsial'nyi sait Parlamenta Izrailya* [Knesset: official website of the Israeli Parliament]. Available at: <https://main.knesset.gov.il/ru/activity/pages/law.aspx?LawId=1> (In Russ.). (Accessed December 14, 2021).
8. Stepanov A.V., Bobrov A.M. Department of prisons and penitentiary institutions of Israel – SHABAS. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy=News of the penal enforcement system*, 2016, no. 5(168), pp. 44–47. (In Russ.).
9. Strategic developments of Russia adjusted for the experience of Spain. *Russkaya Ispaniya: sait* [Russian Spain: website]. Available at: <https://russpain.com/old-news/news-18150/> (In Russ.). (Accessed December 14, 2021).
10. Israeli Prisons. *Pro-Israel=About Israel*. Available at: <http://www.pro-israel.ru/tyurmi-v-israele.html> (In Russ.). (Accessed February 2, 2022).
11. Prison Department. *Ministestvo obshchestvennoi bezopasnosti Izrailya: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Public Security of Israel: official web-site]. Available at: https://www.gov.il/ru/departments/general/about_prison_service (In Russ.). (Accessed December 12, 2021).
12. Aminov I.I., Davydov N.A., Dedyukhin K.G. et al. *Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik* [Legal psychology: Textbook]. Moscow: Yuniti-Dana, 2012. 416 p.
13. Ahronheim A. Palestinian fugitives might have been caught, but story isn't over – analysis. *The Jerusalem Post*, 2021. Available at: <https://www.jpost.com/israel-news/the-prisoners-are-caught-but-the-story-is-far-from-over-679810> (accessed December 14, 2021).
14. Breuer E. Israel prisons service & police: time for reevaluation? *The Jerusalem Post*, 2021. Available at: <https://www.jpost.com/israel-news/israel-prisons-service-and-police-time-for-reevaluation-687648> (accessed December 14, 2021).
15. Fabian E. "Direct responsibility": Prisons Service chief blames Gilboa warden for jailbreak. *The Times of Israel*, 2022. Available at: <https://www.timesofisrael.com/direct-responsibility-prisons-service-chief-blames-gilboa-warden-for-jailbreak/> (accessed January 14, 2022).
16. Farrington D.P. Short history of randomized experiments in criminology: a meager feast. *Evaluation Review*, 2003, vol. 27, no. 3, pp. 218–227. DOI:10.1177/0193841X03027003002.
17. History in the making at the Israel Prison Service – establishment of a Human Resources and Training Branch. *Ministry of Public Security of Israel: official website*. Available at: <https://www.gov.il/en/departments/news/cohen-head-hr-dept-ips-010721> (accessed December 14, 2021).
18. Israel Prison Services head remains in post despite prison outbreak. *The Jerusalem Post*, 2021. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.28c091a9-61fab6ee-505d52ea-4722d776562/https/www.jpost.com/breaking-news/likud-mk-miri-regev-establish-inquiry-to-investigate-prison-security-678972 (accessed December 14, 2021).
19. Haviv N., Shoham E., Hasisi B., Weisburd D.L., Toren-Rozanski Y. Judaism intertwines with worldly good: a qualitative study on religious rehabilitation programs in the Israeli Prison Service. *International Journal of Criminology and Sociology*, 2020, no. 9, pp. 154–170. DOI: 10.6000/1929-4409.2020.09.14.
20. Neyroud P., Disley E. Technology and policing: implications for fairness and legitimacy. *Policing: A Journal of Policy and Practice*, 2008, vol. 2, no. 2, pp. 226–232. DOI: 10.1093/policing/pan017.
21. Neyroud P., Weisburd D. Transforming the police through science: the challenge of ownership. *Policing: a Journal of Policy and Practice*, 2014, no. 8, pp. 287–293. DOI: 10.1093/policing/pan017.
22. *Operation Guardian of the Walls. Israel Ministry of Foreign Affairs: official website*. Available at: https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Terrorism/Palestinian/Pages/Operation-Guardian-of-the-Walls-10-May-021.aspx?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (accessed December 14, 2021).
23. Sherman L.W. Evidence-based policing: essay. *National Police Foundation: official website*. Available at: <https://www.policefoundation.org/publication/evidence-based-policing/> (accessed December 14, 2021).

24. Silkoff Sh. Police re-open Gilboa Prison “pimping” case following demands by Public Security Min. *The Jerusalem Post*, 2021. Available at: <https://www.jpost.com/breaking-news/female-idf-soldiers-pimped-out-to-satisfy-gilboa-prisoners-warden-686848> (accessed December 14, 2021).
25. Tangen Page M. The role of penal policy in the resolution of low-intensity. *Civil Wars*, 2000, vol. 3, no. 4, pp. 31–48. doi: 10.1080/13698240008402453.
26. Teep C.E., Weisburd D. Generating knowledge: a case study of the national policing improvement agency program on systematic reviews in policing. *Journal of Experimental Criminology*, 2014, no. 10, pp. 371–398.
27. Weisburd D., Jonathan T., Perry S. The Israeli model for policing terrorism: goals, strategies and open questions. *Criminal Justice and Behavior*, 2009, no. 36 (12), pp. 1 259–1 278. doi: 10.1177/0093854809345597.
28. Weisburd D., Hasisi B. The winding road to evidence-based policy in corrections: a case study of the Israel Prison Service. *Israel Law Review*, 2018, vol. 51, no. 1, pp. 111–125. doi: 10.1017/S0021223717000218.
29. Weisburd D., Neyroud P. Police science: towards a new paradigm. Charleston: Bibliolife DBA of Biblio Bazaar II LLC, 2012. 28 p.
30. Zur Y. Kubovich Y. In what it says is a world first, an Israeli university will expand its use of a prison to conduct academic research, using prison guards, *Haaretz*, 2017. Available at: <https://www.haaretz.com/israel-news/.premium-in-world-first-university-strikes-deal-to-use-prison-for-research-1.5456088> (accessed December 14, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИРИНА ФЕДОРОВНА КОЛОНТАЕВСКАЯ – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой юридических дисциплин Еврейского университета, Москва, Россия, профессор кафедры гражданского права и процесса Московского университета имени С. Ю. Витте, Москва, Россия, kolont@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0234-3901>

IRINA F. KOLONTAEVSKAYA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Legal Disciplines of the Jewish University, Moscow, Russia, professor of the Department of Civil Law and Procedure of S.Y. Witte Moscow University, Moscow, Russia, kolont@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0234-3901>

Статья поступила 17.01.2022

Научная статья

УДК 343.95

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.010

Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением

КИРИЛЛ ВИТАЛЬЕВИЧ ЗЛОКАЗОВ

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, zkirvit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

Реферат

Введение: сложно переоценить роль социального окружения несовершеннолетнего в процессе его адаптации, преодоления им трудных жизненных ситуаций. Социальное окружение оказывает психосоциальное влияние, формируя представление подростка о себе, его самооценку. Исследуется значение социального окружения несовершеннолетних в различных областях социального взаимодействия, раскрывается вклад социальных связей преступников в побуждение к преступлению, формирование криминальной идеологии. Доказано влияние социальных связей на профилактику и пресечение преступлений подростков и молодежи. Вместе с тем недостаточно изучено воздействие криминальной субкультуры на установление отношений с социальным окружением. В частности, неясным остается влияние субкультуры на изменение представлений несовершеннолетних о взаимодействии с другими людьми, социальными группами. Понимание этого позволит оценивать степень негативного влияния криминальной субкультуры на несовершеннолетних. *Цель:* изучение социальных связей у несовершеннолетних правонарушителей, разделяющих ценности криминальной субкультуры, в том числе посредством сравнения с аналогичными параметрами правопослушных несовершеннолетних. *Методы:* методом сбора данных является анкетирование, устанавливающее параметры социальных связей – объем, стабильность, гомогенность, подчиненность и референтность. Методом обработки результатов выступают процедуры дескриптивной статистики, а также непараметрический аналог однофакторного дисперсионного анализа (H-критерий Краскела – Уоллиса). Выборку исследования образуют 229 чел. в возрасте от 13 до 17 лет, 64,6 % – лица мужского пола. Из обследованных 91 чел. осужден за совершение преступлений либо обучается в специализированных учреждениях. Остальная часть испытуемых (138 чел.) характеризуются правопослушным поведением, в период обследования не являются подозреваемыми или обвиняемыми. *Результаты и новизна:* получены новые сведения о специфике социальных связей делинквентных подростков в части малого объема отношений, гомогенности участников, низкой референтности социального окружения; определены перспективы исследования социальных связей в условиях социальной регламентации взаимодействия с учетом пола и социально-культурной специфики.

Ключевые слова: профилактика правонарушений; социальное окружение; криминальная субкультура; социальная изоляция; самооценка.

5.3.9. Юридическая психология и психологическая безопасность.

Для цитирования: Злоказов К. В. Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 97–106. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.010.

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00415.

Impact of Criminal Subculture on Social Interaction of Juvenile Offenders

KIRILL V. ZLOKAZOV

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, zkirvit@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

Abstract

Study relevance: significance of social environment of a minor for adaptation and overcoming difficult life situations is substantiated. It is shown that social environment exerts a psychosocial influence, forming minors' ideas of themselves and their self-esteem. The role of minors' social environment in various areas of social interaction is studied and importance of criminals' social ties for inducing crime and forming criminal ideology is shown. Besides, the impact of social ties on prevention and suppression of adolescents' crimes is proven. At the same time, the influence of a criminal subculture on establishment of relations with social environment remains insufficiently studied. In particular, the subculture impact on changing minors' ideas about interaction with other people and social groups is unclear. Understanding this will allow us to assess a degree of negative influence of a criminal subculture on minors. *Study purpose:* to identify social ties of juvenile offenders who share criminal subculture values, including by comparing with similar characteristics of law-abiding minors. *Methods:* the method of data collection is a questionnaire describing parameters of social relations, such as volume, stability, homogeneity, subordination and reference. Procedures of descriptive statistics and a nonparametric analogue of one-way analysis of variance (Kruskal-Wallis H-test) are used as methods for processing acquired results. The study sample consists of 229 people aged 13–17, 64.6% of whom are male, 91 of the surveyed are either convicted of crimes or are attending specialized institutions. The rest of the sample (138 people) is characterized by law-abiding behavior; during the survey period they are not suspected or accused. *Results and novelty:* new data on the specifics of social ties of the delinquent youth are received, in particular, small volume of relations, homogeneity of participants, low reference of social environment; prospects for studying social ties under conditions of social regulation of interaction with regard to gender and socio-cultural specifics are determined.

Key words: crime prevention; social environment; criminal subculture; social isolation; self-esteem.

5.3.9. Legal psychology and psychological security.

For citation: Zlokazov K. V. Impact of criminal subculture on social interaction of juvenile offenders. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 97–106. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.010.

Acknowledgements: the work is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-012-00415.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности программ противодействия криминализации несовершеннолетних. Прилагаемые в настоящее время сотрудниками правоохранительных органов и образовательных организаций усилия действительно способствуют снижению уровня преступности несовершеннолетних [10]. Однако наряду с этим растет общественная опасность преступлений, учащаются случаи применения оружия в отношении сверстников и учителей.

В целях снижения криминализации необходимым представляется совершенствование психолого-педагогических программ превенции насилия, гармонизирующих взаимодействие несовершеннолетних с социальным окружением. Эффективность подобных программ уже отмечалась в специальной литературе [11]. Их основу образуют научные представления

о возрастных особенностях развития несовершеннолетнего: стремление к эмансипации, желание противопоставить себя взрослым, реакции группирования со сверстниками, ориентация на саморазвитие и самоопределение. Подобные программы направлены на формирование ценностно-мотивационной сферы, Я-концепции и самооценки несовершеннолетнего. Вместе с тем снижать риск насилия способны не только сформированные личностные качества.

Альтернативным направлением профилактики криминализации несовершеннолетних является социально-психологическое. Оно нацелено на формирование взаимодействия несовершеннолетних с окружающими их людьми. Социальное окружение играет существенную роль в жизни подростка, выполняя ресурсно-поддерживающие, защитные, образовательные, экспертные и иные функции. Значимым условием жизненного и психологического

благополучия несовершеннолетнего выступает способность формировать социальные отношения, обеспечивающие получение поддержки и помощи. С учетом того, что подростки из неблагополучных семей чаще испытывают сложности с удовлетворением потребностей, принято считать их целевой категорией для формирования подобных навыков. При этом исследователи указывают на недостаточный уровень социальной компетентности и трудности социально-го взаимодействия у этой группы лиц [3; 13].

Считая, что нарушенное взаимодействие может быть обусловлено искаженными представлениями, установками и ценностями, мы предполагаем, что одной из причин формирования последних у подростков выступает субкультура. В данном исследовании мы рассмотрим влияние криминальной субкультуры на социальное взаимодействие несовершеннолетних, оценивая эффект ее воздействия на представления, установки и ценности.

Цель представленного в статье исследования – определение влияния криминальной субкультуры на субъективные отношения несовершеннолетних правонарушителей к сверстникам.

Идея исследования заключается в рассмотрении влияния социально-психологических эффектов криминальной субкультуры на ее последователей. Предполагается, что криминальная субкультура формирует представление несовершеннолетних правонарушителей о социальном взаимодействии. Находясь под ее влиянием, несовершеннолетние правонарушители должны соблюдать определенные правила и следовать предписанным ею нормам поведения [12]. В результате представления несовершеннолетних правонарушителей о социальном окружении могут быть искажены субкультурой, а их отношение в той или иной степени отражать данное воздействие.

Практическая значимость исследования заключается в изучении воздействия субкультуры на содержание представлений несовершеннолетних о людях, составляющих их социальное окружение. Рассматривая организацию социальных связей и отношение к окружающим у несовершеннолетних, разделяющих криминальную субкультуру, можно оценить степень ее негативного влияния на личность и социальное взаимодействие.

Исследование проблемы осуществляется посредством обобщения социально-психологических знаний о влиянии субкультуры на представления ее последователей, изучения параметров и характеристик социального окружения несовершеннолетнего. Путем сравнения трех групп несовершеннолетних, живущих в разных условиях социальной регламентации взаимодействия, выявляются различия в организации социального окружения, затем определяется уровень убежденности в криминальной идеологии. Описываются различия, обусловленные мерой поддержки криминальной идеологии. В завершении статьи формулируются выводы о влиянии криминальной идеологии на представления несовершеннолетних о социальном окружении.

Теоретические основания исследования

Характеризуя значение социального окружения несовершеннолетнего, следует отметить наличие значительного количества работ, раскрывающих его роль в становлении и развитии личности, формировании социальных качеств подростка. Исследования социального окружения затрагивают различные аспекты жизнедеятельности человека, демонстрируют влияние социальных связей и отношений с окружающими людьми. Показано, что социальное окружение оказывает многоплановое влияние на человека [23], в том числе его психологическое состояние и удовлетворенность жизнью [19], способность преодолевать жизненные трудности [24]. Существующие научные представления описывают социальное окружение в качестве среды, выполняющей функции защиты, поддержки и опосредующей взаимодействие несовершеннолетнего с миром.

Структура социального окружения несовершеннолетних правонарушителей рассматривалась в контексте социологических и социально-психологических исследований. Показано, что в нее входят группы семьи и близких родственников, учебные и профессиональные коллективы, группы сверстников, образующие неформальное окружение. Установлено, что недостатки социального окружения – неполная семья или ее отсутствие, нарушения взаимодействия со сверстниками или иные изъяны – негативно влияют на социальное развитие и самооценку несовершеннолетнего. Как правило, эти проблемы обнаруживаются в дефектах социальной регуляции поведения.

В целом влияние данных групп на несовершеннолетнего, его решения и поступки неоднородно. Отмечается, что социальное окружение в представлении несовершеннолетнего отличается разным уровнем референтности [14]. Наибольшей референтностью обладают сверстники: друзья, братья и сестры, меньшим уровнем – родители и учителя [6]. Вариации референтности обусловлены психологическим развитием субъекта – по мере взросления референтные лица и группы заметным образом изменяются [18].

Роль социального окружения несовершеннолетних анализировалась в контексте возрастного развития и социализации, а применительно к несовершеннолетним правонарушителям – в контексте влияния окружающих на формирование противоправного поведения. В исследованиях фиксируется роль близких родственников, друзей и сверстников в побуждении к различным видам преступлений (например, кражам и убийствам [21], распространению наркотических средств [16] и пр.). В частности, зарубежными исследователями установлено, что большинство преступлений обсуждалось несовершеннолетними с наиболее близкими им людьми [17]. Лица из социального окружения оказывают наиболее существенное влияние на несовершеннолетних. Так, изучая делинквентное поведение подростков, Д. Ж. Шоемекер установил, что пример взрослых является наиболее значимым среди всех возможных побуждений, которым руководствуется подросток [22]. Существенное влияние социальное окружение оказывает на злоупо-

требление алкоголем, курение, прием наркотиков и другие виды аддиктивного поведения [15].

Таким образом, социальное окружение подростка выступает существенным фактором, определяющим подверженность асоциально-деструктивному и криминальному воздействию. Окружение может усиливать и усугублять это воздействие, а может, напротив, сдерживать, ограничивать и защищать от негативного влияния.

В развитие вопроса о роли окружения в становлении несовершеннолетнего необходимо выяснить значение и характер воздействия субкультуры.

Социально-психологическое влияние криминальной субкультуры на несовершеннолетнего

Рассматривая субкультуру как социальное явление, следует отметить, что научные подходы к ее изучению предполагают выделение функционального и структурного значений [5].

В нашем исследовании используется функционалистский подход, ориентированный на изучение роли, которую выполняет субкультура для своих приверженцев. Выбор в пользу этого подхода обусловлен его релевантностью теме исследования, поскольку значительная часть проводимых работ была нацелена на изучение девиантных сообществ городских жителей (безработных, бездомных, преступников). Девиантная субкультура рассматривалась альтернативным способом самореализации. Р. Мертон, в частности, утверждал, что появление субкультуры обусловлено неспособностью жителей городских трущоб достигать целей, декларируемых массовой культурой [2], а ее существование легитимизировало допустимость асоциальных способов обретения материального благополучия и статуса [8]. Таким образом, функционалистский подход к определению криминальной субкультуры позволяет представить ее социально-психологическим механизмом, дающим несовершеннолетним возможность достигать социально заданных целей криминальным способом.

Отечественные и зарубежные культурологические исследования подтверждают, что в текущем состоянии российская криминальная субкультура соответствует этому по ряду признаков. Она провозглашает гедонистический образ жизни, оправдывая насилие и жестокость в качестве методов его достижения, обесценивает культуру труда и социального порядка [1].

Популярность криминальной субкультуры в российской подростковой среде объясняется совокупностью причин: во-первых, упрощением стратегии социального успеха, декларирующей возможность применения насилия для его обретения; во-вторых, признанием допустимыми социальных девиаций – алкоголизма, наркомании, проституции; в-третьих, виктимностью отдельных категорий населения (лиц без определенного места жительства, мигрантов, ведущих асоциальный образ жизни, и др.), способствующей получению первичного опыта криминального воздействия [12].

В контексте существующих социальных условий криминальная субкультура может обеспечивать при-

тязания несовершеннолетних на удовлетворение жизненных и социальных потребностей, способствуя признанию ими ценностей, установок и моделей криминального поведения, использоваться для организации неформальных сообществ. Как показывают современные исследования, криминальная субкультура содержит ряд норм и предписаний, ограничивающих социальное взаимодействие [12; 13]. Ими могут выступать запреты на обращение в правоохранительные органы, искаженное восприятие отдельных социальных групп (например, обесценивание сотрудников органов внутренних дел, лиц без определенного места жительства), подчинение участников криминального сообщества друг другу в зависимости от иерархии, возможность проявления насилия к нижестоящим по статусу участникам группы и вероятность подвергнуться насилию со стороны более статусных участников группы, жестокость наказаний за нарушение отдельных норм и правил криминальной субкультуры и пр. [7]. Кроме того, порицаемым в отдельных криминальных группах является занятие трудовой деятельностью, профессиональное обучение.

Обобщая, можно прийти к выводу, что под влиянием криминальной субкультуры затрудняется и ограничивается взаимодействие несовершеннолетних с социальными институтами, искусственно культивируется враждебное отношение к правоохранительным органам и отдельным категориям населения. Вместе с тем не в полной мере изученным остается влияние криминальных субкультур на установление и поддержание социальных контактов, формирование отношений к другим людям, а также характеристики системы отношений с социальным окружением. В связи с этим целесообразно изучить организацию взаимодействия с социальным окружением у несовершеннолетних правонарушителей с разным уровнем подверженности криминальной субкультуре.

Эмпирическое исследование

Целью исследования выступало изучение связей несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением.

Задачами являлись: изучение характеристик социальных связей и отношений с окружающими; сопоставление характеристик социальных связей в выборках несовершеннолетних с разным уровнем криминальной направленности.

Гипотезой исследования стало предположение о различиях характеристик социальных связей несовершеннолетних с разным уровнем криминальной направленности.

В исследовании применялись две группы методов: методы сбора данных и методы их статистического анализа.

Сбор данных осуществлялся посредством специально разработанной анкеты, отражающей основные представления о характеристиках взаимодействия несовершеннолетнего с социальным окружением [25]. В анкету входили вопросы, описывающие характеристики социальных связей: (1) объем («С каким количеством людей Вы общаетесь в течение дня?»);

(2) стабильность («Как часто Вы образуете новые отношения, прекращая при этом старые?»); (3) гомогенность («Похожи ли люди, с которыми Вы общаетесь в течение дня, друг на друга?»); (4) подчиненность («Какое количество людей влияет на Вас в течение дня?»); (5) референтность («Мнение скольких людей из Вашего окружения Вам важно?»).

Для измерения характеристик объема, барьеров взаимодействия и референтности использовалась одномерная пятибалльная шкала, где минимальное значение символизировало самого опрашиваемого, а для характеристик гомогенности и конфликтности – двумерная, в которой противоположные значения представляли собой альтернативные по смыслу варианты (например: будут конфликтовать – смогут дружить).

Оценка подверженности криминальной субкультуре проводилась путем интервьюирования с приме-

нением методики, предложенной М. И. Кошеновой и Е. А. Краюшкиной [4]. Отношение обследуемых к субкультуре выявлялось с помощью анкеты «Представление о криминальном мире». На основании ответов респонденты были распределены по трем группам: положительное, нейтральное и отрицательное отношение к криминальной субкультуре (см. табл. 1).

На основе обследования была сформирована выборка исследования. Методы анализа данных: меры дескриптивной статистики. Статистические различия между группами оценивались методом Н-критерия Краскела – Уоллиса.

Состав участников исследования включал 229 чел., разделенных на две группы: несовершеннолетние правонарушители и несовершеннолетние с правопослушным поведением.

Таблица 1

Показатели отношения к криминальной субкультуре

№ п/п	Отношение к криминальной субкультуре	Группа правонарушителей		Группа правопослушных	
		Респондентов (91 чел.)	% выборки	Респондентов (138 чел.)	% выборки
1	Положительное отношение	68	74,7 %	9	6,5 %
2	Нейтральное отношение	18	19,8 %	17	12,3 %
3	Отрицательное отношение	5	5,5 %	112	81,2 %

Первично группа несовершеннолетних правонарушителей включала 91 чел. (средний возраст = 15,4 лет, SD = 1,5 лет, 74,7 % – мужского пола). После измерения отношения к криминальной субкультуре методом М. И. Кошеновой и Е. А. Краюшкиной из группы были исключены 5 чел., отрицательно относившихся к криминальной субкультуре.

В итоге в исследовании участвовали 86 несовершеннолетних правонарушителей. Это лица, находящиеся на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, а также осужденные к лишению свободы, обучающиеся в специализированных учебно-воспитательных учреждениях г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, г. Екатеринбурга и Свердловской обл. 60,5 % опрошенных совершили кражи (из них 48,4 – осуждены), 19,3 % – грабеж и разбой.

Группа несовершеннолетних с правопослушным поведением первично включала 138 чел. (средний возраст = 15,9 лет, SD = 1,43 лет, 54,3 % – мужского

пола). После выявления отношения к криминальной субкультуре из нее были исключены лица, обнаружившие положительное (9 чел.) и нейтральное (17 чел.) отношение. В итоге в исследовании участвовало 112 правопослушных несовершеннолетних с негативным отношением к криминальной субкультуре. Все обследуемые обучались в средних общеобразовательных школах г. Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, на момент обследования не совершали правонарушений (преступлений), не состояли на профилактическом учете в городских подразделениях по делам несовершеннолетних.

Результаты исследования описаны последовательно: сначала приводятся значения показателей социальных связей, а затем статистические различия между группами правонарушителей и правопослушных несовершеннолетних.

1. Описательные характеристики системы социальных связей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Различия в субъективных характеристиках социальных связей в группах правонарушителей и правопослушных несовершеннолетних

ПОКАЗАТЕЛЬ	Правонарушители (n = 86)			Правопослушные (n = 112)		
	Mean	SD	Median	Mean	SD	Median
Объем	2,1	1,7	2	5,9	1,9	5
Стабильность	4,1	0,7	4	4,5	0,6	4
Гомогенность	4,4	1,2	4	2,5	1,9	3
Подчиненность	2,1	1,3	2	2,4	1,2	2
Референтность	2,3	1,4	2	5,1	1,1	5

Примечание: Mean – среднее значение, SD – стандартное отклонение, Median – медиана

2. Сравнение представлений правонарушающих и правопослушных несовершеннолетних относительно социальных связей показало статистические различия по характеристикам: объема (Н крит. = 94,7; $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,13$), гомогенности (Н крит. = 14,65; $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,05$), конфликтности (Н крит. = 15,4; $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,05$) и референтности (Н крит. = 12,02; $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,05$).

Показатели стабильности социальных связей и подчиненности статистически не различаются в группах правонарушителей и правопослушных несовершеннолетних (Н крит. = 1,29; $p = 0,28$ и Н крит. = 1,17; $p = 0,28$). Объяснение этому видится в специфике возрастного и социального развития, общего для обеих групп обследуемых.

Обсуждение результатов

Целью исследования выступает эмпирическое изучение социальных связей делинквентной молодежи как важного элемента построения социального пространства личности. Результаты исследования в целом подтверждают гипотезу о специфических различиях представлений делинквентной и правопослушной молодежи о социальных связях.

Объем взаимодействия с окружающими у делинквентной молодежи ограничен малой группой людей у 77,5 % обследованных, для 37,9 % это диады и триады. 14,2 % респондентов сообщают об одиночестве, и только 6,5 % – о взаимодействии с несколькими группами. Эти данные находят подтверждение в лонгитюдном исследовании социальных связей осужденных несовершеннолетних, выполненном Н. А. Цвекер с соавторами. Ими установлено, что социальные связи преступников являются небольшими и замкнутыми, средний объем составляет всего 1,8 чел. [26].

Конечно, в абсолютных значениях наши результаты отличаются, поскольку в иностранной выборке 20 % обследуемых были одиночки или имели дружеские отношения только с одним человеком. Кроме того, в обследованной нами группе большинство указало на связи со сверстниками, а участники зарубежного исследования – с членами семьи. Несмотря на различия в качествах участников социальных отношений, их небольшой объем отмечается в аналогичных исследованиях [21]. Сопоставление групп преступников и правопослушных показывает, что объем взаимодействия статистически различается (Н-критерий Краскела – Уоллеса = 94,7, $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,05$). 75,8 % обследованных правопослушных подростков и юношей указывают на объем двух–трех малых групп, а об одиночестве говорят лишь 1,2 % опрошенных. Микрогрупповое взаимодействие присуще только 22,7 % обследованных, в отличие от 37,9 % у правонарушителей.

Показатель гомогенности социального окружения описывает воспринимаемую меру близости, схожести людей, с которыми взаимодействует несовершеннолетний. Высокая гомогенность приписывается людям с похожими целями, ценностями и установками, а низкая гомогенность (то есть гетерогенность) – людям с абсолютно различающимися. Дополнительной характеристикой гомогенности является противоречивость взглядов и идей в соци-

альном окружении, повышение которой приводит к конфликтности последнего. Показатели рассчитывались на основе оценки обследуемыми схожести их окружения и вероятности противоречий между ними (оценка удовлетворительна: α -Кронбаха = 0,55, корреляция между ними значима ($r = 0,38$, $p < 0,05$)).

Социальное окружение воспринимается несовершеннолетними правонарушителями преимущественно однородным, о чем сообщили 60,4 % опрошенных. 23,1 % указали на сильные отличия между людьми, входящими в зону их повседневного общения, а 14 % отметили полную непохожесть. Эти результаты соответствуют выводам Д. Л. Хань, сделанным в 2002 г. по результатам исследований социального окружения американских подростков-правонарушителей [20]. В ее работе оценивалась роль социального окружения делинквентных и правопослушных подростков в побуждении к криминальному поведению. По данным исследования, делинквентные подростки составляют половину от общего числа социальных связей будущих правонарушителей, образуя идеологически непротиворечивую среду, формирующую криминальные убеждения.

Изучение конфликтности заключалось в оценке противоречий в ценностях и убеждениях лиц, составляющих круг общения.

В среде правонарушителей уровень конфликтов убеждений среди социального окружения низок, о чем сообщают 72,8 % обследуемых. Только 27 % считают свой круг общения потенциально конфликтным, предвидя противоречия между его участниками. Эти взгляды определяют значимость статистических различий между группами правонарушителей и правопослушных (Н-критерий Краскела – Уоллеса = 14,65, $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,05$).

Правопослушные подростки в большинстве отрицают возможность конфликтов в социальном окружении (96,1 % обследованных), лишь 3,1 % предполагают противоречия между взглядами знакомых. Можно полагать, что различия внутри социального окружения правопослушных подростков не приводит к конфликтам между ними из-за: а) отсутствия предмета противоречий, б) способности к решению противоречий неконфликтным путем [9]. Исходя из этих конфликтологических представлений, социальное окружение правонарушителей более конфликтно.

Полученные результаты показывают, что объем референтных лиц (69,3 % опрошенных нами правонарушителей) ограничен малой группой. Лишь 3,6 % перечислили более одной средней группы.

Можно заключить, что объем референтных лиц примерно соответствует объему взаимоотношений несовершеннолетних и, как правило, сфокусирован на круге близких. Об этом говорит и показатель интереса к мнению окружающих людей: у половины выборки (43,2 %) правонарушителей он слабый, вовсе отсутствует – у 11,2 %. Лишь 36,7 % считают для себя полезным знать, что о них думают окружающие люди.

Изучение референтности в группе правопослушных указывает на статистические отличия в атрибуции референтности с группой правонарушителей (Н-критерий Краскела – Уоллеса = 16,97, $p = 0,001$,

$\varepsilon^2 = 0,05$). Правопослушные называют большее количество людей, чье мнение для них интересно (в среднем объем референтной группы приближается к 15 лицам), в то время как у правонарушителей он составляет 5 и менее лиц.

Выводы

Установленные результаты демонстрируют влияние криминальной субкультуры на социальное взаимодействие в части минимизации объема, гомогенности социального окружения, повышенной конфликтности и снижения референтности. Объяснение этому видится в психологических особенностях отношений с лицами, составляющими социальное окружение несовершеннолетних правонарушителей.

Так, минимизация объема обусловлена установкой на ограниченность социального взаимодействия малым кругом людей, пользующихся доверием. Конечно, такое ограничение снижает возможности несовершеннолетних получать помощь и поддержку людей, в отличие правопослушных несовершеннолетних, не ограничивающих свое взаимодействие.

Выявленная гомогенность социального окружения является производной от снижения объема социальных контактов. Можно заключить, что круг общения несовершеннолетнего правонарушителя составляют лица со схожими ценностями и убеждениями. В то время как у правопослушных несовершеннолетних социальное окружение отличается разнообразием направленностей и ценностей. Как следствие, правонарушители оказываются в однородном информационном пространстве, содержащем похожие идеи, ценности и значения. В случае когда они имеют асоциальную, криминальную направленность, подростку сложно осознать их неправильность, поскольку люди, образующие его социальное окружение, поддерживают данные идеи, не предлагая новых.

Установленная в исследовании повышенная конфликтность социального окружения несовершеннолетних правонарушителей является, на наш взгляд, отражением ценностных установок криминальных субкультур. Участники подобных групп считают насилие допустимым и оправданным способом достижения необходимых целей, отстаивания интересов, демонстрации статуса. Таким образом, конкуренция внутри подобных групп либо отсутствует, будучи блокированной страхом, либо проявляется в форме насилия.

Снижение референтности социального окружения обусловлено обесцениванием людей, придерживающихся ценностей традиционной культуры. Являющаяся частью криминальной идеологии пропаганда гедонистического образа жизни снижает значимость профессионального труда, образования, семьи и социального порядка. В противовес им криминальная субкультура предлагает в качестве ценности удачу и поддержку криминального сообщества [3].

Таким образом, влияние криминальных субкультур на социальное взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей можно признать социально-деструктивным. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют следующие социально-психологические особенности:

- регуляция социального взаимодействия через отнесение его субъектов к разным категориям (например, свои – чужие, преступники – жертвы), предписание соответствующего отношения к ним;

- гомогенизация социального окружения путем исключения лиц, имеющих просоциальные ценности и убеждения, целенаправленным поддержанием отношений с лицами, обладающими криминальным статусом;

- повышенная враждебность, обусловленная признанием насилия в качестве допустимой формы взаимодействия с другими людьми;

- формирование гедонистической направленности взаимодействия пропагандой идеи быстрого обогащения, в том числе путем совершения преступления.

Криминальные субкультуры ограничивают взаимодействие, искажая восприятие его участников, ориентируют на проявление эгоизма и обесценивание других людей. Будучи внешне привлекательным способом повышения статуса несовершеннолетнего в глазах окружающих, криминальные субкультуры существенно ограничивают его социальные возможности, в первую очередь снижая социальные ресурсы – помощь и поддержку людей. Позволяя конкурировать со сверстниками, противопоставлять себя взрослым людям, бравировав близостью к уголовному миру, криминальная субкультура не способна более ничем повысить социальную самооценку подростка. Наряду с этим она обладает возможностью исказить мировоззрение, романтизируя мир преступников, создавая альтернативные стратегии обретения благополучия.

Поддерживая целесообразность уголовного преследования лиц, пропагандирующих криминальную идеологию, отметим, что меры предупреждения криминализации несовершеннолетних и молодежи должны иметь не только карательную, но и вовлекающую направленность. Противодействие распространению криминальных субкультур следует осуществлять исходя из возможностей, которые обеспечивает несовершеннолетним расширение социального взаимодействия, в том числе увеличение числа социальных связей, предоставление возможностей для самореализации через совместную общественно полезную деятельность. За счет активного вовлечения несовершеннолетних в различные социально полезные инициативы можно формировать социально ценное мировоззрение и общественную ориентацию подрастающего поколения.

Заключение

Результатом исследования стало раскрытие особенностей социального взаимодействия несовершеннолетних правонарушителей, вовлеченных в криминальную субкультуру. Определены особенности социального взаимодействия несовершеннолетних правонарушителей, показана деструктивная роль в нем криминальной субкультуры. Выводы исследования показывают перспективы изучения социальных связей делинквентных подростков и молодежи в целях предупреждения их криминализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов, Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных / Н. П. Барабанов // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Том 25, № 2. – С. 177–182.
2. Блохина, М. В. Молодежные субкультуры в современном обществе : монография / М. В. Блохина, Л. Г. Григорьев. – Тверь : ТГТУ, 2004. – 127 с.
3. Дзьоник, Д. В. Социально-психологические особенности сообществ, разделяющих психологию «АУЕ» / Д. В. Дзьоник, А. А. Рожков // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2020. – С. 135–139.
4. Кошенова, М. И. Представления подростков «группы риска» о криминальной субкультуре как ресурсе идентичности / М. И. Кошенова, Е. А. Краюшкина // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. – 2019. – № 1. – С. 91–118.
5. Кудряшов, М. А. Субкультура и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований / М. А. Кудряшов // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 1. – С. 23–32.
6. Лесин, А. В. Референтные отношения в структуре общения подростков / А. В. Лесин, Н. А. Ильичева, Н. В. Фомина // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 5-1. – С. 113–114. – URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15344> (дата обращения: 15.11.2021).
7. Мацкевич, И. М. Криминальная субкультура / И. М. Мацкевич // Российское право в Интернете. – 2005. – № 1. – С. 5. – URL: <https://www.twirpx.com/file/742088/> (дата обращения: 01.11.2021).
8. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – Москва : Прогресс, 1966. – С. 299–313.
9. Плещица, С. Г. Основы конфликтологии / С. Г. Плещица. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 229 с.
10. Социальный портрет преступности: портал правовой статистики // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 03.11.2021).
11. Сочивко, Д. В. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения : учебно-методическое пособие / Д. В. Сочивко, Н. А. Полянин. – Москва : МПСИ, 2009. – 264 с.
12. Федосеева, А. А. Криминальная субкультура как агент социализации молодежи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Федосеева Анжелика Андреевна. – Майкоп, 2012. – 28 с.
13. Шпак, С. В. Криминальная субкультура молодежи в современном российском обществе: тенденции формирования и распространения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Шпак Сергей Валерьевич. – Краснодар, 2012. – 31 с.
14. Щедрина, Е. В. Значимый круг общения и основы его экспериментального выявления / Е. В. Щедрина // Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива : сборник трудов. – Москва : МГПИ, 1975. – С. 61–70.
15. Bartlett, R. Clusters of problem behaviors in adolescents / R. Bartlett, D. Holditch-Davis, M. Belyea // Journal of Pediatric Nursing. – 2007. – № 33 (1). – Pp. 13–18. – doi: 10.1002/nur.20078.
16. Bichler, G. Drug Supply Networks: A Systematic Review of the Organizational Structure of Illicit Drug Trade / G. Bichler, A. Malm, T. Coope // Crime Science. – 2017. – Volume 6, no. 2. – Pp. 1–23. – doi: 10.1186/s40163-017-0063-3.
17. Brookmeyer, K. A. Schools, parents, and youth violence: A multilevel, ecological analysis / K. A. Brookmeyer, K. A. Fanti, C. C. Henrich // Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology. – 2006. – Volume 35, no. 4. – Pp. 504–514. – DOI:10.1207/s15374424jccp3504_2.
18. Burk, W. J. Adolescent perceptions of friendship and their associations with individual adjustment / W. J. Burk, B. Laursen // International Journal of Behavioral Development. – 2005. – Volume 29, no. 2. – Pp. 156–164. – doi: 10.1080/01650250444000342.
19. Clark, J. L. Social Network Sites and Well-Being: The Role of Social Connection / J. L. Clark, S. B. Algoe, M. C. Green // Current Directions in Psychological Science. – 2018. – Volume 27, no. 1. – Pp. 32–37. – DOI: 10.1177/0963721417730833.
20. Haynie D. L. Friendship Networks and Delinquency: The Relative Nature of Peer Delinquency / D.L. Hanie // Journal of Quantitative Criminology. – 2002. – № 18. – Pp. 99–134. – doi: 10.1023/A:1015227414929.
21. Papachristos, A. V. The network structure of crime / A. V. Papachristos // Sociology Compass. – 2014. – Volume 8, no. 4. – Pp. 347–357. – doi: 10.1111/soc4.12147.
22. Roman, C.G., Cahill M., Mayes L.R. Changes in personal social networks across individuals leaving their street gang: just what are the youth leaving behind? / C.G. Roman, M. Cahill, L.R. Mayes // Social Sciences. – 2021. – Vol. 10 (39). Pp. 1–22. doi: 10.3390/socsci10020039.
23. Shoemaker, D. J. Theories of Delinquency: An examination of explanations of delinquent behavior / D. J. Shoemaker. – 3rd ed. – New York : Oxford University Press, 1996. – 218 p.
24. Tabassum, S. Social network analysis: An overview / S. Tabassum, F. S. F. Pereira, S. Fernandes, J. Gama // Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery. – 2018. – Volume 8, no. 5. – Pp. 71–74. – doi: 10.1002/widm.1256.
25. Valente, T. W. Ego- and personal-networks effect / T. W. Valente // Social networks and health: models, methods, and applications. – New York : Oxford University Press, 2010. – Pp. 61–80.
26. Zlokazov, K. V. Youth notion about social space: interactive, reflective, and receptive components / K. V. Zlokazov, Y. R. Tagiltseva // Advances in social science, education and humanities research : Proceedings of the International Scientific Conference «Digitalization of Education: History, Trends and Prospects» (DETP 2020). – Ekaterinburg : Atlantis Press, 2020. – Pp. 614–620. – doi: 10.2991/assehr.k.200509.111.
27. Zwecker, N. A. Social Support Networks among Delinquent Youth: An 8-Year Follow-up Study / N. A. Zwecker, A. J. Harrison, L. J. Welty, L. A. Teplin, K. M. Abram // Journal of offender rehabilitation. – 2018. – Volume 57, no. 7. – Pp. 459–480. – doi: 10.1080/10509674.2018.1523821.

REFERENCES

1. Barabanov N.P. Criminological and psychological aspects of the criminal ideology and way of life in the criminal subculture of convicts. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2017, vol. 25(1–4), no. 2, pp. 177–182. (In Russ.).
2. Blokhina M.V., Grigor'ev L.G. *Molodezhnye subkul'tury v sovremennom obshchestve: monografiya* [Youth subcultures in modern society: monograph]. Tver: TGTU, 2004. 127 p.
3. Dz'onik D.V., Rozhkov A.A. Socio-psychological features of communities sharing the psychology of "AUE". In: *Pedagogika i psikhologiya v deyatelnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice: materials of the All-Russian scientific and practice conference]. Saint Petersburg: S.-Peterb. un-t MVD Rossii, 2020. Pp. 135–139. (In Russ.).
4. Koshenova M.I., Krayushkina E.A. Perceptions of adolescents of the "risk group": about criminal subculture as an identity resource. *PEM: Psychology. Educolology. Medicine*, 2019, no. 1, pp. 91–118. (In Russ.).
5. Kudryashov M.A. Subculture and after it: history of the fundamental concept of the youth research. *Etnograficheskoe obozrenie=Ethnographic Review*, 2014, no. 1, pp. 23–32. (In Russ.).
6. Lesin A.V., Il'icheva N.A., Fomina N.V. Reference relations in the structure of communication of adolescents. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik=European Student Scientific Journal*, 2016, no. 5-1, pp. 113–114. Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15344> (In Russ.). (Accessed November 15, 2021).
7. Matskevich I.M. Criminal subculture. *Rossiiskoe pravo v Internete= Russian Law on the Internet*, 2005, no. 1. Available at: <https://www.twirpx.com/file/742088/> (In Russ.). (Accessed November 1, 2021).
8. Merton R. Social structure and anomie. In: *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)* [Sociology of crime (Modern bourgeois theories)]. Moscow: Progress, 1966. Pp. 299–313. (In Russ.).
9. Pleshchitsa S.G. *Osnovy konfliktologii* [Fundamentals of conflictology]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGUEF, 2012. 229 p.
10. Sotsial'nyi portret prestupnosti: portal pravovoi statistiki. *General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official website]. Available at: http://crimestat.ru/social_portrait (In Russ.). (Accessed November 3, 2021).
11. Sochivko D.V., Polyanin N.A. *Molodezh' Rossii: obrazovatel'nye sistemy, subkul'tury, ispravitel'nye uchrezhdeniya: uchebno-metodicheskoe posobie* [Youth of Russia: educational systems, subcultures, correctional institutions: teacher edition]. Moscow: MPSI, 2009. 264 p.
12. Fedoseeva A.A. *Kriminal'naya subkul'tura kak agent sotsializatsii molodezhi: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Criminal subculture as an agent of socialization of the youth: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Maikop, 2012. 28 p.
13. Shpak S.V. *Kriminal'naya subkul'tura molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve: tendentsii formirovaniya i rasprostraneniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk* [Criminal subculture of the youth in modern Russian society: trends of formation and dissemination: Candidate of Sciences (Philosophy) dissertation abstract]. Krasnodar, 2012. 31 p.
14. Shchedrina E.V. Significant social circle and the basics of its experimental identification. In: *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy formirovaniya lichnosti i uchebno-vospitatel'nogo kollektiva* [Socio-psychological problems of personality formation and educational staff]. Moscow, 1975. Pp. 61–70. (In Russ.).
15. Bartlett R., Holditch-Davis D., Belyea M. Clusters of problem behaviors in adolescents. *Journal of Pediatric Nursing*, 2007, no. 33(1), pp. 13–18. DOI: 10.1002/nur.20078.
16. Bichler G., Malm A., Coope T. Drug supply networks: a systematic review of the organizational structure of illicit drug trade. *Crime Science*, 2017, no. 6(2), pp. 1–23. DOI: 10.1186/s40163-017-0063-3.
17. Brookmeyer K.A., Fanti K.A., Henrich C.C. Schools, parents, and the youth violence: a multilevel, ecological analysis. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 2006, vol.35 (4), pp. 504–514. DOI: 10.1207/s15374424jccp3504_2.
18. Burk W. J., Laursen B. Adolescent perceptions of friendship and their associations with individual adjustment. *International Journal of Behavioral Development*, 2005, vol.29, pp. 156–164. DOI: 10.1080/01650250444000342.
19. Clark J.L., Algoe S.B., Green M.C. Social network sites and well-being: the role of social connection. *Current Directions in Psychological Science*, 2018, no. 27, pp. 32–37. DOI: 10.1177/0963721417730833.
20. Haynie D.L. Friendship networks and delinquency: the relative nature of peer delinquency. *Journal of Quantitative Criminology*, 2002, no. 18, pp. 99–134. DOI: 10.1023/A:1015227414929.
21. Papachristos A.V. The network structure of crime. *Sociology Compass*, 2014, no. 8(4), pp. 347–357. DOI: 10.1111/soc4.12147.
22. Roman C.G., Cahill M., Mayes L.R. Changes in personal social networks across individuals leaving their street gang: just what are the youth leaving behind? *Social Sciences*, 2021, vol. 10 (39), pp. 1–22. DOI: 10.3390/socsci10020039.
23. Shoemaker D.J. *Theories of delinquency: an examination of explanations of delinquent behavior*. Oxford University Press: New York, 1996. 218 p.
24. Tabassum S., Pereira F.S.F., Fernandes S., Gama J. Social network analysis: an overview. *WIREs Data Mining and Knowledge Discovery*, 2018, no. 8 (5), pp. 71–74. DOI: 10.1002/widm.1256.
25. Valente T.W. *Ego and personal networks effect. Social networks and health: models, methods, and applications*. New York: Oxford University Press, 2010. Pp. 61–80.
26. Zlokazov K.V., Tagiltseva Y.R. The youth notion about social space: interactive, reflective, and receptive components. In: *Advances in social science, education and humanities research: proceedings of the International Scientific Conference "Digitalization of Education: History, Trends and Prospects" (DETP 2020)*. Ekaterinburg: Atlantis Press, 2020. Pp. 614–620. DOI 10.2991/assehr.k.200509.111.
27. Zwecker N.A., Harrison A.J., Welty L.J., Teplin L.A., Abram K.M. Social support networks among delinquent youth: an 8-year follow-up study. *Journal of Offender Rehabilitation*, 2018, no. 57 (7), pp. 459–480. DOI: 10.1080/10599674.2018.1523821.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КИРИЛЛ ВИТАЛЬЕВИЧ ЗЛОКАЗОВ – кандидат психологических наук, доцент, докторант докторантуры Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия, zkirvit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

KIRILL V. ZLOKAZOV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Doctoral Candidate of the Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, zkirvit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

Статья поступила 15.11.2021

Научная статья

УДК 376:159.9

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.011

Специфика психологической защиты у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за преступления против личности, и коррекционно-воспитательная работа с ними

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

ФАИНА ИЛЬНИЧНА КЕВЛЯ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,

fkevylya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9603-6523>

Реферат

Введение: статья посвящена междисциплинарному исследованию выявления специфики психологической защиты осужденных, которые отбывают наказания в местах лишения свободы за преступления против личности. Психологическая защита помогает человеку сохранять внутреннее спокойствие, создавать условия для самооправдания, снижая тем самым влияние социального контроля. *Цель:* определить особенности психологической защиты осужденных, впервые и повторно отбывающих наказание за преступления против личности, представить рекомендации по коррекционно-воспитательной работе с данной категорией лиц. *Методы:* теоретический анализ литературы; методы синтеза и обобщения; проективный метод (тест «Рисунок несуществующего животного»); метод статистической обработки данных (угловой коэффициент преобразования Фишера). *Результаты:* осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы за преступления против личности, совершенные при рецидиве, отличаются от осужденных к этому же наказанию за преступления против личности, совершенные впервые, использованием таких типов психологической защиты, как отрицание, вытеснение и проекция. Лица, совершившие преступления против личности, пытаются защититься от всей окружающей их реальности, не могут открыться для естественного общения в связи с постоянным опасением за свое эмоциональное спокойствие. Они не хотят признавать свои антиобщественные поступки, которые вытеснены в бессознательное или отрицаются. При рецидиве преступлений человек вновь прибегает к этим типам психологической защиты, сохраняя себя в своих глазах. Выявленные особенности психологической защиты у лиц, отбывающих наказание за преступления против личности впервые и при повторных преступлениях, дополнили характеристику осужденных данной категории, и их необходимо учитывать при организации коррекционно-воспитательной работы в местах лишения свободы. *Выводы:* при определении направления коррекционно-воспитательной работы с осужденными рассматриваемой категории важно принимать во внимание особенности их психологической защиты, установить, насколько преодолены ими эгоизм, упрямство и индивидуалистическое отношение к людям, научились ли они анализировать свои поступки и признавать ошибки, а главное, способствовать развитию умения видеть в каждом человеке положительные черты и нравственные качества.

Ключевые слова: места лишения свободы; исправительный процесс; осужденные впервые; осужденные при повторных преступлениях; преступления против личности; психологическая защита; специфика психологической защиты; коррекционно-воспитательная работа.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Специфика психологической защиты у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за преступления против личности, и коррекционно-воспитательная работа с ними // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 107–114. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.011.

Original artical

Specifics of Psychological Defense of Persons Serving Sentences in Places of Imprisonment for Crimes against the Person and Correctional and Educational Work with Them

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

FAINA I. KEVLYA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
fkevlya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9603-6523>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the specifics of psychological defense of convicts who are serving sentences in prison for crimes against the person. Psychological defense helps a person to maintain inner peace, create conditions for self-justification, thereby reducing the influence of social control. *Purpose:* on the basis of the study to determine features of psychological defense of convicts serving imprisonment for the first time and repeatedly for crimes against the person, to give recommendations on correctional and educational work with this category of convicts. *Methods:* theoretical analysis of literature; methods of synthesis and generalization; projective method: test "Drawing a non-existent animal"; method of statistical data processing: the Fisher transformation of the sample correlation coefficient. *Results:* the convicts serving imprisonment for recurrent crimes against the person differ from those serving sentence for the first time by using types of psychological defense, such as denial, displacement and projection. Recidivists try to protect themselves from all the reality surrounding them, cannot open up to natural communication due to constant fear for their emotional peace. They do not want to admit their antisocial actions, which are repressed into the unconscious or denied. With the recurrence of crimes, convicts again resort to these types of psychological defense to feel safe. The revealed features of psychological defense of persons serving sentences for crimes against the person for the first time and repeatedly have supplemented the characteristics of persons in this category and should be taken into account when organizing correctional and educational work with them in places of deprivation of liberty. *Conclusions:* when determining a direction of correctional and educational work with convicts of this category, it is important to take into account features of their psychological defense, identify whether convicts have overcome selfishness, stubbornness and individualistic attitude towards people, whether they have learned to analyze their actions and admit mistakes. It is crucial to encourage the ability to see positive traits and moral qualities in each person.

Key words: places of deprivation of liberty; correctional process; convicted for the first time; convicts serving imprisonment for recurrent crimes; crimes against the person; psychological defense; specifics of psychological defense; correctional and educational work.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Zautorova E. V., Kevlya F. I. Specifics of psychological defense of persons serving sentences in places of imprisonment for crimes against the person and correctional and educational work with them. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 107–114. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.011.

Введение

В условиях гуманизации и совершенствования законодательства лицам, лишенным свободы, предоставлены расширенные права. Получение психологической помощи в местах лишения свободы направлено на изучение и учет индивидуальных особенностей преступников различных категорий [7]. Каждая категория осужденных обладает общими и свойственными только им психолого-педагогическими характеристиками [20]. Весьма актуальным представляется изучение особенностей личности осужденных, совершивших преступления против личности – деяния, которые посягают на безопасность жизни, здоровья, чести и достоинства, а также на половую неприкосновенность личности и ее конституционные права, свободы человека и гражданина, интересы лиц несовершеннолетнего возраста и интересы семьи [6].

В настоящее время статистические данные свидетельствуют о снижении числа зарегистрированных преступлений против личности [10], при этом очень остро стоит вопрос исполнения наказания в отношении лиц, их совершивших. Осужденные, отбывающие лишение свободы за преступления данной категории, особенно при рецидиве, являются общественно опасными лицами с устойчивыми антиобщественными взглядами, навыками и неправомерным поведением [12]. В своих жизненных неудачах они обвиняют других людей, оправдывая и защищая себя, не раскаиваются в совершенных преступных деяниях и т. д. [19]. Их умозаключения, выводы и представления трудно поддаются корректировке. Они слабо реагируют на профилактические меры и психолого-педагогическое воздействие. В среде осужденных возникает наибольшее количество конфликтов, неприятных ситуаций с нарушением режима именно при участии данных лиц [18]. В связи с этим необходим постоянный контроль за их поведением со стороны сотрудников пенитенциарных учреждений.

Важным для исправления лиц данной категории будет их постепенное раскаяние в своих преступлениях. Это может быть объяснено посредством изучения особенностей функционирования их психологической защиты, которая имеет своей целью снижение или сведение до минимума переживаний, травмирующих личность (механизмами психологической защиты являются отрицание, подавление, вытеснение, рационализация, реактивное образование, замещение, сублимация, идентификация, деперсонализация [8]).

Проблему психологической защиты в зарубежной психологии изучали такие исследователи, как А. Адлер, Г. Глезер, Э. Джонсон, Д. Ихилевич, В. Райх, А. Фрейд, З. Фрейд, К. Юнг и др. З. Фрейдом в работе «Защитные нейропсихозы» (1894) в психологический тезаурус были введены понятия «психологическая защита», «защитные механизмы психики». Далее они были трансформированы, пересмотрены, интерпретированы и модернизированы учеными и психотерапевтами разных поколений [5]. Так, в дальнейшем А. Фрейд изучала аффект, который включает такие защитные механизмы, как страх, тревога и т. д. [15].

В отечественной психологии приоритет в постановке проблемы психологической защиты принадлежит Ф. В. Бассину. Также данную тему разрабатывали И. Я. Березная, Ф. Е. Василюк, Р. М. Грановская, Б. Д. Карвасарский, В. К. Мягер, В. А. Талашов и др. В литературе понятие «психологическая защита» определяется довольно противоречиво, на настоящий момент не существует общепринятой классификации. Под психологической защитой Ф. В. Бассин подразумевает момент плодотворной экспансии, развития мотивационной структуры личности [1]. О. С. Савенко и Ф. Е. Василюк утверждают, что защитные механизмы появляются в процессе самоактуализации личности, «ситуациях невозможности» [2]. Р. М. Грановская определяет психологическую защиту и ее функции так: «Действие механизмов психологической защиты направлено на сохранение внутреннего равновесия путем вытеснения из сознания всего того, что серьезно угрожает системе ценностей человека и вместе с тем его внутреннему миру» [3; 11].

Психологическая защита помогает человеку сохранять внутреннее спокойствие, создавать условия для самооправдания, избавляя человека от угрызений совести и вины за совершенное преступление, снижая тем самым влияние социального контроля [9]. Если не разрушить данное оправдание, то осужденный вряд ли сможет встать на путь изменения своей личности, исправления. Здесь целесообразным представляется переубеждение, которое рассматривается как коренная ломка, перестройка взглядов осужденного, замена их на противоположные по содержанию [16].

Ошибочные взгляды и убеждения у осужденных очень различаются и могут иметь совершенно разные причины [4]. В связи с этим нами было проведено исследование особенностей психологических защит осужденных.

Организация исследования психологической защиты осужденных

Исследование проходило в несколько этапов. На первом проводилась процедура изучения личных дел, основной целью которой было осуществление отбора испытуемых и создание двух групп – экспериментальной и контрольной. Содержанием второго этапа стало определение типов психологических защит у осужденных, отбывающих лишение свободы за преступления против личности, совершенные при рецидиве, и отбывающих лишение свободы впервые. На третьем этапе сравнивались результаты исследования двух групп.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ФКУ ИК № 4 УФСИН России по Вологодской области (февраль–март, 2021). Данное исправительное учреждение является колонией особого режима, где отбывают наказание осужденные мужского пола (особо опасный рецидив преступления), а также лица, осужденные к пожизненному лишению свободы.

В экспериментальную группу (далее – ЭГ) входили осужденные (30 мужчин), отбывающие лишение свободы за преступления против личности, совершенные при рецидиве. Сведения о характере совершенных правонарушений были получены из личных

дел осужденных. В рамках контрольной группы (далее – КГ) были обследованы 30 мужчин, отбывающих лишение свободы за преступления против личности впервые. Все респонденты, принявшие участие в исследовании, были в возрасте от 30 до 45 лет, средний уровень образования – 9 классов.

Анализ данных, полученных с помощью теста «Рисунок несуществующего животного»

Данный тест использовался для выявления подсознательных особенностей личности путем анализа рисунка испытуемого [13]. Он привлек наше внимание тем, что предназначен для практического изучения некоторых элементов защиты личности. По характеру он относится к проективным методам, статистической проверке или стандартизации не подвергался. В связи с этим анализ рисунков производится аналогично тесту «Свободный рисунок». Сам результат анализа обычно представляется в описательных формах.

По составу данных тест является ориентировочным, поэтому как единственный метод исследования использоваться не может (в качестве батарейного инструмента исследования), требует объединения с другими методами. В нашем исследовании ранее была применена методика диагностики типологий психологической защиты (Р. Плутчик в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой).

Опираясь на данные методики диагностики типологий психологической защиты осужденных [7], мы

выяснили, что лица, отбывающие лишение свободы за преступления против личности, совершенные при рецидиве, пытаются защититься от всей окружающей их реальности, не могут открыться для естественного общения в связи с постоянным опасением за свое эмоциональное спокойствие. Они не могут и не хотят отказаться от постоянной маскировки чувств, влечений, поступков, противоречащих нормам общественной жизнедеятельности. Осужденные из ЭГ не хотят признавать свои антиобщественные поступки, которые вытеснены в бессознательное или отрицаются. При рецидиве преступлений личность вновь прибегает к проверенным типам психологической защиты, сохраняя себя в своих глазах.

Значимые различия наблюдаются у осужденных КГ по таким типам психологической защиты, как вытеснение, компенсация и проекция. Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что осужденные, отбывающие лишение свободы за преступления против личности, совершенные при рецидиве, отличаются от осужденных, отбывающих лишение свободы за преступления против личности впервые, использованием типов психологической защиты «отрицание», «вытеснение» и «проекция».

Для дальнейшего подтверждения полученных выводов осуществлялась оценка психологической защиты с помощью интерпретации характеристик рисунка. Психологические характеристики рисунков в ЭГ представлены в табл. 1.

Таблица 1

Психологические характеристики теста «Рисунок несуществующего животного» в экспериментальной группе

Характеристика рисунка	Интерпретация	Представленность характеристики в рисунке осужденных ЭГ (%)
Выделенный верхний контур фигуры	Защита против лиц, имеющих власть, принуждающих	40
Выделенный нижний контур фигуры	Защита против насмешек, боязнь осуждения младших	17
Выделенные боковые контуры фигуры	Готовность к самозащите (любого порядка)	43
Удвоения на корпусе самого животного с правой стороны	Защита в процессе реальной деятельности	3
Удвоения на корпусе самого животного с левой стороны	Защита своих мыслей, убеждений от других людей	40
Рот с зубами	Защитная вербальная агрессия	30
Рога (особенно в сочетании с когтями, щетиной)	Защита от агрессии (защитно-ответный характер)	27
Хвост, направленный вниз	Недовольство собой, постоянная критика своих действий (как способ защиты)	23

Из табл. 1 видно, что для более чем 1/3 осужденных, отбывающих лишение свободы за преступления против личности, совершенные при рецидиве, характерна самозащита любого порядка. Другими словами, осужденные в любой тревожащей их ситуации готовы к защитному поведению, применяя тот или иной защитный механизм.

Тревожная ситуация может быть вызвана состояниями тревоги, угрозы, внешних или внутренних ограничений со стороны любого явления или объ-

екта. Возможно, вследствие длительности времени, проведенного осужденными ЭГ в местах лишения свободы, они постоянно испытывают данные ощущения и бессознательно стремятся избавиться от них. Также более 1/3 осужденных ЭГ подвержены постоянной защите от вышестоящего лица, которое реально имеет возможность наложить запрет, ограничить, осуществить принуждение. В качестве таковых могут выступать начальники отряда, сотрудники и представители администрации исправительной колонии.

Наряду с данными, которые приведены в табл. 1, нельзя не отметить наличие постоянной защиты осужденными своих мыслей, убеждений, вкусов от других людей. Эта защита может быть реализована путем использования такого механизма защиты, как отрицание, когда отвергается существование у других осужденных мнения или убеждения по какому-либо вопросу, признается только свое собственное мнение.

Осужденные ЭГ также прибегают к защите в виде вербальной агрессии. Это может проявляться в форме крика, нецензурной брани, грубых выражений, оскорблений и т. д. и, возможно, обусловлено жизненным укладом и социально-психологической атмосферой мест лишения свободы. Также имеет место агрессия в ответ на агрессию – это диктуется

чаще всего условиями выживания в местах лишения свободы. Осужденные-рецидивисты обнаруживают сформированную защиту против непризнания, отсутствия авторитета, насмешек, при этом отсутствует боязнь осуждения других людей.

Таким образом, осужденные, входящие в ЭГ, постоянно находятся в состоянии готовности к самозащите по любому поводу, в том числе и защите от тех лиц, которые имеют властные полномочия, право наложить запрет на определенные действия, а также защищают свои мысли, убеждения от других людей. Отмечается отсутствие у них такого способа защиты, как критика своих действий, эмоций и т. д.

Психологические характеристики рисунков представителей КГ отражены в табл. 2.

Таблица 2

Психологические характеристики теста «Рисунок несуществующего животного» в контрольной группе

Характеристика рисунка	Интерпретация	Представленность характеристики в рисунке осужденных КГ (%)
Выделенный верхний контур фигуры	Защита против лиц, имеющих власть, принуждающих	27
Выделенный нижний контур фигуры	Защита против насмешек, боязнь осуждения младших	7
Выделенные боковые контуры фигуры	Готовность к самозащите (любого порядка)	33
Удвоения на корпусе самого животного с правой стороны	Защита в процессе реальной деятельности	0
Удвоения на корпусе самого животного с левой стороны	Защита своих мыслей, убеждений от других людей	3
Рот с зубами	Защитная вербальная агрессия	17
Рога (особенно в сочетании с когтями, щетиной)	Защита от агрессии (защитно-ответный характер)	27
Хвост, направленный вниз	Недовольство собой, постоянная критика своих действий (как способ защиты)	20

Из данных, представленных в табл. 2, видно, что для более чем 1/2 осужденных КГ характерны самозащита любого порядка, постоянное реагирование на любую отрицательную ситуацию. Возможно, это следствие боязни за свою жизнь, физическую и моральную неприкосновенность у осужденных, отбывающих первое уголовное наказание и не адаптировавшихся к условиям лишения свободы. Также в данной группе проявляется защита против лиц, имеющих властные полномочия и право на принуждение. Отбывающие лишение свободы за преступления против личности впервые проявляют защитно-ответную

реакцию на агрессию. Возможно, это условие выживания и существования в местах лишения свободы.

Осужденные из КГ в меньшей мере, чем осужденные из ЭГ, в качестве защиты применяют средства вербальной агрессии при отстаивании своих мыслей и убеждений, для них характерна в основном готовность к самозащите любого порядка, а защита от агрессии носит чаще всего защитно-ответный характер.

Сравним значения, полученные в ходе проведения теста «Рисунок несуществующего животного» в ЭГ и КГ, используя угловое преобразование Фишера [14] (см. табл. 3).

Таблица 3

Психологические характеристики рисунка «Несуществующее животное» в экспериментальной и контрольной группах

Характеристики рисунка	Интерпретация	ЭГ (%)	КГ (%)	Значимость различий
Выделенный верхний контур фигуры	Защита против лиц, имеющих власть, принуждающих	40	27	–
Выделенный нижний контур фигуры	Защита против насмешек, боязнь осуждения младших	17	7	–
Выделенные боковые контуры фигуры	Готовность к самозащите (любого порядка)	43	33	–

Удвоения на корпусе самого животного с правой стороны	Защита в процессе реальной деятельности	3	0	–
Удвоения на корпусе самого животного с левой стороны	Защита своих мыслей, убеждений от других людей	40	3	0,01
Рот с зубами	Защитная вербальная агрессия	30	17	–
Рога (особенно в сочетании с когтями, щетиной)	Защита от агрессии (защитно-ответный характер)	27	27	–
Хвост, направленный вниз	Недовольство собой, постоянная критика своих действий (как способ защиты)	23	20	–

Как видно из табл. 3, значимые различия между ЭГ и КГ существуют только по характеристике, связанной с защитой своих мыслей и убеждений от других людей. Это может объясняться тем, что осужденные, отбывающие лишение свободы за преступления против личности, совершенные при рецидиве, более осторожны, так как для них это уже способ существования в данной среде. Это обусловлено длительностью пребывания в местах лишения свободы, несформированным нравственным и правовым сознанием, искаженностью ценностных ориентаций, несамодостаточностью, эгоизмом и др.

Результаты

Таким образом, для осужденных, отбывающих наказание за преступления против личности, совершенные при рецидиве, в отличие от осужденных, отбывающих наказание за данные преступления впервые, характерна защита своих мыслей и убеждений от других людей в более агрессивной форме. Следовательно, подтвердилась гипотеза о том, что осужденные, отбывающие лишение свободы за преступления против личности, совершенные при рецидиве, отличаются от осужденных, отбывающих лишение свободы за преступления против личности впервые, более широким использованием таких способов психологической защиты, как отрицание, вытеснение и проекция.

Выявленные особенности психологических защит у осужденных, отбывающих наказание за преступления против личности впервые и повторно, дополнили характеристику лиц данной категории, и это необходимо учитывать при организации коррекционно-воспитательной работы с ними в местах лишения свободы. При определении направления коррекционно-воспитательной работы важно установить, насколько преодолено осужденными индивидуалистическое, эгоистическое отношение к другим лицам, коллективу, выработано ли уважительное отношение к человеку. Приоритетными направлениями выступают коррекция агрессивности, формирование навыков управления агрессивными эмоциями и партнерского общения у лиц, совершивших насильственные действия. Данную работу можно осуществлять посредством: 1) обучения способам выражения гнева в

приемлемой форме; 2) обучения приемам саморегуляции, самообладания; 3) отработки навыков общения; 4) формирования позитивных качеств личности.

Среди мер снижения агрессивности у осужденных мужского пола крайне важными представляются внедрение в исправительной колонии системы мониторинга особенностей трансформации личности осужденных и социально-психологических явлений в их среде, реализация комплекса мероприятий общепреventивного и специального профилактического характера.

Заключение

В статье были проанализированы особенности психологических защит у осужденных, отбывающих наказание за преступления против личности, совершенные впервые и при рецидиве. Психологическая защита помогает человеку сохранять внутреннее спокойствие, создать условия для самооправдания, и если не разрушить данное оправдание, эту психологическую защиту, то осужденный не сможет измениться и процесс исправления будет неэффективным.

При определении направления коррекционно-воспитательной работы с осужденными рассматриваемой категории важно, в первую очередь, установить, насколько преодолено ими индивидуалистическое, эгоистическое отношение к другим лицам, коллективу, выработано ли уважительное отношение к человеку. При развитии правосознания следует добиваться, чтобы осужденные больше думали о последствиях своих поступков, воспитывали в себе уважение к людям, сознательно соблюдали требования режима, стремились искоренить в себе такие качества, как грубость, жестокость, безразличие и равнодушие к судьбам других людей.

В коррекционно-воспитательной работе с осужденными за преступления против личности необходим комплексный подход, потому что эти лица обладают низким как морально-нравственным, так и образовательным уровнем. Исправительное учреждение решает задачи формирования системы нравственных ценностей, гармонизации внутреннего мира осужденных данной категории, совершенствования их умения взаимодействовать в коллективе и семье, воспитания толерантного отношения к окружающим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бассин, Ф. В. Проблема психологической защиты / Ф. В. Бассин, М. К. Бурлакова, В. М. Волков // Психологический журнал. – 1988. – № 3. – С. 30–41.
2. Василюк, Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.

3. Грановская, Р. М. Защита личности: психологические механизмы / Р. М. Грановская, И. М. Никольская. – Санкт-Петербург : Знание, 1999. – 347 с. – ISBN 5-88729-046-3.
4. Гришина, Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 554 с. – ISBN 978-5-91180-895-2.
5. Журбин, В. И. Понятие психологической защиты в концепциях Э. Фрейда и К. Роджерса / В. И. Журбин // Вопросы психологии. – 1990. – № 4. – С. 14–23.
6. Зауторова, Э. В. Организация воспитательной работы с осужденными за различные виды преступлений : учебное пособие / Э. В. Зауторова. – Москва : НИИ ФСИН России, 2018. – 80 с. – ISBN 978-5-6041405-0-5.
7. Зауторова, Э. В. Особенности психологических защит у осужденных, отбывающих лишение свободы за преступления против личности : монография / Э. В. Зауторова, Ф. И. Кевля. – Москва : НИИ ФСИН России, 2021. – 120 с. – ISBN 978-5-6042382-6-4.
8. Киршбаум, Э. И. Психологическая защита. / Э. И. Киршбаум, А. И. Еремеева. – Москва : Смысл ; Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 175 с. – ISBN 5-89357-180-0.
9. Кнопкин, О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) / О. А. Кнопкин // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 5–12.
10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 28.04.2021).
11. Никольская, И. М. Психологическая защита у детей / И. М. Никольская, Р. М. Грановская. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 342 с. – ISBN 5-9268-0457-4.
12. Мурашов, В. А. Особенности секреции гормона роста при депрессиях непсихотического уровня : диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук / Мурашов Вадим Анатольевич. – Архангельск, 2007. – 121 с.
13. Романова, Е. С. Психодиагностика: учебное пособие / Е. С. Романова. – Москва : КНОРУС., 2011. – 336 с. – ISBN 978-5-406-01311-3.
14. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 350 с. – ISBN 5-9268-0010-2.
15. Фрейд, А. Теория и практика детского психоанализа. В 2 томах. Том 1 / Анна Фрейд. – Москва : Апрель пресс, 1999. – 392 с. – ISBN 5-04-003983-2.
16. Bandura, A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory / Albert Bandura. – Englewood Cliffs (N. J.) : Prentice-Hall, 1986. – 617 с. – ISBN 0-13-815614-X.
17. Budner, S. Intolerance of ambiguity as a personality variable / Stanley Budner // Journal of personality. – 1962. – Volume 30, issue 1. – Pp. 29–50.
18. Deutsch, M. Constructive Conflict Resolution: Principles, Training, and Research / Morton Deutsch // Journal of Social Issues. – 1994. – Volume 50, no. 1. – Pp. 13–32.
19. Ignatov, A. N. Biological factors of determination of violent crime / A. N. Ignatov // Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. – 2015. – Volume 9, no 2. – Pp. 223–233.
20. Джаррет, К. Как тюрьма изменяет личность человека / Кристиан Джаррет // BBC news: Украина. – URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-44083238> (дата обращения: 26.01.2021).

REFERENCES

1. Bassin F.V., Burlakova M.K., Volkov V.M. Problem of psychological defense. *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal*, 1988, no. 3, pp. 30–41. (In Russ.).
2. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii)* [Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)]. Moscow: Izd-vo Mosk. Un-ta, 1984. 200 p.
3. Granovskaya P.M., Nikol'skaya I.M. *Zashchita lichnosti: psikhologicheskie mekhanizmy* [Personal protection: psychological mechanisms]. Saint Petersburg: Znanie, 1999. 347p.
4. Grishina N.V. *Psikhologiya konflikta* [Psychology of conflict]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 554 p.
5. Zhurbin V.I. Concept of psychological defense in the concepts of S. Freud and C. Rogers. *Voprosy psikhologii=Issues of Psychology*, 1990, no. 4, pp. 14–23. (In Russ.).
6. Zautorova E.V. *Organizatsiya vospitatel'noi raboty s osuzhdennymi za razlichnye vidy prestuplenii: uchebnoe posobie* [Organization of educational work with convicts sentenced for various types of crimes: textbook]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2018. 80 p.
7. Zautorova E.V., Kevlya F.I. *Osobennosti psikhologicheskikh zashchit u osuzhdennykh, otbyvayushchikh lishenie svobody za prestupleniya protiv lichnosti: monografiya* [Features of psychological defenses of convicts serving imprisonment for crimes against the person: monograph]. Moscow, 2021. 120 p.
8. Kirshbaum E.I., Eremeeva A.I. *Psikhologicheskaya zashchita* [Psychological defense]. Moscow: Smysl, Saint Petersburg: Piter, 2005. 175 p.
9. Knopkin O.A. Mental self-regulation of voluntary human activity (structural and functional aspect). *Voprosy psikhologii=Issues of Psychology*, 1995, no. 1, pp. 5–12. (In Russ.).
10. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2020. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of the Interior of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (Accessed April 28, 2021).
11. Nikol'skaya I.M., Granovskaya P.M. *Psikhologicheskaya zashchita u detei* [Psychological defense of children]. Saint Petersburg: Rech', 2006. 342 p.
12. Murashov V.N. *Osobennosti sekretsii gormona rosta pri depressiyakh nepсихотического уровня: dis. ... kand. biolog. nauk* [Features of growth hormone secretion in non-psychotic depression: Candidate of Sciences (Biology)]. Arkhangelsk, 2006. 132 p.

13. Romanova E.S. *Psikhodiagnostika: uchebnoe posobie* [Psychodiagnosics: textbook]. Moscow: KNORUS., 2011. 336 p.
14. Sidorenko E.V. *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. Saint Petersburg: Rech', 2000. 350 p.
15. Freud A. *Teoriya i praktika detskogo psikhoanaliza. V 2 tomakh. Tom 1* [Psychoanalysis theory of child development. In 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Aprel' press, 1999. 392 p.
16. Bandura A. *Social foundations of thought and action: a social cognitive theory*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1986. 617 p.
17. Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 1962, vol. 3, no. 1, pp. 29–50.
18. Deutsch M. Constructive conflict resolution: principles, training, and research. *Journal of Social Issues*, 1994, vol. 50, no. 1, pp. 13–32.
19. Ignatov A.N. Biological factors of determination of violent crime. *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 2, pp. 223–233.
20. Jarrett K. How prison changes a person's identity. *BBC news: Ukraine*. Available at: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-44083238> (In Russ.). (Accessed January 26, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУОРОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

ФАИНА ИЛЬНИЧНА КЕВЛЯ – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, fkevlya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9603-6523>

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

FAINA I. KEVLYA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, fkevlya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9603-6523>

Статья поступила 31.05.2021

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>